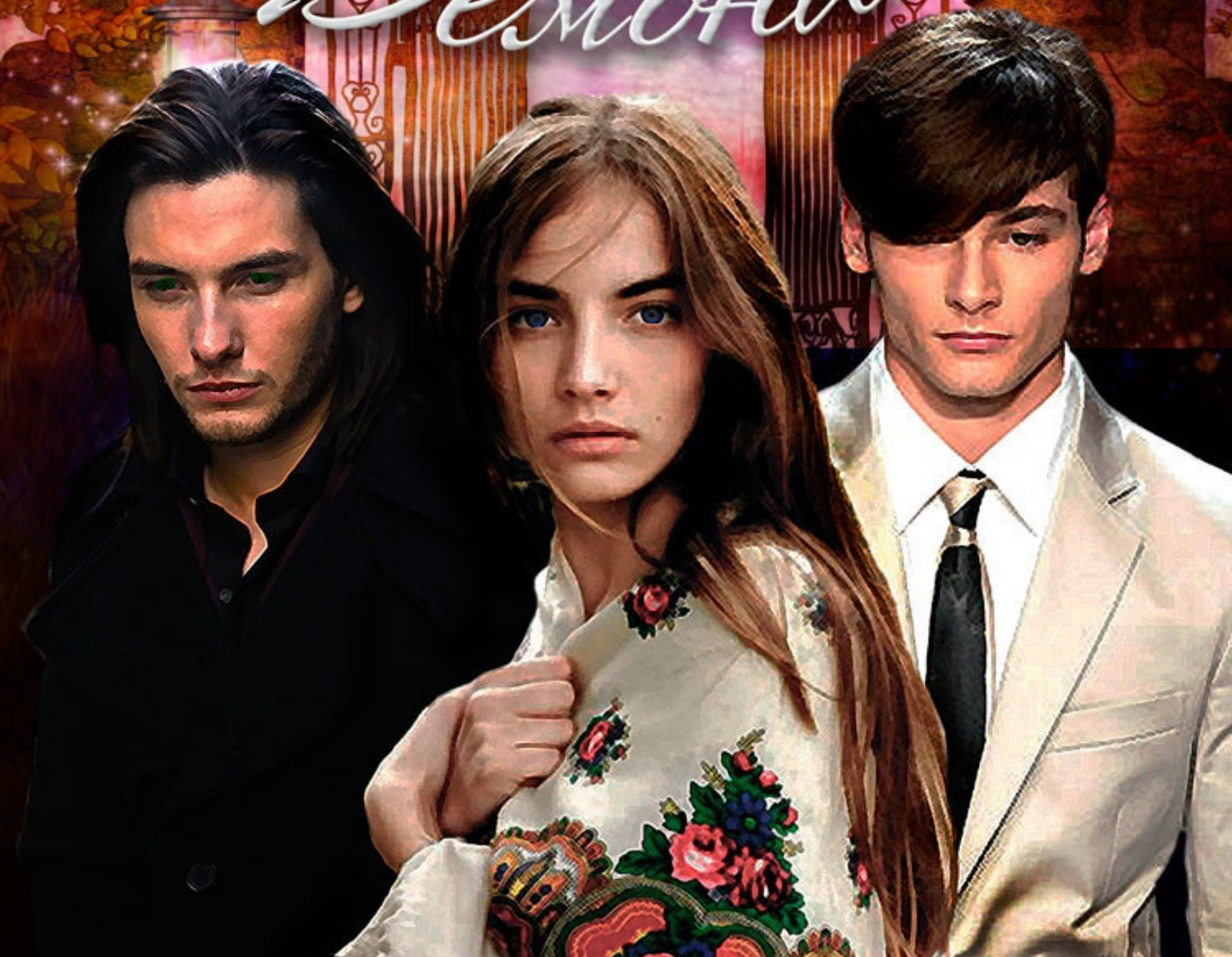

Ангелина Мэй

*В объятиях
Демонов*

Любить сразу двоих... Такое возможно? На этот вопрос ответит только тот человек, который испытал нечто подобное. Как и главная героиня — провинциальная Золушка. Кого выбрать? Один — москвич, второй — турок. Оба молоды, умны, красивы и успешны. Их имена не сходят со страниц "Forbes". И, вроде бы, оба её любят. Но кого выберет она: самоуверенного взбалмошного наглеца с внешностью и повадками Казановы или спокойного, загадочного восточного красавца, притягивающего её с невероятной силой, то отталкивающего, то манящего её в свои объятия. Причём один из этих двоих хранит страшную тайну, являясь человеком лишь наполовину...

«В объятиях демона»

Любить сразу двоих... Такое возможно? На этот вопрос ответит только тот человек, который испытал нечто подобное. Как и главная героиня — провинциальная Золушка. Кого выбрать? Один — москвич, второй — турок. Оба молоды, умны, красивы и успешны. Их имена не сходят со страниц «Forbes». И, вроде бы, оба её любят. Но кого выберет она: самоуверенного, взбалмошного наглеца с внешностью и повадками Казановы или спокойного, загадочного восточного красавца, притягивающего её с невероятной силой, то отталкивающего, то манящего в свои объятия? Причём один из этих двоих хранит страшную тайну, являясь человеком лишь наполовину...

Лучше провести мгновение с тобой, чем вечность без тебя...

Предисловие.

Засидевшись допоздна в читальном зале университета, до того, что даже сторож, проходивший мимо двери, загремел связкой ключей, намекая, что мне пора бы и удалиться, я оказалась в паутине ночной, но почему-то не притягивающей, а, наоборот, пугающей столицы.

Я слышала, как тот изнутри запер дверь «храма науки» и шаркающими шагами дал понять, что на сегодня моё погружение в историю Османской империи закончено, и нужно возвращаться к реальной жизни.

Посмотрела на часы, обе стрелки которых находились прямо в вертикальном положении, и глубоко вздохнула. Этот вздох означал, что и сегодня мне не удалось добраться до истины, которую я, во что бы то ни стало, обязана была узнать.

Оглянулась по сторонам. Было странно, что в эту тёплую майскую ночь, манящую сладостным ароматом цветущей сирени, на мостовой я была в полном одиночестве, не считая луны, которая полноправной хозяйкой освещала каждую плитку тротуара.

Посмотрев ещё какое-то время на звёздное небо, и вдохнув полной грудью аромат ночи, я отправилась навстречу своей реальной жизни, несмотря на то, что загадочный мир султана, прекрасных наложниц, грозных янычар и завораживающего сердце пролива никак не хотел меня отпускать.

До общежития, где и протекала моя невыдуманная жизнь, было метров триста. Я прошла мостовую и свернула во дворы. От их тишины и спокойствия дрожь пробежала по телу. Я остановилась, оказавшись в самой глубине ночи. Пересилив страх, и набрав в лёгкие побольше воздуха, всё же переступила невидимую черту между миром настоящим и тем, заложницей которого была.

Услышав шум шагов позади себя, я тоже ускорила шаг. Шаги сзади не прекратились, наоборот, слышались ещё отчётливее.

— Эй, красавица, куда спешишь? — грубый мужской и, явно, нетрезвый голос заставил меня обернуться.

Я увидела три силуэта, которые набирая скорость, приближались ко мне.

Побежала....

— Стой, говорю! От меня не убежишь! — незнакомцы, явно, начинали злиться.

Думала, что такое бывает только в кино: беззащитная девушка, три подпитых хулигана и тёмная подворотня.

Увы, то был не фильм...

Через минуту три огромных бугая окружили меня, не оставив никакой надежды на бегство.

«И почему в последнее время с завидной регулярностью влипаю в истории?» — пронеслось в голове.

Мне стало холодно. По всему телу пробежала дрожь. Ноги подкосились. Я пошатнулась, но не упала. Чем вызвала смех негодяев.

— Смотри-ка, от счастья голова закружилась! — смеялся один.

— Ну, так! То ни одного, а тут сразу три прынца! — кривляясь, поддержал второй.

— Ну, что, цыпа? Развлечёмся? — третий подошёл ко мне вплотную и сунул под нос недопитую бутылку пива.

Я даже почувствовала тот ужасный запах, который исходил от него: запах перегара вперемешку с потом и чесноком.

По инерции сморщила нос, чем вызвала дикую радость и восторг похотливых отморозков.

— Что, крошка, не нравится мой «Шанель номер 5»? — продолжал тот издеваться. — Смотрите, какая разборчивая попалась!

— Ну, ничего, мы это поправим! — вмешался в беседу второй, подойдя ко мне с другой стороны. Он взял локон моих волос и провёл им себе по носу.

Сердце моё бешено застучало, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я закрыла глаза от страха, с ужасом представляя дальнейшее развитие событий.

— Отойди от неё! — вдруг послышался строгий мужской голос.

Мучители мои, в чьи планы, явно, не входил четвёртый, обернулись назад, откуда голос и раздавался.

В темноте, освещённый прожектором луны, стоял он — мой спаситель. Лица его было не разглядеть, только крепкий мужской силуэт. Эта картина напоминала мне одну историю.

— Мне повторить? — спросил таинственный незнакомец. Голос его дрожал.

— А ты кто ещё такой? — ехидно кривлялся бугай, что был с бутылкой.

Он оставил меня, стукнул бутылкой об лавочку и с «розочкой» пошёл прямо на незваного гостя.

Остальные последовали его примеру. В руках одного блеснуло лезвие ножа.

Сердце моё колотилось.

— Уходи! — бросил в мою сторону незнакомец.

Но я и пошевелиться-то не могла. Тело будто онемело.

Трое медленными осторожными шагами подходили к моему спасителю, окружая его со всех сторон. Тот же стоял на месте, не шелохнувшись. Подул ветер, и я увидела, как

развешаются его длинные волосы.

Он точно напоминал того парня из книги, события которой ещё были свежи в моей памяти. Будто действие со страниц перенеслось в реальность.

Подойдя почти вплотную, один из отморожков набросился на моего героя. Но тот, не моргнув и глазом, одной рукой схватил хулигана за горло и спокойно поднял в воздух. Тот захрипел и задёргал ногами.

Двое других остановились....

Я смотрела на ночного мстителя. Его глаза янтарным блеском светились в темноте. Он же издавал звук, похожий на звериное рычание. Это зрелище пугало, но, в то же время завораживало. Я не чувствовала никакой опасности, поэтому убежать и в мыслях у меня не было.

— Уходи!!! — уже крикнул незнакомец каким-то странным, эхом раздававшимся голосом.

От этого крика мурашки побежали по всему телу. Я будто очнулась от его чар и, сначала попятившись назад, всё ещё не в силах оторваться от его светящегося взгляда, развернулась и пустилась наутёк.

Потом всё было, как в тумане. Я не слышала обвинения в мой адрес грозной комендантши общаги, не видела испуганных лиц моих переволновавшихся соседок, не заметила встречавшего меня в коридоре Генку.

Я думала только о нём — о моём спасителе... Я узнала его даже в темноте... Это был точно он... И я ещё раз убедилась в том, что он был больше, чем просто человек!

Глава первая «Сделка»

Я сама никогда не поверила бы в эту историю, посчитав её рассказчика лгуном и фантазёром, решив, что тот насмотрелся фэнтези, которым забиты всё телевидение, полки книжных магазинов и всемирная паутина....

Но это... моя история...

Я не знаю, в каком веке мне нужно было родиться, но явно, не в нынешнем. Я нахожу себя отрешённой от современного мира. Я чувствую себя здесь чужой. Я задыхаюсь, как рыба, выброшенная огромной морской волной на песчаный берег, где нет ни души, чтобы отпустить меня обратно.

И мне по душе, скорее, бал Наташи Ростовской, чем современные дискотеки в навороченных модных клубах столицы. И я предпочла бы быть одной из наложниц султана, чем тереться по стенам в тех самых клубах с крутыми папенькиными сыночками, которые мнят себя хозяевами жизни.

Родители и имя мне выбрали подходящее, будто знали о судьбе, мне уготовленной. Такое сказочное имя в нашем небольшом посёлке было у меня одной, или, по крайней мере, его не было у моих знакомых. Зовут меня Василиса. Василиса Крылова. Да, как самук прекрасную и премудрую героиню русских народных сказок, спасённую Иванушкой из плена злобного Кощея. Герой Иванушки мне тоже симпатичен. И я не отношусь к категории молодых девчонок, мечтающих о принце на белом коне. Иванушка, при условии, что он не дурак, вполне бы мне сгодился.

Родилась и выросла я в небольшом посёлке под Москвой. Несмотря на близость столицы, жизнь моя на столичную не смахивала. Мама преподавала в местной музыкальной школе. Отец трудился на заводе.

Детство моё было счастливым...

Из самых ярких впечатлений можно отметить, пожалуй, двухнедельный отпуск в Сочи, лет десять назад — путёвки бесплатно дали папе на заводе за хорошие успехи в процветании производства. Также новый год, который мы не, как обычно, отмечали в кругу семьи, а точнее втроем, уплетая оливье и слушая «Старые песни о главном», а ездили в гости к друзьям семьи, где я в первый раз прокатилась на лифте аж до семнадцатого этажа, что произвело на меня большее впечатление, чем сам праздник. И ещё запомнился трёхкилограммовый торт с синими и красными розочками из сливочного крема с надписью «Восьмое марта», за которым отец даже ездил в Москву. Это сейчас можно приобрести любой шедевр с видом Кремля и Эйфелевой башни в её реальный рост. Тогда же это, действительно, было счастьем.

Но я не жалею о судьбе, ни в коем случае. Я благодарна своим родителям, что они вложили в меня главное понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо, что под силу не каждому, пусть даже и самому добросовестному «предку»!

И я не обижаюсь на своих одноклассников, которые дразнили меня «лохушкой». Ведь то, что я поступила в один из самых престижных университетов страны на бюджетной основе, в отличие от некоторых, говорит о том, что по себе людей не судят!

И в то время, когда мои «врагини» протирали штаны на кассах «Дикси» и «Пятёрочки», устраивая по вечерам дуэль из-за очередного сельского плейбоя, я уже во всю «покоряла» столицу.

Столица встретила меня с распростёртыми объятями, точнее, с «распростёртым кошельком», так что после лекций в университете мне приходилось подрабатывать то там, то здесь. А именно: раздавать листовки у входа на Курскую об открытии очередной «Студии Мезотерапии», понятия не имея, что вообще это такое и «с чем его едят».

Зато я знала, как изнутри выглядит шикарный и дорогой столичный ресторан, по карманам лишь самым успешным и влиятельным, которых я никогда вблизи не видела, так как, подрабатывая на кухне посудомойкой, подглядывала на гламурную жизнь только в замочную скважину.

Я не боялась никакой работы, будь то посудомойка или надоедливый раздатчик листовок. Мои родители научили меня, что любой труд достоин уважения!

В универе, как его все ласково называли, я была белой вороной, получив сразу достойное прозвище «чудная». По крайней мере, оно было лучше, чем моё прежнее.

Зато в группе Ф-101, где обучали древнему искусству Платона и Сократа, меня уважали и даже по-своему любили за «мои мозги», пусть и не такие, но всё же самые близкие из всей группы к мозгам сих древнейших мыслителей.

— Вась, дашь лекцию по праву откопировать? — ласково, выдавливая улыбку на своём ангельском личике, просила меня наша местная Анджелина Джоли — Алина Дубровина, высокая стройная брюнетка, как говорят, модельной внешности.

Не знаю, в каком месте наши мальчики, одарившие её этим замечательным прозвищем, нашли сходство с известной актрисой, но раз его дали истинные знатоки женской красоты, оно имело право на существование.

Как ни смешно это прозвучит, но был в нашем дружном и сплочённом коллективе и Брэд Питт. Здесь, я согласна, сходство было на лицо. Всеслав Макарский был из тех парней, которые сводят с ума девчонок из той категории, о которой я упоминала ранее. Правда, его конь был не белого, а красного цвета, зато породы «Мазерати». Думаю, в этом случае,

можно было простить такой маленький промах!

А внешность его была без единого брака, конечно, роста он был не высокого, но зато крепкие бицепсы и трицепсы идеально сочетались с цветом тёмного загара кожей и белобрысым ёжиком, аккуратно уложенным гелем. Глаза его цвета неба и чуть заметная ямочка на подбородке разбили немало девичьих сердец. Даже у меня, заядлой феминистки, при виде его мурашки бегали по спине. Но до Анджелины Джоли мне было далеко. Поэтому я даже не рассматривала этот вариант.

Макарский был сыном крупного в Москве банкира, оно и было понятно. Иначе как он умудрялся, присутствуя через раз на лекциях, успешно сдавать экзамены и зачёты. Ещё поговаривали, что Макарский-старший был армейским другом нашего декана. Одним словом, Сева Макарский был в универе «своим».

Алина Дубровина не могла похвастаться такой родословной. Её отец был более низкого полёта, всего лишь издателем, зато ему принадлежал не один банк, а пять издательских компаний. Тут уж, как говорится, не качество, а количество.

И, если Макарский целыми днями зависал в фитнес-центрах, дабы поддерживать свой имидж плейбоя, Дубровина была завсегдатай салонов красоты. И вот недавно, но уже в который раз, подкачала себе губы, чтобы быть ближе к той, кем её называли.

И, конечно же, как и положено, по жанру, эти двое были парочкой.

А я была полноправным другом семьи, так как регулярно вырочала конспектами.

— Вась, ну так как, лекцией поделишься? — ещё раз спросила Дубровина.

— Конечно, — разве я могла отказать человеку в помощи.

Родители учили меня: «Сам погибай, а товарища выручай!»

— Вот спасибо, моя дорогая! Сочтёмся.

«Моя дорогая» и «сочтёмся» были коронными фразами Алины. Так что я не обижалась, что «сочетались» мы с ней уже второй семестр.

— Хочешь сегодня с нами в клуб? — по-дружески, заранее зная, что откажусь, предлагала Дубровина.

— Нет, спасибо, на сегодня у меня другие планы, — вежливо отказывала я.

А что было бы, если я хотя бы раз согласилась! Думаю, Анджелина Джоли в один миг превратилась бы в Малефисенту, кем, в принципе, и была Дубровина.

Кроме легенд кинематографа были в нашей группе и героини анимации и даже русских народных сказок: Фунтик, Шрек, Заяц, Колобок. Хотя, наверное, в каждом уважающем себя коллективе есть такие «погоняла». Хочу остановиться поподробнее на двух, так как они имеют непосредственное отношение к моей истории.

Крокодил Гена или просто Крокодил. В обычной жизни — Гена Калинин. И Чебурашка — Света Никитина. Они не были парой. Они были моими единственными друзьями в универе. Да, наверное, и в моей жизни.

Вот и сейчас Света, услышав мой разговор с Дубровиной, тут же подлетела ко мне:

— Ты опять ей списывать даёшь? Да она же использует тебя, притворяясь подругой. Думаешь, я не знаю, какие она гадости разносит про тебя по универу.

Я же улыбалась, пропустив мимо ушей её слова. Родители ещё с песочницы приучали меня не жадничать. Ну, а слушать сплетни — не является тоном хорошего воспитания.

Света и Генка были такими же, как и я, бюджетниками, что выделяло нас из толпы «золотой молодёжи».

... Профессор Литвинов, преподаватель этики, как всегда, задерживался. И дисциплину эту мы начали изучать самостоятельно, выясняя, какая марка одежды самая прекрасная в этом современном мире: от Киры Пластининой или же классика Дольче энд Габана. К разговору подключились все неравнодушные.

— Я себе вчера такое платье купила в ЦУМе, — хвасталась Дубровина, — ну просто обалденное, ярко-красное, спина открытая, гипюровая вставка вот здесь, — показывая то самое откровенное место, продолжала она на радость сидевшим рядом и открывшим рот от желания увидеть вживую эту самую вставку, нашим мальчишкам.

— В воскресенье его в клуб надену, — кокетливо улыбалась Дубровина, приглашая всех желающих и «возжелающих» увидеть это платье лично.

Я заметила, как Свету Никитину, наблюдающую за этим высококультурным разговором, передёрнуло в тот момент.

— Дорогое? — интересовалась Ленка Смирнова.

«Хоть кто-то думает о голодающих детях в Африке», — обрадовалась я, рисующая в голове ужасные картины, когда речь заходила о стоимости современных нарядов.

— Пятьсот, — полущёпотом, но так, чтобы услышала вся аудитория, ответила Анджелина Джоли.

— Баксов?

— У е, — обидевшись, что её чуть не продешевили, сказала Дубровина.

Знают ли они, что эта серая кофточка, что сейчас на мне, стоит пятьсот рублей. Нет, они, наверняка, даже и не подозревают, что существуют ещё какие-нибудь деньги, кроме долларов и евро.

А Дубровина лучше бы занялась благотворительностью, как её тёзка, — думала я, — чем тратить папины денежки направо и налево. Хотя она, наверно, даже не знает, что такое ООН. А, если и слышала, то решила, что это название очередного ночного клуба или спасалона.

Да, знакомьтесь, Лена Смирнова — ещё одна обладательница золотой пробы. Всё по традиции, даже не интересно, никакого разнообразия: девяносто-шестьдесят-девяносто, плюс-минус три сантиметра, шпильки длиной со стандартную линейку в портфеле школьника — дабы соответствовать стандарту своему. Как минимум три похода в клинику пластической хирургии. Блондинистые волосы, чудом выросшие за каникулы сантиметров на двадцать. Белая «Ауди ТТ» у ворот универа. Ничего не смыслит в профилирующем предмете, зато разбирается в законодательстве моды, так как у её матери три бутика на Арбате.

— Махнём сегодня после последней пары в боулинг! — хлопая в ладоши и восторгаясь своей сообразительности, как лучше провести время, предложила Алина.

— Без проблем!

— Круто!

— Клёво! — поддержали её со всех сторон.

На этом беседа закончилась. Так как открылась дверь, и на пороге аудитории появился Сергей Михайлович Литвинов — преподаватель этики.

После последней пары все отправились, как и договорились в боулинг, ну, или почти все.

Я поспешила домой. Сегодня была моя смена в ресторане.

— Как, ты с нами не идёшь? — подскочила ко мне уже в коридоре, увидев, что я направляюсь в другую сторону, Дубровина.

— Я не могу сегодня. В следующий раз, — наивно похлопав глазами, ответила я, понимая, что «следующий раз» — это что-то типа её «сочтёмся».

— Жаль! — таким тоном, что я уже почти поверила, продолжала Дубровина. — Слушай, в это воскресенье у меня день рождения, будем отмечать в клубе. Ты должна быть обязательно.

Последние слова она уже говорила на ходу, потому как Макаровский, который не привык ждать, уже тащил её за руку по длинному коридору универа, наслаждаясь при этом восторженными взглядами своих поклонниц.

— Чего она хотела? — подошла ко мне Света.

— Да ничего! Как обычно, — похлопав её по плечу, ответила я. — А где Генка?

— Он просил нас внизу в раздевалке подождать. Ему в деканат забежать надо.

— Ясно. Пошли?

Через несколько минут мы втроём уже шли по вымощенной плиткой мостовой, наслаждаясь тёплыми лучами яркого апрельского солнца, которое было свидетелем того, что не за горами уже почки на деревьях, первая зелёная травка. Не за горами весна — моё любимое время года, когда всё оживает вокруг, и воздух наполняется манящим и сладостным ароматом.

Столица, которую я ненавидела, скучая по тому маленькому мирку, где выросла, в этот момент казалась мне не такой уж и плохой.

Было радостно и спокойно на душе. Рядом шли мои друзья: Генка и Света. С ними я чувствовала себя счастливой, хотя бы те несколько минут, которые занимала дорога из универа в общагу, где мы, покорители первопрестольной, жили на пятом этаже, как и положено первокурсникам.

Мы жили втроём: я, Света Никитина и Оля Соколова с филфака. Комната ничем не отличалась от остальных общежитских. Каждый, хотя бы раз в своей жизни, думаю, побывал в таком заведении. По стенам три койки, один письменный стол на троих. А за дверью — небольшой шкаф. Шторы, которые висели здесь, наверное, с момента постройки общаги, закрывали прекрасный вид на древний город, завораживающий своей красотой и историей. Город, покоривший многих, но который до сих пор не мог завоевать моё сердце.

... Из ресторана я вернулась поздним вечером.

— Я пришла! — по привычке сказала я, стаскивая сапоги с ног возле двери.

— Ты сегодня поздно, — заметила Света.

— Банкет был. Пришлось ждать, когда все разойдутся. А вы уже чай пили?

— Нет, тебя ждём. Кстати, Генка заходил, просил его тоже к чаю позвать, — включилась Оля в разговор.

— Ага, опять все конфеты у нас съест, — с улыбкой ответила я. — Ладно, схожу, позову.

Генки в своей комнате не оказалось. Вышел воздухом подышать — пояснил его сосед Дима. Поэтому чай тем вечером мы пили в женской компании.

...В то самое время на другом конце столицы в ночном клубе «Махаон» другая компания пила нечто, покрепче чая.

— Как, ты говоришь, её зовут? — спрашивал незнакомый симпатичный парень, разминая круговыми движениями уставшие плечи, на одном из которых из-под белой обтягивающей явно натренированные мышцы майки, выглядывала татуировка в виде дракона. Красавчик периодически дёргал головой, поправляя спадающую на лицо цвета тёмного шоколада длинную чёлку. В левом ухе сверкала серьга. Фигура его была идеальной — золотой серединой для девушек, разделяющихся на любительниц Ван Дама и Ди Каприо в молодости. Он взял в руки кий, обошёл вокруг бильярдного стола, выбрал себе цель и, нагнувшись, прищулив один глаз, попал «в яблочко».

— Василиса, — доносился приятный мужской баритон с соседнего столика, заставленного пустыми стаканами из-под пива и коктейля «Б2», которые официант не успевал убирать.

— Василиса, значит. А что, отличное имя.

— Да брось, Влад, нужна она тебе? — спрашивал всё тот же голос.

— Нужна, ой как нужна, — с нотами сарказма отвечал тот. — Это даже интересно, почувствовать себя Иванушкой.

— Да забудь, говорю. Она нормальная девчонка. Моя с ней типа дружит. Тебе баб мало. Оглянись, здесь уже все твои.

— Можешь забирать себе любую. Какая нравится? Может, вон та блондинка за столиком справа? — Влад, обняв за плечи своего собеседника, развернул его на девяносто градусов, показывая выбранную цель.

Блондинка, сидевшая одна за столиком, не поверила своему счастью. Выпрямив плечи и стреляя глазками, как опытная охотница за богатыми папенькиными сынками, улыбалась во весь рот своими ботексными губками.

— Не нравится? Согласен, полновата. А как насчёт этих двух цыпочек возле барной стойки? — не опуская рук, он развернул друга в другую сторону. — А что? Сразу две. Тебе же раньше нравилось? А?

Девушки же, почувствовав на себе внимание, встали в позу готовности, выставив все свои достоинства.

— Ну как, Сева? Брюнетки? Модельной внешности? — ехидно улыбаясь, скрежета отбеленными зубами, изображая тигра перед прыжком, спросил Влад. — Или сегодня ты хочешь рыженькую? — присев и взглянув своими чёрными глазами прямо в лицо товарища, спросил он. — Найдём и такую. Он поднялся и, подставив кулаки как бинокль к глазам, продолжал свой спектакль.

— Остановись Влад, ненавижу твои шуточки.

— Ой, прости, запомнил. Ты же теперь почти семейный человек. У тебя же есть Анджелина Джоли. Зачем тебе эти простушки. Кстати, она тебе ещё не надоела? Сколько вы с ней? Полгода? Может, больше? — дёрнув вновь головой, поправляя чёлку, спросил Влад у своего собеседника. Кем был, как вы уже могли догадаться, Всеслав Макаровский — он же Брэд Питт.

А наглец с внешностью Казановы был его друг — Влад Истомина, такой же, как и Макаровский, сын своего отца — владельца нескольких казино и модных ночных клубов, в том числе и «Махаона». И, если везде Истомина чувствовал себя царём и хозяином жизни, так здесь он, можно сказать, был всевышним.

Девушки же в клубе были не из категории ожидающих принца на коне — вход для таких был заказан. Они были птицей покрупнее — опытные охотницы за богатыми наследниками,

такими как были Влад Истомин и Всеслав Макарский.

— Мне пора! — Макарский встал из-за стола, отглотнув пива из бокала, хлопнул друга по плечу и направился к выходу.

— Пока! Пока! — с загадочной улыбкой помахал ему вслед Истомин.

— Макс! — крикнул он охраннику.

Опричник его под два метра ростом и таким же расстоянием в плечах не заставил себя долго ждать.

— Вон ту блондинку видишь? — взглядом показывал он на девушку за соседним столиком справа, на которую обратил внимание в самом начале вечера.

— Понял! — ответил ему знавший свои обязанности охранник.

В ту ночь Влад не скучал. А для ещё одной дурочки сбылась мечта её жизни — стать хотя бы на одну ночь девушкой Истомина.

Всеслав Макарский за рулём своего «Мазерати» в тот вечер тоже не скучал, думая о том, что же теперь будет. И зачем чёрт принёс Истомина в ту самую минуту к дверям универа, когда из него выходила Василиса с друзьями! Зачем чёрт вообще принёс его из Лондона, где вот уже третий год тот обучался, чтобы быть достойной сменой своему отцу.

Макарский дружил с Истоминым с самого детства по той простой причине, что их отцы были дружны — их объединял общий бизнес. И он знал друга, как облупленного — так просто Истомин не отвяжется. Если Владу пришло что-то в голову — его уже не остановить.

— Вот чёрт! — вырвалось у Макарского. Надо отметить, то была его коронная фраза. Было ли это упоминанием нечистого, или в ту минуту она относилась непосредственно к объекту его мыслей, остаётся только догадываться. Брэд Питт рукой стукнул по рулю и прибавил газу.

...На следующий день в универе по длинному коридору вышагивала делегация. Во главе которой в белом френче по колен, подвязанном поясом, в чёрных узких брюках, начищенных ботинках из крокодильей кожи и в солнечных очках из последней коллекции «Рэй Бэн» шёл известный всем продвинутым девушкам Москвы Влад Истомин со своими опричниками.

Всё внимание окружающих было приковано к ним. Девушки перешёптывались, не веря своим глазам:

— Да это же Истомин!

— Не может быть, он же в Лондоне!

— Да нет, точно он, я бы его из миллиона узнала!

— Ой, какой хорошенький!

— А я думаю, на фото в «Форбсе» он намного симпатичнее!

— Истомин? — спрашивали некоторые, удивлённые такому вниманию к персонам делегации, видимо, первокурсницы, пока ещё не разбирающиеся в светской жизни столицы.

— Да, наследник казино, клубов и ресторанов. В «Форбсе» в десятке самых завидных женихов Москвы.

— Ах! Какой милашка! — реагировали тут же посвящённые.

Предводитель же делегации, привыкший к такому вниманию, ни на кого не смотрел. Считавший себя царём и богом, он и сейчас шёл уверенной походкой, прямо держав спину, с высоко поднятой головой и то и дело поправляющий спадающую на лицо чёлку.

«Всевышний» увидел свою цель и сбавил шаг:

— Сева! Макарский! — приподнявшись на цыпочках, будто его не видно было среди простых смертных, махал рукой Истомин.

Макарский, в тот самый момент тянувшийся к дверной ручке, замер, как вкопанный.

— Отойдём! Разговор есть! — подойдя к нему поближе и положив руку ему на плечо, сказал Влад.

— Куда? — с желанием исчезнуть в тот миг спросил Макарский, догадывающийся о чём, точнее, о ком пойдёт речь в разговоре.

— Ну, не в вашу же столовую! Здесь недалеко ресторанчик приличный!

— Так у меня сейчас философия! — растерялся Макарский.

— Вот и отлично! Заодно и пофилософствуем!

Дверь в аудиторию рядом с надписью «Философия» распахнулась. И перед ними предстала во всей своей красе Анджелина Джоли. Увидев Влада, она, видимо, не поверила своим глазам. Сначала обошла вокруг него, закрыв ладонями рот, как она всегда делала, изображая из себя удивлённую пай-девочку. Потом начала прыгать и визжать, напоминая свою глупую собачку породы йоркширский терьер с идиотскими хвостиками, которую иногда притаскивала в универ. Затем бросилась Истомину на шею, чем заставила охранников вздрогнуть и опустить руки в кобуру с оружием, спрятанную под пиджаками. «Царь» поднял руку, что означало: «Спокойно! Свои!»

— Ах, Алиночка! Дорогая моя! — изображая её саму, издевался Истомин. — И я тебя рад видеть. Ну, может и к лучшему, что ты здесь. Пойдём с нами, тебя тоже может заинтересовать моё предложение.

— Пойдём! А куда? — даже не вспомнив про главную профилирующую дисциплину, спросила Дубровина.

— Там и узнаешь.

И делегация, к которой прибавилось ещё двое, поспешила удалиться, под восторженные взгляды и завидующие вздохи остававшихся.

... Я же, как всегда, спешила после последней пары домой и не подозревала, что в это самое время в ресторане с символичным названием «Пари» трое разговаривали обо мне...

— Что ты в субботу делаешь? — спросил Гена.

— Пока не знаю. В субботу Наташкина смена в ресторане. Может, только попросит её подменить, — ответила я. — А у тебя есть предложение?

Генка замялся.

Я догадывалась, что нравилась ему. Все вокруг знали об этом.

Мне тоже нравился Гена. Как друг. Он был родом из небольшого посёлка в пятистах километрах от Москвы. Хотя моя малая Родина была ближе к столице, с Генкой у нас было много общего. Несмотря на множество народа вокруг, он, как и я, чувствовал себя одиноким. Генка любил читать книги, смотреть старые советские фильмы, любил обычный пломбир в вафельном стаканчике. Его не интересовали модные бренды. И он хотел стать учёным, чтобы доказать своё превосходство над теми, кто дал ему прозвище Крокодил.

Генка был не красавец, но и не плох собой. Высокий, худощавый, со светлыми кудрями и с голубыми глазами, он напоминал Иванушку с картинки из книги «Русские народные сказки». Да и был далеко не дурак. Маме бы он обязательно понравился. Я уже представляла, как она говорит: «Хороший мальчик! Положительный! Будет тебя на руках носить!» Только я не видела, чтобы папа хоть раз маму поднял на руки. Может быть,

поэтому она так и говорила всегда, желая для меня лучшей участи.

В общем, Гена, полностью соответствующий моему идеалу, почему-то совсем не притягивал меня, что должно быть, как я думала, самым верным признаком любви! Поэтому, как бы я не хотела, не могла воспринимать его больше, чем друга.

Вот и сейчас он смотрел на меня глазами, полными восхищения, суя под нос какие-то бумажки.

— Что это? — спросила я.

— Билеты взял в кино, в воскресенье в 18:00.

... Один раз в жизни я была на свидании в кино. Но так давно, что, кажется, это было не со мной. В десятом классе мне нравился один мальчик. Имя у него было самое подходящее для школьного Дон Жуана — Роман. Он был на год старше, и по нему сошли все девчонки из нашего класса, да, наверное, из всей школы. Конечно же, он об этом знал, и умело этим пользовался. «Перевстречался» по очереди со всеми моими одноклассницами. Только я была уверена, что не попаду под его чары. Напрасно.... Стоило только услышать заветное: «Давай встречаться», и я пропала.... Дальше кино, конечно, дело не дошло. Но мне было и этого достаточно. После услышанного на следующий день: «У нас с тобой ничего не получится», у меня и появилось недоверие ко всему сильному полу, особенно к самым смазливym и самоуверенным его представителям. И я в свои семнадцать лет была тем редким экземпляром, о которых поэты пишут стихи, а композиторы слагают песни — чиста и невинна.

Увидев в Генкиных руках билеты в кино, невольно вспомнила свое первое свидание.

— Ну, так пойдём? — улыбался Генка.

— Пойдём, — ответила я, с тех пор так и не бывавшая больше в кино.

— Ребята, подождите!

Мы обернулись. Нас догоняла Света.

Она бежала по улице в распахнутом клетчатом пальто. Чёрные кудряшки волос подпрыгивали при каждом её движении. Ярко-красный шифоновый шарф, обмотанный вокруг шеи, развевался на ветру. Света была немного полновата, но её движения были пластичны и грациозны. Этакая Айседора Дункан! И почему её прозвали Чебурашкой? Да, её уши немного больше, чем у всех остальных, топырились из-под волос. Но мне это даже нравилось. Это придавало ей ещё большего шарма и выделяло из толпы безликих красавиц. И, если бы я была художником, то портрет русской красавицы я писала непременно бы с неё.

Света была из Рязанской области — родины моего любимого поэта. Воздух что ли там особенный? Она тоже баловалась писательством. Но её стихи были сплошь о любви. О любви она и мечтала, а точнее, о том принце, о котором я упоминала ранее. Несмотря на этот её минус, мне Света нравилась. Она была проста и открыта, нечета этим московским грациям.

Я хотела предупредить Гену, чтобы он ничего не рассказывал Свете про кино. Но не успела. Как только она поравнялась с нами, тот ей всё выдал.

Она, конечно, расстроилась. До чего же глупые мужчины! Не видят, что творится под носом. Ведь и дураку было понятно, что Гена Свете нравился.

... А в ресторане «Пари» с названием, написанном то ли на английском, то ли на французском языке, заняв лучший столик у окна, сидели, как я уже говорила, трое. Со стороны казалось, что это старые друзья встретились после долгих лет разлуки, и сейчас,

улыбаясь друг другу, делятся последними событиями из своей жизни. Но на самом деле это было не так. Обсуждался вопрос цены человеческой жизни, что для её хозяев, которыми те себя считали, было вполне нормальным.

— Итак, по рукам? — протягивал своим собеседникам тонкий бокал, наполненный «Дон Периньон», самым лучшим и дорогим шампанским, который нашёлся в этом заведении, Влад Истомин, намекая таким образом, что они договорились.

— По рукам! — ударив об его бокал своим, загадочно улыбалась Дубровина.

— Ну, тогда, не смею вас больше задерживать! — так и ни разу не отхлебнув шампанского, поднялся тот и, поклонившись, показав свои идеально белые зубы, поспешил к выходу.

Охранники, занявшие боевую позицию за соседним столиком и наблюдавшие за важной встречей, вскочили со своих мест и через секунду открывали хозяину стеклянные двери ресторана, а потом и двери припаркованного у входа новенького «Рендж Ровера» чёрного цвета.

— Круто! Мой день рождения будет в лучшем клубе Москвы, да ещё и за счёт заведения! — не могла поверить своему счастью Дубровина.

— Не нравится мне не всё это! — покачивал головой Макарский.

— Да расслабься ты, всё будет пучком!

— Зачем ему понадобилась Крылова? — не успокаивался тот.

— Ну, а что тут непонятного? Заскучал мальчик, решил купить себе новую игрушку и заметить, за вполне приличную сумму!

— Ну, ты и стерва, Алина! Тебе её совсем не жалко?

— Кого? Крылову? Да ей тоже будет полезно оттянуться. Засиделась уж в девках! Строит из себя неприступную! Бесит! — недовольно фыркнула та, швырнув пустой бокал на стол и откинувшись на спинку стула.

— А ты знаешь, что с ней будет, если она ему откажет? — смотрел прямо в лицо своей девушке Макарский.

— Да не откажет она ему! На кого ещё такое счастье может свалиться в лице Влада Истомина! Да она ещё и благодарна нам будет за приятно проведённый вечер, да и ночь... — ехидно улыбаясь, продолжала она.

— Не знаю! Не знаю! — покачивал головой Макарский. — Зря мы согласились.

— Мы? Это мой день рождения, я и решаю. Ясно тебе?

Она встала со своего места, кокетливо подошла к Макарскому, села ему на колени и, поглаживая указательным пальцем его милое с ямочкой на подбородке лицо, взглянув в глаза, сказала:

— Твоя задача, котик, пригласить её в клуб, да так, чтобы она согласилась. Остальное я беру на себя. Мне она откажет, я знаю. Но тебе не посмеет. Крылова, хоть и чудная, но всё же девушка. Ясно?

Затем Дубровина грубо взяла его за волосы, потянула, приблизив к себе его очаровательное личико, и впиалась своими губами в его.

Так, что и не надо было ожидать ответа. И так всё было понятно!

Глава вторая «Небожители»

— Привет всем! — как всегда в замечательном настроении, готовая к труду и обороне, зашла я в аудиторию.

Первой парой в пятницу у нас была история народов — один из моих любимых предметов. Я, конечно, относилась к патриотам. Но мне всегда были интересны традиции и менталитет других стран. Сейчас мы изучали Османскую империю. И я восторгалась рассказами нашего преподавателя, а по совместительству и куратора, Левина Германа Петровича, профессора, доктора исторических наук, который в ярких красках описывал жизнь султанов. Я сидела и мечтательно, закрыв глаза, слушала его рассказ, воображая себя на месте любимой женщины падишаха.

После пары неожиданно ко мне подошёл Макаровский:

— Я хотел тебе кое-что сказать, — еле выдавил он. — Давай выйдем!

Я обернулась, так как всё ещё не верила, что эти слова были обращены ко мне. Думала, что Макаровский и имени-то моего не знает. Сзади никого не было.

Но, на всякий случай, уточнила:

— Ты мне?

— Тебе, конечно, кому же ещё! — пытаюсь скрыть своё раздражение, ответил он.

— Ну, давай выйдем, — согласилась я, всё ещё не понимая, что может связывать меня, простую смертную, и воздыхателя Анджелины Джоли.

Повесив сумку через плечо, потянулась за Макаровским в коридор.

Он, сначала небрежно бросив на подоконник свой рюкзак, уселся туда сам, положив руки себе на колени. Затем, вытянув шею, так, что его милое с ямочкой и белым ёжиком лицо оказалось в пяти сантиметрах от моего, и, уставившись прямо мне в глаза, сказал:

— Есть дело!

Я, не ожидавшая такого поворота событий, а именно такого близкого поворота событий, сглотнула комочек, появившийся в горле:

— Какое? — спросила чуть слышно, боясь услышать ответ.

— Ну, понимаешь, — замялся он, явно не зная, как начать, — в воскресенье у Алины день рождения... — он замолчал.

— Ну и? — я не понимала, какая связь между мной и днём рождения Дубровиной.

— Ну, в общем, я хотел, точнее, она хотела, ну и мы с ней хотели тебя пригласить, — что-то непонятное промямлил Макаровский.

И его называют Брэдом Питтом? — промелькнуло в моей голове. — Плебоем? Покорителем женских сердец? Какое жалкое зрелище — и двух слов связать не может!

— Ну, как? Придёшь? — уверенный в положительном результате возложенной на него миссии, улыбнулся он.

— Макаровский, ты что? С дуба рухнул? — у меня не нашлось больше слов, чтобы выразить своё удивление. — Тебя муха укусила? — спросила я, забыв вставить слово «какая».

Ну, думаю, он понял меня, потому как в следующую секунду вскочил с подоконника, взял в руки рюкзак и со словами «Пока» скрылся в толпе студентов, оставив меня в полном недоумении.

— Что это было? — подошла ко мне оторопевшая Света. — Это был Брэд Питт? Я не ослепла? — тёрла она глаза руками.

Я кивнула головой, провожая взглядом убежавшего от своего позора Макаровского.

— И чего хотел?

— Точно не поняла, но куда меня приглашал.

— Тебя? Брэд Питт? Он что, с дуба рухнул? — вытаращив глаза, спросила Света.

— Думаю, откуда-то повыше, — пошутила я.

До конца дня звёздная парочка так и не объявилась.

И вот прозвенел звонок с последней пары — древнерусской литературы. И, несмотря на крики такой же древней Аделины Игнатьевны: «Я ещё никого не отпускала», через пять минут аудитория опустела. Мы тоже с Генкой и со Светой подскоками с радостными криками бежали вниз по лестнице, в предвкушении вечера последнего рабочего дня — пятницы!

На выходе из универа нас уже поджидала Анджелина Джоли.

Теперь она начнёт! — подумала я.

И не ошиблась...

Дубровина была одна. И, изобразив улыбку на своём ангельском личике, она перешла сразу к решительной атаке:

— Вася, у меня в воскресенье день рождения! — ласково начала она.

— С чем тебя и поздравляю! — ответила я, пытаюсь от неё поскорее избавиться.

Но Дубровина не спешила так просто сдаваться:

— Послушай, ты всегда отказываешься от моих приглашений. Но в воскресенье я бы очень хотела тебя видеть. Иначе обижусь.

По моему выражению лица Алина поняла, что с обидой она, явно, переборщила.

Но я, честно сказать, её недооценивала. Потому как следующий её ход был конём.

— Да, Свет, ты тоже приходи, — обратилась она к оторопевшей не то от удивления, не от обрушившегося на неё счастья, моей подруге.

Та сразу засияла и закивала головой, совсем забыв, что сама недавно обвиняла меня в излишней доверчивости по отношению к Дубровиной.

— Спасибо! Приду!

— Мы подумаем! — я схватила за руку Свету и потянула её за собой подальше от чар злобной Малефисенты.

... Дома, надо думать, меня ждал непростой и мучительный разговор. Я, конечно, не собиралась идти на этот день рождения, тем более в ночной клуб с уже страшным названием «Махаон», так как, в принципе, ненавидела всё, что там происходит.

— Ты же там никогда не была, — умоляла меня Света чуть ли не на коленях. — Как ты можешь так подробно описывать то место, о котором ничего не знаешь!

Но мне и не обязательно было его видеть. Если туда ходит «золотая молодёжь», не важно, семьсот пятидесятой пробы, как Макарский и Дубровина, или же триста семьдесят пятой, к какой можно было отнести Смирнову и Полину Нечипоренко из нашей группы. Они и в универе-то не отличается особой скромностью, что же происходит там, в пучине соблазна и разврата.

Как я не старалась, переубедить подругу не вышло. Настроение к вечеру было изрядно испорчено. Масла в огонь подлил ещё и Гена, полчаса оплакивающий купленные билеты в кино.

Найдя компромисс, договорились пойти на этот, будь он неладным, день рождения, но ненадолго.

— Я слышала, в «Махаон» ходят самые красивые и богатые парни Москвы, наследники всяких крупных корпораций, известные певцы и актёры, — мечтала, сидя на кровати Света. — Там строгий фейс-контроль, и нас с тобой никогда бы туда не пустили, но есть

пригласительные, — целовала она две листовки, выданные нам Дубровиной.

Мне же было всё равно! Я ненавидела такие заведения и их почитателей!

Тогда я ещё не знала, что именно с этого дня рождения, с модного элитного ночного клуба под названием «Махаон» и начнётся моя история любви, самая необычная и завораживающая....

— И ты собираешься так пойти в ночной клуб? — оглядывая меня, стоящую у зеркала в рваных джинсах и белой обтягивающей футболке, спросила Света.

— Ну, да. Ты же сама умоляла меня купить эти джинсы, уверяя, что они самые модные, — не понимала я её укоризненного взгляда.

— Не для «Махаона» же! Давай снимай, сейчас что-нибудь подберём.

Света открыла шкаф и посмотрела на мою скромную полку.

— Не густо! Что же делать?!

На помощь ей пришла Ольга, полностью вошедшая в наше положение.

— У нас с тобой фигуры одинаковые, — обняв меня за талию и сравнивая с собой перед зеркалом, констатировала факт спасительница.

Она подошла к шкафу и сняла с вешалки своё синее платье, которого, впрочем, я на ней никогда не видела.

— Это, думаю, то, что надо, — добавила она, прикладывая ко мне платье прямо с вешалкой.

Через пять минут я смотрела на своё отражение и не могла понять, я это или не я. Ведь к платью нашлись и такого же цвета туфли на высокой шпильке, в которых я и на месте-то стоять не могла, не то, что передвигаться.

— Мама бы умерла, если бы меня увидела, — сделала вывод я. — И вы хотите, чтобы я так пошла?

Девчонки синхронно кивали.

— Вы в своём уме?

На что они всё так же продолжали кивать.

Я согласилась оставить только платье. Что и так было чудом. Учитывая то, что оно было выше колен и с глубоким декольте.

Через час мы уже стояли у ворот того самого «Махаона», где охранник чуть ли не под лупой рассматривал наши пригласительные, пытаясь найти подвох. Он переводил взгляд с пригласительных на нас, потом наоборот. Даже рассматривал листовки, подняв высоко над собой к прожектору, освещающему вход, наверное, в надежде найти там голограмму.

В результате, смирился, открывая перед нами тяжёлую металлическую дверь.

То, что я увидела за этой дверью, словами описать невозможно. Громкая музыка молотком била по вискам, не давая никакой возможности опомниться. Мелькая перед глазами, будто звёздочки после крепкого удара по лицу, разными цветами, переливаясь и ослепляя глаза, бегали огни. Вокруг был не то туман, не то дым от сигарет. Но дышать было невозможно. Яркий луч прожектора освещал небольшую сцену, передвигаясь по кругу. В такт ему на той самой сцене трясли своими непристойными местами полуголые девушки и парни. Да и сидящие и стоящие рядом со мной девушки, не сказать, что были тепло одеты.

Мы оглядывались вокруг, пытаясь глазами отыскать виновницу нашего прихода в это злачное место.

— Вася, Света! — доносилось откуда-то сверху. На втором этаже, куда поднималась

широкая закрученная лестница, стояла Дубровина и махала нам рукой.

Господи, и что мы здесь делаем? — подумала я.

У меня было желание уйти, даже убежать, скрывшись за входной дверью в ночи улицы. Но было поздно. Света, схватив меня за руку, потащила на второй этаж.

— Я рада, что вы пришли! — как всегда визжала и хлопала в ладоши Дубровина. Как меня раздражала эта её привычка!

— С днём рождения! — протягивала Света виновнице торжества наш подарок — музыкальную шкатулку, завёрнутую в блестящую зелёную бумагу.

— Спасибо, потом посмотрю, — с наигранной улыбкой сказала Дубровина, по очереди чмокнув нас в щёчку.

— Пойдёмте, представлю вас гостям, — продолжала она. — Вика, Антон, Сергей, Влад Вероника, Людмила..., - она зачем-то перечисляла имена всех сидящих за столом, хотя ни нам, ни им это было не нужно. На нас даже никто не взглянул, за исключением одного парня, который, как мне показалось, просто испепелял меня взглядом.

Я села как раз напротив него, что было мучительной пыткой для меня. Весь вечер смазливый незнакомец не спускал с меня глаз.

— Позвольте налить вам шампанского, — встав с места, подняв бутылку и наклонив её над моим бокалом, учтивым голосом произнёс он.

— Я не пью! — закрыв бокал рукой, сказала я, не поднимая глаз на надоедливого ухажёра.

— Тогда давайте потанцуем, — не отступал он.

— И не танцую! — оборвала я его, не дав договорить.

Тут ко мне подбежала Дубровина, буквально вытащила меня из-за стола, заставив уступить наглецу.

Через минуту мы уже «кружились в ритме вальса» под непонятную музыку.

— Влад, — представился мой партнёр, всё ниже и ниже опуская с моей талии свою руку.

Я подняла его руку повыше.

— О! Какие мы неприступные! — прижав меня к себе с такой силой, что я не могла и вздохнуть и, посмотрев прямо в глаза, добавил Истомин.

— Пусти! — я начала вырваться из его крепких объятий, ещё больше раззадорив.

Кое-как мне удалось вырваться, и я побежала вниз по ступенькам.

— Стой! — крикнул он мне.

Через секунду Истомин тащил меня уже за руку по длинному тёмному коридору.

— А, вообще-то, сопротивляйся, меня это возбуждает! — улыбаясь, томным голосом говорил он.

Я в ужасе закрыла глаза в предвкушении своей страшной участи.

— Пусти её! — раздался незнакомый приятный мужской голос.

Путь Истомину перегородил довольно высокий крепкий парень.

— А то что? — кривлялся Истомин.

Не дождавшись ответа, он потащил меня дальше.

Таинственный незнакомец, стремглав очутившись рядом с нами, схватил руку Истомина, которая держала мою, чего Влад явно не ожидал. Он отпустил меня, я упала на пол, сильно ударившись.

Они стояли передо мной лоб в лоб и смотрели друг другу в глаза, похожие на двух

волков, рычащих и не уступающих свою жертву. Незнакомец был одного роста с Истоминным, но шире в плечах. Он был чертовски красив! Чёрная блестящая чёлка закрывала половину лица, выразительные, будто подведённые стрелками глаза, прекрасно сочетающиеся со смуглой кожей, казалось, светились в темноте. От него исходил какой-то демонический магнетизм, который заставлял сердце учащённо биться, а голову идти кругом.

— Не вмешивайся! — вдруг сказал Истомин. — Это не твое дело!

— А твоё ли? — незнакомец всё ещё не отпускал руку Влада.

На нём был чёрный до колен фрак, застёгнутый до последней пуговицы и узкие чёрные брюки, что ещё больше подчёркивало его идеально сложенную фигуру.

Он перевёл на меня взгляд, всё ещё не отпуская противника:

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула, потому как, находясь под чарами своего спасителя, не могла произнести ни слова.

На шум прибежала вся компания Дубровиной. Алина же, закрыв рот обеими руками, с ужасом смотрела на схлестнувшихся ребят:

— Влад, Тан, что вы делаете? Прекратите немедленно! — с нотами трагизма, будто произносила речь на митинге, сказала она.

Теперь я знала имя своего спасителя — «Тан» мысленно ещё и ещё раз повторяла я.

Тан отпустил руку Влада и, поклонившись Дубровиной, скрылся так же быстро и неожиданно, как и появился.

— Это кто? Ты его пригласила? — одёргивая руку, за которую держал его противник, скорчив лицо, будто испытывает сильную боль, поинтересовался Истомин.

— Влад, ты, правда, его не знаешь? — удивлённо спросила Дубровина под поддерживающие кивки окружающих.

Истомин бросил на неё исподлобья свой взгляд, что означало: «А что? Должен?»

Анджелина Джоли в ужасе, ещё больше раскрыв глаза, поднесла ко рту ладони:

— Это же Тан. Тан Алтар.

... В ту ночь я не могла уснуть. Дело было не в испорченном дне рождения Дубровиной. О нём я давно забыла.

Я не была злопамятной. Вот и Влада я сразу простила. Даже пожалела его. Человек явно, потерялся. Ведь, если у тебя всё есть, больше не к чему стремиться. Тогда и появляются апатия и обида на весь мир, что является заразной эпидемией среди «золотых» мальчиков и девочек.

Покоя мне не давали совсем другие мысли. Я, испытывающая презрение к вышеуказанным, думала сейчас об одном из них. Это меня и пугало.

— Знаешь, кто это был? — спросила Света, как только мы оказались на пороге нашей общаги.

Я пыталась сделать вид, что мне всё равно. Но меня так и распирало это узнать.

В комнате нас ждала Ольга. И под её восторженный взгляд Света в деталях рассказала о нашем походе в «Махаон», подробно остановившись на моём спасении, описывая его как в детективном романе.

— И знаешь, кто это был? — спросила она в конце своего увлекательного рассказа у Ольги, найдя в ней более благодарную слушательницу, взглянув при этом на меня с упрёком.

Я отвернулась к окну, всё ещё делая вид, что меня это не волнует.

Света положила себе на колени ноутбук, открыла его, и через минуту я слышала восторженный визг своих соседок.

— Смотри! — она развернула ноутбук в мою сторону — на экране было фото того самого спасителя из «Махаона» в позе Джеймса Бонда всё в том же доисторическом фраке. Руками в кожаных чёрных перчатках он поддерживал тёмные, наполовину закрывающие глаза очки.

— Первое место в рейтинге «Форбс» среди самых завидных женихов столицы в этом месяце... бла — бла-бла... — читала Света, — вот здесь, ... занимает Тан Алтар.

— Ох! — закатив глаза, с умилением произнесла Ольга. — Самый богатый жених и такой красавчик!!!

Они вдвоём смотрели на меня, ожидая моей реакции.

Я же с невозмутимым спокойствием повернулась к ним и ответила:

— Мне это не интересно!

— Что? Тебе не интересно, что тебя спас самый богатый и красивый парень во всей Москве? — спросила Света, выпучив глаза.

— Да, и правда, ты чудная! — подытожили Ольга.

Но я соврала им.... На самом деле, сердце моё предательски стучало в тот миг, когда я слышала его имя. Я, ничего не понимающая в любви, всё ещё надеялась, что это лишь из чувства благодарности за спасение...

... В тот самый момент, когда я боролась с непонятным чувством, ворочаясь с одного бока на другой в своей постели, в баре «Махаон» с чувством оскорбления, задетого самолюбия и переполнявшей злости боролся Влад Истомин, изучая тут же собранное досье на своего обидчика.

Он то опускал взгляд, внимательно изучая написанное, в то же время, рисуя закорючки карандашом на бумаге. То вдруг, загадочно улыбаясь, откидывался на спинку стула и, зажав зубами карандаш, отворачивался в другую сторону.

В дверях стоял Макс — его охранник и по совместительству правая рука.

— Значит «Уанхандрет дейс»? — ехидно улыбнувшись, сам с собой разговаривал Истомин.

— «Уанхандрет дейс», — повторил Макс.

— Я-то думал, что Казарновский — владелец.

— Казарновский — подставное лицо. Только на бумажке и для СМИ. На самом деле — Тан Алтар. Это точная информация.

— Да... — задумчиво произнёс Истомин, — крепкий орешек. Но ничего, нам и такие по зубам. У нас же зубы крепкие, не так ли Макс? — обратился он к охраннику. — А про родителей ничего нет?

— Ничего.

— Но не из капусты же он взялся! Найди! — приказным тоном сказал Истомин.

— Он в Россию приехал из Германии. Но там ничего!

— Такое может быть? — укоризненным взглядом посмотрел Влад на охранника.

— Говорят, он с Востока. Араб или турок.

— Ну, так там поищи! Макс, мне что, учить тебя надо? — разозлился Истомин.

— Попробую.

— Неправильный ответ, — делая вид, что стреляет в охранника, подытожил «хозяйин жизни». — Оставь меня! — соскочив вдруг с места, приказал Влад.

Макс вышел.

Истомин подошёл к окну, из которого открывался прекрасный вид на ночной город. Но Влад даже не замечал этого.

— Кто же ты, Тан Алтар?

Он смотрел сквозь стекло, по которому стучали капли начавшегося неожиданно дождя, но думал не о Тане. Другие мысли пришли ему в голову при этом звуке, который, казалось, просто давил своим грохотом, заставляя содрогаться и всё тело.

Истомин тяжело вздохнул, и на глазах его показались отблески слёз. В памяти была ещё жива та картина из детства.

Был первый юбилей. Возле огромного праздничного стола гостиной, во главе которого как на троне восседал нарядный именинник с шутливым колпаком на голове, суетились слуги. Две кухарки с тарелками бегали то на кухню, то в гостиную, пополняя и без того заставленный угощениями праздничный стол. Гувернантка Анна Ивановна стояла по правую сторону от воспитанника. По другую сторону от него, опустив глаза, находились две горничные и дворецкий.

Именинник был не весел.

— Пустите меня! Сынок! — услышал он знакомый голос.

— Мама! — мальчик вскочил из-за стола и бросился в коридор, откуда голос и раздавался.

— Влад! Сынок! — нечеловеческим голосом кричала женщина, вырываясь из рук охранников, пытающихся выставить её за дверь.

— Мама! — Влад подскочил к женщине и обнял её. — Пустите! Это моя мама! Что вы делаете? — слёзы текли из его глаз.

У подъезда в эту минуту остановился внедорожник. Мужчина, вышедший из него, направился напрямик к дому.

— Что ты здесь делаешь? — он грубо схватил несчастную женщину за руку.

— Нет! Папа! — кричал во весь голос Влад. — Не надо! Прошу тебя!

— Разве я не приказал тебе забыть дорогу сюда! — продолжал он, не обращая внимания на слёзы и мольбы сына. — Ты сама вынуждаешь меня пойти на крайние меры.

Влад схватился за подол пиджака отца:

— Нет! Папа! Прошу тебя! Не трогай маму!

— Заткнись, щенок! Что стоите? — крикнул он оторопевшим охранникам. — Уведите мальчишку!

Два огромных бугая подбежали к Владу, и, схватив его за руки-за ноги, потащили в дом. Влад плакал и вырывался.

— А ты, — крикнул Истомин-старший жене, — поедешь со мной!

Он схватил её за руку и поволок несчастную женщину к машине. Дождь усилился. Огромные капли, с грохотом стучащие по крыше, перебивали крики обезумевшей от горя матери:

— Влад! Сынок! Сыночек мой!

Напрасно она кричала.... Влад ничего не слышал кроме стука тяжёлых капель дождя о металл подоконника.

Влад вытер рукавом, появившуюся на глазах слезу. Нет, он должен взять себя в руки! Он не должен поддаваться минутной слабости. Он не имеет права на слёзы и на жалость, даже к себе! Ведь он — Влад Истомин! Наследник огромного бизнеса. И он в свои неполные двадцать лет имеет всё, о чём только можно мечтать!

На следующее утро меня не было никакого желания идти в универ. Сделав вид, что не слышала будильник, я накрылась с головой одеялом и отвернулась к стене.

Ольга и Света занимались утренним туалетом, не обращая на меня никакого внимания, видимо, почувствовав моё состояние.

Потом, не выдержав, Света села на мою кровать:

— И ты теперь в универ ходить перестанешь из-за этой стервы? Ведь и дураку понятно, что Анджелина Джоли всё это подстроила. Сваха, чтоб её!

Я промолчала.

— А ты помнишь, что у нас сегодня семинар по праву?

Я не реагировала.

— Ну, хочешь, я её побью? Мы с Ольгой надаём ей? А? Чтобы следующий раз неповадно было.

Наивные! Они даже не знали истинную причину моей депрессии. Вчера, после того, как я узнала, с их же помощью, о том, что Тан учился в нашем университете на пятом курсе, у меня было желание отчислиться оттуда.

Что он сделал со мной? — думала я. — Почему, как только закрою глаза, сразу же вижу его образ?

Я двадцать раз открывала и закрывала глаза. Он не исчезал. Я вытащила из-под головы подушку, накрыла ей лицо и закричала, что есть мочи.

Подруги мои переглянулись.

— Ты в порядке? — полушёпотом спросила Света, когда я успокоилась.

— Всё нормально, — вставая с кровати, ответила я.

Всё же я решила пойти в университет. «От проблем не убежишь» — всегда говорила мама или что-то вроде «Проблемы надо решать по мере их поступления». Не знаю, какая поговорка здесь уместнее, но проблема у меня сейчас была одна — Тан. Точнее, мой нездоровый интерес к этому загадочному парню, который относился к ненавистным мне «золотым» мальчикам. Но в то же время совершенно на такого не походил.

Что ещё больше меня бесило...

В универе, надо думать, в этот день мне пришлось несколько раз выслушать длинную нотацию Дубровиной о Мальчише-Кибальчише, которым, по её словам, и являлся Влад Истомин, вставший вчера, видимо, не с той ноги.

— Да, да, я всё понимаю, — пыталась я в который раз от неё отвязаться.

Но после очередной пары нотация начиналась заново.

Раздражало и то, что Дубровина целый день ходила за мной по пятам, не давая мне прохода. Я же хотела остаться одна. Дабы никто не заметил моего пристального внимания ко всем проходящим мимо. Глаза мои искали только одного.

Но я не видела Тана ни в этот день, ни на следующий. Неделю ходила в университет с одной целью. Даже съехала на «четвёрки», что было непростительно для заядлой отличницы.

Но он так и не появился там.

Чем ещё больше задел мою девичью гордость, заставляя меня втайне ото всех бороздить просторы интернета в надежде выудить хоть какую-то информацию о нём.

Но я и не догадывалась, что не только я интересовалась Таном.

... - А ты знаешь Тана Алтара? — спросил Истомин у Макарского, захватившего субботним вечером в «Махаон» навестить друга. — Он же с тобой в универе учится.

— Видел пару раз. Он там редко появляется. Оно и понятно, зачем учиться, когда и так денег навалом! — отвечал Макарский.

— И что о нём знаешь? — не успокаивался Влад.

— Да ничего особенного, то же, что и все. Ты «Форбс» открой — там всё написано.

— А точнее? — Истомин подошёл вплотную к другу, сидевшему за столиком и потягивающему дорогое виски, и взглянул тому прямо в глаза.

Макарский выпрямился, начал загибать пальцы:

— Богатый, — загнул он большой палец, — в каждой стране по заводу, хорош собой — о нём мечтают все девушки столицы, умный — говорят, он шесть или семь языков знает, самоуверенный. Короче, вот такой клёвый чувак!

— А про предков его что-нибудь слышал? Ну, там, откуда он? Чем родители занимаются?

— Неа! — ответил Макарский, подбросив в воздух виноградину и поймав её ртом. — Этого никто не знает. Так и говорят о нём: «тёмная лошадка». Но я думаю, батя у него арабский шейх — не меньше. У него денег!!! Всю Москву купить может.

— Ну да! Ну да! — задумался Влад, присаживаясь на кожаный диван напротив своего собеседника.

Тот же оставил своё интересное занятие, перекинулся через стол и, пытаясь поймать блуждающий взгляд Истомина, спросил:

— А тебе зачем всё это?

Влад опомнился:

— Да, ничего, не бери в голову! Да, кстати, как там наша Елена премудрая поживает? — поспешил он сменить тему.

— Какая Елена премудрая? А! Ты про Васю! — догадался Макарский. — Да ничего вроде! Я надеюсь, ты не собираешься заключать очередную сделку?

— Ага! — улыбнулся Истомин. — Эта девочка будет моей! Владу Истомину ещё никто не отказывал!

— Да забудь ты её! Сдалась она тебе. Я вчера с такими девочками познакомился. Хочешь, вместе сегодня рванём?

Но Истомин был не из тех, кто привык сдаваться. Вот уже неделю в голове он вынашивал план боевых действий.

— Заключим пари?! — предложил он Макарскому.

— ????

— Через месяц она будет в моей постели.

— Не получится! — ехидно улыбался Макарский.

— Спорим?! — протягивая ему руку для пожатия, спросил Влад.

— На что? — пожал Истомину руку тот.

— Проиграешь — отдашь «Мазерати».

Макарский изменился в лице...

— Ну, или Анджелину Джоли? Как тебе?

Второй вариант был ему больше по душе. Дубровину было не так жалко, тем более что она порядком надоела ему, и Макарский уже подумывал отшить подружку. На том и договорились.

Макарский был уверен в полном поражении Истомина. А насчет «Мазерати» просто перестраховался.

— Твоя возьмёт — забирай любого коня.

— И серебристую новенькую «Ламборджини», что тебе на днях пригнали из штатов? — загорелись глаза у Макарского.

— А у тебя губа — не дура, я смотрю. Далек пойдешь. Ну, «Ламборджини» — так «Ламборджини»!

Пожав друг другу руки, оба друга улыбались, почувствовав невероятное наслаждение от игры — игры с судьбами людей, что им казалось вполне нормальным и очень даже увлекательным.

Глава третья «Новые чувства»

Неделя пролетела как один день. Днём я посещала лекции, вечером раздавала листовки и мыла посуду в ресторане. В общем, жизнь моя шла своим чередом. Я, кажется, уже стала забывать того, кто мучил меня все эти семь дней.

Как на горизонте появился другой мучитель.

Была лекция по древнерусской литературе. Аделина Игнатьевна, по возрасту главная конкурентка своему предмету, вошла в образ и вот уже битый час пела нам исторические песни начиная со «Взятия Казани» и дойдя до «Емельян ты наш, родной батюшка!»

Видимо, среди нас было мало почитателей её бесспорного таланта, так как аудитория в этот момент напоминала, скорее, Казань после её взятия. Кто лежал на парте, кто спал, откинувшись на спинку стула, кто — на плече соседа. Наверное, только я, Генка и Света, наконец, обрадовались появлению Емельяна, поняв, что действие подходит к логическому завершению.

Вдруг в дверь постучали, прервав Аделину Игнатьевну на самом интересном месте, вызвав, естественно, её негодование. И даже не дав ей сказать «войдите», скромный служащий из доставки цветов открыл дверь и со словами: «Кто здесь Василиса Крылова?» уже направлялся по длинному проходу аудитории.

— Это я! — удивлённо ответила я, сначала и не поняв, что нужно от меня этому незнакомому парню в джинсовке, рваных джинсах и смешным кепариком на голове, держащему в руках огромный букет из роз.

Он подскочил ко мне и, сунув мне букет, сказал:

— Распишитесь в получении.

И, обрадовавшись, что отделался, наконец, от столь тяжёлой ноши, выбежал из аудитории.

Я стояла как вкопанная с этим букетом под вопросительные взгляды моих одноклассников и укоризненный взор Аделины Игнатьевны, не зная, как повести себя в следующую минуту.

— O tempora! O mores! Крылова, от вас я никак не ожидала! — покачала головой Аделина Игнатьевна.

— Да кто ж от неё ожидал? — качаясь на стуле, по своему обыкновению, прокомментировал Стрельцов.

В каждом уважающем себя коллективе есть такие комментаторы. Ни одно слово учителя или действие студента, если они не связаны с предметом обучения, не остаются без внимания. Ведь если не уточнить информацию, то, конечно же, кто-нибудь обязательно не поймёт — думают они, чьей миссией является донести до широких масс всё без искажения смысла.

В нашем милом коллективе таким «народным вещателем» был Михаил Стрельцов или просто Миха. До внешности Брэда Питта ему, конечно, было далеко, да и с финансовой точки зрения он, явно, не дотягивал. Поэтому, наверное, и недолго любил вышеупомянутого. Но среди всех остальных он был «своим». Особенно среди прекрасной половины нашего коллектива. Ещё бы, у его папочки была целая клиника пластической хирургии. Да и не из дешёвых. Поэтому девчонки его уважали и с ним дружили, за спиной, правда, называя его «сапожник без сапог», намекая на то, что ему самому не мешало бы кое-что подправить.

Он был, конечно, не красавец, но вполне симпатичный. Высокий, подтянутый, брюнет, причёска под Джастина Бибера. В общем, самой незаурядной внешности. И конь его был из S- класса, что также притягивало поклонниц.

На каждого Дон Кихота найдётся свой Санчо Панчо.

Их у Стрельцова было даже два: Виталик Грибанов и Максим Ежов. В народе — Гриб и Колючий. Они постоянно ошивались возле своего «кумира», соглашаясь со всеми его доводами и всячески его поддерживая.

Как и сейчас...

— Вот тихоня так тихоня! — перехватил Ежов эстафету у Стрельцова.

— Как говорят, в тихом омуте..., - не отставал Грибанов.

— Когда это Крылова кавалером успела обзавестись? — раздавались вокруг восторженные охи и вздохи явно завидующих в ту минуту очнувшихся на поле битвы.

Все смеялись и подкалывали меня. Мне же хотелось от стыда и позора провалиться сквозь землю.

— А что вы смеётесь? — вскочил с места Генка. — Ничего особенного не произошло! Подумаешь, девушке букет подарили!

— Ох, заступничек! — напал на Генку Стрельцов. — Крокодил, а не ты ли, случаем, этот тайный воздыхатель?

Смех эхом раскатился по аудитории.

— Тише! — стукнув кулаком по столу, крикнула Аделина Игнатьевна. — Забыли, где находитесь? Вы не на базаре! А вас, Крылова, я прошу решать свои личные проблемы во внеучебное время, чтобы, так сказать, не прерывать учебный процесс! Садитесь!

— Извините, Аделина Игнатьевна, больше такого не повторится, — еле слышно промямлила я и с лицом цвета переспелой клубники заняла своё место.

Звонок не заставил себя долго ждать, закончив, наконец, мои страдания.

Я была не рада такому пристальному вниманию к моей персоне и уже думала, куда бы спрятать этот злосчастный букет. Как вдруг ко мне подлетела Дубровина и под восторженные аплодисменты окружающих вырвала из букета записку.

— Отдай! Отдай! — прыгала я, пытаюсь её отнять.

К Дубровиной подбежала Лена Смирнова, выхватила записку и, пока Анджелина Джоли держала меня, поднялась на три ряда вверх. Убедившись, что она в безопасном от меня

месте, развернула и принялась читать: «Самой обворожительной девушке Москвы. Влад Истомин»

Не поверив увиденному, Смирнова повертела записку, посмотрела с обратной стороны и прочитала про себя ещё несколько раз.

— Крылова, это шутка такая? — ехидно улыбаясь, обратилась она ко мне, убедившись, что другого содержания записка не имеет.

Я смотрела на неё и не знала, что ответить. Сама была в крайнем недоумении. Все девчонки подбежали к Смирновой и, выхватывая друг у друга бедную бумажку, читали вслух ещё и ещё раз.

По обалдевшим выражениям их лиц поняла, что теперь я — враг номер один, и никакие мозги мне не помогут!

В лицах же сильного пола нашего коллектива читалось удивление и появившееся неожиданно уважение к моей персоне.

— Ай да Пушкин! Ай да сукин сын! — язвительно сказал Стрельцов.

— Истомин и Крылова — это сюжет новой фантастической мелодрамы? — улыбалась Люда Новицкая.

— Вовсе не фантастической, — прервала издевательских смех моих товарищей Анджелина Джоли, неожиданно для меня, вставшая на мою сторону. — А что, если Истомин и впрямь влюбился в Крылову?! Что? От зависти умрёте? А чем вы лучше её: ботексом через каждый сантиметр или платьем из старой коллекции Султаны Французовой? — спросила Дубровина, подойдя к Новицкой и взяв за подол её платье.

Своим поведением она, явно, всех удивила, так как после этого никто и слова больше не проронил.

Древнерусская литература была последней парой, и, воспользовавшись тишиной, я ускользнула из аудитории и направилась в раздевалку. Злосчастный букет был всё ещё в руках. Меня догнали Света и Генка.

— Да, подожди ты! Куда бежишь? — кричала Света. — Что это было? Ты поняла? — спросила она, как только со мной поравнялась. — Это, правда, букет от Истомина?

— Понятия не имею! — буркнула я.

— А вы слышали, что сказала Дубровина? Нет, эта стерва, явно, опять что-то замышляет. Вась, ты с ней поосторожнее! — добавил Генка.

— Как же они мне все надоели! Эти боги Олимпа!

— А с букетом что делать? — спросила Света.

— Выкину в мусорку перед входом, — посмотрев с жалостью на ни в чём не повинные цветы, ответила я.

Через пять минут мы уже выходили из университета.

— Смотри!!! — дёргала меня Света за руку и кивком головы показывала куда-то. Я посмотрела в ту сторону.

Серебристый двухместный «Ягуар» был припаркован прямо напротив входа в универ. Яркое солнце освещало его, создавая вокруг ореол божественности. Ореол божественности, явно, был и у его владельца. На капоте, сложив на груди крестом руки, в блестящем светлосером костюме, из-под распахнутого пиджака которого виднелась ярко-розовая рубашка с двумя расстёгнутыми верхними пуговицами, сидел самый главный небожитель во всей своей красе — Влад Истомин. Сегодня он был один, без своих верных опричников, чем снискал пристальное внимание со стороны окружающих, выстроившихся в очередь за автографом

поклонниц.

Увидев нас, он встал с капота, дёрнул, по обыкновению, головой, поправляя таким образом свою длинную чёлку, снял одной рукой солнечные очки, отправляя их на голову, другой же помахал, смотря в нашу сторону.

Света обернулась.

— Это он нам что ли? — растерялась она. — Что будем делать?

— Я знаю что! — оставив недоумевавших Свету и Генку, я направилась к Истомину.

Тот выпрямил спину, снова надел на глаза солнечные очки и облокотился на капот.

Поклонницы же, увидев меня, расступились, дав мне дорогу.

— Тебе понравились цветы? — показав свои белые зубы, спросил Истомин.

— Какие? А, ты имеешь в виду вот этот веник. Знаешь, не понравился, так что можешь забрать себе обратно! — с этими словами я сунула букет прямо под нос не ожидавшему такого поворота событий Истомину. — И впредь, не надо дарить мне букетов — не трать попросту деньги! — я развернулась и, довольная своим подвигом, пошла обратно к друзьям.

— Стой! — крикнул Истомин. — Ты знаешь, сколько стоит этот веник?! — кричал он.

— Мне это не интересно! — на секунду обернувшись на него, я продолжила шаг.

Вдруг почувствовала, как меня кто-то дёрнул за руку. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, лицом к лицу столкнулась с Истоминым. Он схватил меня за плечи.

— И ты вот так уйдёшь?! — кричал он.

— А что? Тебе цыганочку сплясать перед уходом? — смотрела я прямо в глаза наглецу.

— Ты что, издеваешься? — выйдя из себя, каким-то уже писклявым голосом продолжал Истомин.

— Если кто из нас двоих и издевается, так это ты! — дерзко ответила я.

— Да ты!.. Да знаешь, что!.. Да я!.. — повторял он взахлёб, но не мог подобрать нужные слова.

Я, воспользовавшись моментом, выскользнула из его рук, и, подойдя к друзьям, наблюдавшим за этой картиной со стороны, взяла Свету и Гену под руки. И со словами «Быстрее, уходим!» мы побежали прочь от университета и оставшегося в полном недоумении Истомина.

Он, придя в себя, нецензурно выругался, ударил ногой по колесу машины и, не обращая никакого внимания на оторопевших поклонниц, прыгнул в своего коня и, с визгом тормозов рванул с места, оставляя за собой облако пыли.

... - Круто ты его! — восторгалась Света, уже сидя в комнате общаги и отхлёбывая чай из кружки. — Пряма так и сказала «Забери свой веник обратно!» — описывала она открывшей рот Ольге мой героический поступок.

— Молодец, Вася! Отшить самого Истомина — прямо как в кино! — восторгалась мной Ольга.

В дверь постучали:

— К вам можно? — сунув голову, спросил Генка.

— А ты с конфетами? — улыбнулась Света.

— А как же!

— Тогда милости просим!

Через полчаса Света и Оля вышли на кухню. Мы остались с Генкой в комнате одни.

— Спасибо тебе! — сказала я.

— За что? — удивился тот.

— За то, что заступился за меня сегодня.

— Ах, это! Да без проблем! Обращайся! Мы же друзья! — с ударением на последнее слово произнёс Генка.

— А знаешь, что? Пойдём в кино! У меня сегодня работы нет! — предложила я.

Генка засветился:

— Конечно, пойдём! А во сколько?

— Есть сеанс в восемь. Как?

— Отлично! Я в семь за тобой зайду.

— Нет! — остановила я его, подумав о чувствах Светы. — Давай встретимся внизу в холле.

— Договорились, — крикнул на ходу счастливый Генка и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Как же легко сделать человека счастливым! — думала я о Генке, которому, действительно, была благодарна за сочувствие и за рыцарство.

Нечета Истомину, который, наверняка, и слова-то такого не знает, — поморщившись, вспомнила я сегодняшнюю историю.

... Неудавшийся же рыцарь в ту самую минуту обдумывал причины своего поражения.

В личном кабинете в клубе «Махаон» Истомин то садился на большое кожаное кресло, то, вставал и нервно ходил по кабинету взад — вперёд, поглядывая время от времени в окно.

Вдруг он остановился посередине кабинета, вытащил из заднего кармана брюк «айфон» и сказав: «Ты мне нужен срочно» успокоился, сел на диван и, облокотившись, стал ждать единственного друга, которому хотел рассказать о странных, доселе неизвестных чувствах, появившихся у него на душе.

... - Слушаю тебя, — усаживаясь рядом с Истоминным на диван, сказал Макаровский.

Влад вскочил с дивана и, жестикулируя, на повышенных тонах, стал ещё раз расписывать своё величие.

— Ещё никто ни разу мне не отказывал! Мне, Владу Истомину! Понимаешь? — обращался он к Макаровскому.

Тот же, внимательно слушая, поддакивал.

— Что о себе возомнила эта выскочка? Да, кто она вообще такая? Назвала мой букет веником! При всех меня унизила! И она думает, что я всё это так просто оставлю?! — разговаривал сам с собой Истомин, поглядывая изредка на Макаровского. — Надо что-нибудь этакое придумать, чтобы проучить её! — обратился Истомин к товарищу.

— Я не понял, что ты хочешь: проучить её или приручить и выиграть пари? — спросил Сева, открывая бар и доставая бутылку «Джек Дэниэлс».

— Чёрт, ты прав! — потёр лоб указательным пальцем Истомин. — Я заставлю эту недотёпу влюбиться в меня, затащу в постель, а на следующий день расскажу про пари. Как?

— Узнаю своего друга! — хлопал Макаровский в ладоши.

— Подарю ей кольцо с бриллиантами. От него она точно не откажется. — Макс! — крикнул он тут же своего опричника.

Через секунду Макс стоял уже возле двери:

— Звали?

— Давай в ювелирный! Мне нужно шикарное кольцо, и не менее десяти бриллиантов.

Макс стоял как вкопанный.

— Тебе повторить? — кривлялся Истомин.

— А Константин Евгеньевич в курсе?

— Не надо сюда отца вмешивать.

— Боюсь, он не одобрит подарка со столькими бриллиантами. Вы в этом месяце и так немало потратили.

— Ты ещё будешь пререкаться? Я сказал — дуй в ювелирный! С отцом я сам разберусь! — разозлился Влад.

— Хозяин — барин! — отрезал охранник и исчез за дверью.

— Представляю её лицо, когда она увидит это колечко... — ехидно улыбался Истомин.

— За наше пари! — наливая два стакана виски и протягивая один другу, подытожил Макарский.

... - Как тебе фильм? Понравился? — спросил Генка, учтиво открывая передо мной дверь кинотеатра.

— Ничего! Только конец не очень. Никак не ожидала, что главный герой умрёт, — ответила я.

— Ну, так классика жанра! — будто что-то понимая в истинных отношениях, добавил Генка.

— Ты считаешь это закономерностью?

— Сама подумай: любовный треугольник, их двое, она — одна. С кем ей остаться? Она не знает, не знает и зритель. Зато Бог всё решил. Поэтому один должен умереть! — трагичным голосом выделяя каждое слово в последнем предложении, сделал вывод Генка.

— Лучше бы она с другим героем осталась!

— Ты считаешь с одним, кто-то скажет — с другим. В жизни так не бывает! У жизни свой сценарий!

— Скучный ты, Генка! — сделав вид, что обиделась, сказала я, толкнув друга в бок.

Тот согнулся, будто корчится от боли. Я побежала. Генка бросился за мной. В тот миг я чувствовала себя счастливой. Под впечатлением фильма, не думая о проблемах, наслаждаясь тёплым апрельским вечером, кружилась на мостовой в компании своего лучшего друга, на которого могла положиться в трудную минуту, которому могла доверить самое сокровенное. Кроме одного... Я никак не могла рассказать ему о том, которого, казалось, забыла. Но после фильма, красивого фильма о любви, моё чувство вспыхнуло с новой силой — странное влечение к загадочному Тану.

— Куда теперь? Домой? — спросил Генка.

— Только не домой, — продолжая кружиться, ответила я.

— Может, в «Уют»?

— Отличная идея.

«Уютом» называлось небольшое кафе недалеко от нашей общаги. Его интерьер полностью соответствовал названию. Тишина и спокойствие, ненадоедливая музыка, доступные цены, внимательный персонал — всё это делало его привлекательным для молодёжи. И каждый вечер там можно было наблюдать счастливые воркующие парочки. Как и сегодня. Один столик был свободен. И я, вздохнув, расстроившись, что рядом со мной не моя вторая половинка, направилась к столику.

Но сегодня было не так тихо и спокойно, как обычно. Через три столика от нас сидела подвыпившая компания крепких ребят и о чём-то горячо спорила.

Молоденькая официантка не раз им делала замечания. Но всё было тщетно. Не обращая никакого внимания на перепуганную девушку и недовольные взгляды других отдыхающих, спор за столиком разгорался с каждой минутой.

— Это ты мне? — крикнул лысый здоровяк и встал из-за стола. Резким движением руки он сдёрнул скатерть, так что посуда с едой, стаканы, бутылки, одним, словом, всё содержимое этого стола полетело вниз под дикие вопли присутствующих за столиком девушек и грозные крики ребят.

— Ты в своём уме? Чего творишь? — выскочил из-за стола второй парень, не уступающий по ширине в плечах первому.

— Ты хотел меня кинуть? — ещё больше расхохотался первый.

Находившиеся за соседними столиками зрители сей захватывающей картины, напоминавшей разборки в фильме «Бандитский Петербург» или что-то в этом роде, явно, были взволнованы.

На шум прибежал охранник из вестибюля. Он пытался скрутить разбуянившегося здоровяка. Но силы были неравны. Хулиган одной правой оттолкнул блюстителя порядка, так, что тот упал на соседний столик, вызвав в кафе ещё большую панику.

— Лиза, звони в полицию! — вставая со стола и снимая с лица брокколи под сливочным соусом, кричал охранник совсем обезумевшей от страха официантке. — Чего стоишь?

Но Лиза и с места не могла сойти от испуга.

Пьяные дебоширы вцепились друг в друга мёртвой хваткой и уже катались по полу.

Посетители же один за другим оставляли опасное место.

— Пошли скорее отсюда! — схватил меня Генка за руку и потащил к выходу.

— А наша пицца? — вдруг вспомнила я про заказанные нами две порции «Маргариты». Точнее, про то, что мы не можем уйти, не расплатившись.

— Да чёрт с ней, с пиццей! Бежим, говорю!

Мы поспешили к выходу. И вот добрались уже до половины зала, как вдруг один из противников вытащил из кармана пистолет и прицелился в другого. Тот вытолкнул пистолет из рук стрелявшего.... Грянул выстрел.... Раздался дикий женский крик: «Мамочки!!!»

Последнее, что я видела, было дуло пистолета, явно, направленное на меня.... Я закрыла глаза и почувствовала, как лечу в бездну.... Всё было как на замедленной плёнке. Я всё ниже и ниже падала.... Мне казалось, что я потеряла сознание, так как я не ощущала своего тела, всё было как в тумане....

Вдруг почувствовала жар дыхания на себе. Крепкие мужские руки схватили меня на лету словно бабочку. Я открыла глаза. В нескольких сантиметрах от моего было то самое лицо. Лицо, которое мечтала увидеть последние несколько дней. Лицо, красивее которого раньше не встречала. Сейчас я могла разглядеть каждый миллиметр на нём. Чёрная длинная чёлка развевалась, будто от дуновения ветра, открывая выступающие скулы. Словно подведённые его глаза тоже были тёмного цвета, но с каким-то непонятным отблеском. Небольшая щетина покрывала подбородок. Спаситель мой был серьёзен, но глаза его, казалось, улыбались. На секунду мне показалось, они вдруг изменились в цвете, став ярко-зелёными.

Я зажмурилась, думая, что это сон. Открыв глаза, увидела то же. Было чувство, будто

внутри меня разливается горячий кисель, заставляя онеметь сначала ноги, а потом и всё тело. Мой рыцарь стоял, согнув одну ногу в колене в позе волка перед прыжком, я же была жертвой в его объятьях. В первый раз парень был так близок ко мне, тем более парень, к которому меня тянуло со страшной силой.

Околдованной чарами его демонического взгляда, мне показалось, будто время вокруг остановилось, были лишь я и он, чьё имя мне хотелось повторять снова и снова — «Тан»....

Голос Гены вернул меня к реальности:

— Ты в порядке?

Ответа на этот вопрос я не знала. Можно ли было назвать порядком то, что со мной происходило сейчас.

Я взяла Тана за руку.

— Что это? Это кровь? Ты ранен? — из его ладони, я видела, точно, сочилась тонкая алая струйка.

— Ерунда! Всё в порядке!

— В порядке? Да у тебя рана! Тебе нужно в больницу! — совсем забыла я о себе.

Это мне нужна была скорая помощь. Но такой диагноз, увы, никто не лечит!

— Мне пора! — пропустив мои слова мимо ушей, продолжал Тан, помогая мне встать на ноги. — Береги себя!

И он исчез также неожиданно, как и появился, не дав опомниться, оставив меня наедине с моими непонятными чувствами.

Ночка выдалась славная: происшествие в «Уюте», три часа в полиции в качестве главных свидетелей, объяснение по несколько раз ничего не понимавшим спросонья Ольге и Свете!

Только часа в три ночи мне удалось оказаться в постели. Но я и не думала спать. Я ещё и ещё раз рисовала себе картину, произошедшую сегодня в кафе, отматывая назад плёнку в своей голове.

Странно, но я не видела Тана в тот день и, тем более, недалеко от себя, настолько, что тот мог быстро среагировать и уклонить меня от шальной пули. Как же он смог это сделать?

А пуля летела точно на меня, я была в этом уверена!

Голова моя шла кругом от этих мыслей....

Его рука была в крови.... Он поймал пулю? Но каким образом? Разве человек мог такое сделать?

Потом я вспомнила его взгляд — мурашки пробежали по телу. С каждой минутой увеличивалось моё влечение к загадочному спасителю!

... Утром в универе я почувствовала себя звездой. Во-первых, после вчерашнего букета мне тут же приплели роман с главным плейбоем столицы. Во-вторых, уже ходили легенды о покушении на мою жизнь, которое, надо думать, сразу же связали с эти самым плейбоем...

— Это она! — показывали пальцем в мою сторону.

— Она и Истомин? Такое возможно? — слышала я вздохи своих «соперниц».

Не знаю, как без конвоя охраны мне удалось добраться до аудитории.

— Вася! Это правда? — сразу окружили меня одноклассники.

Дубровина возглавляла армию моих «фанатов».

— В тебя вчера стреляли? — изобразив ужас на своём ангельском личике, спросила она.

Я же, к их полному разочарованию, поспешила развеять все сомнения:

— Нет! Это была случайность. Со мной всё в порядке, как видите!

Света и Гена, как настоящие друзья, не отходили на меня ни на шаг, нападав всякий раз на приставучих товарищей, решивших поиграть в репортёров.

— Чего вы к человеку пристали? — говорила Света, — она и так сама не своя, ещё вы тут со своими расспросами.

В глазах же одноклассников при этих словах я видела сочувствие к моей несчастной персоне.

Прозвенел звонок, в аудиторию вошёл преподаватель истории народов — Герман Петрович. Я надеялась, что любимый предмет спасёт меня от грустных мыслей....

Профессор Левин вошёл не один. Я сначала даже глаза на него не подняла, продолжая думать о своём.

— Студенты! — сказал профессор. — Подходит к концу изучение эпохи Средневековья в странах Азии и Восточных цивилизаций. Завтра вас ожидает выездная лекция в музей. С целью лучшего понимания вами значимости эпохи Средневековья для всемирной истории я пригласил самых лучших своих студентов-пятикурсников, которые готовят диплом по этой теме. Итак, прошу любить и жаловать: Семён Логинов и Тан Алтар....

Услышав знакомое имя, я, наконец, оторвала свой взгляд от окна и перевела его на профессора Левина и его свиту.

Наши с Таном глаза встретились.... Сердце моё бешено забилося, по спине, словно, ток пробежал. В тот момент я, наверное, покраснела, так как чувствовала огонь и внутри себя. Тан, увидев меня, тоже изменился в лице. Он побледнел и, немного пошатнувшись, отвернулся в другую сторону. Конечно, никто этого не заметил. Кому было дело до двоих, испытывающих друг к другу странное притяжение.

В этот день Тана я в университете больше не видела.

... - Всё ещё будешь отпираться, что он тебя не интересуется? — довольная, что застала меня врасплох своим вопросом, улыбалась Света.

Она приподнялась со своей кровати, увидев, что я тоже ещё не сплю.

— Ты о чём? — сделала вид, будто не понимаю её.

— Я про Тана.

— Не понимаю тебя!

— Нет! Это я тебя не понимаю! Думаешь, я слепая? Не вижу, как ты на него смотришь. И не признаёшься! Мне? Своей лучшей подруге! — разошлась Света.

— А в чём я должна признаться? — пыталась я от неё избавиться.

— Ведь он тебе нравится!

— Тебе показалось! Между нами ничего нет, и быть не может!

— Почему не может?

— Кто он и кто я?

— Мы живём в свободной стране. Да, если захочешь, можешь выйти замуж хоть за принца Монако.

Я улыбнулась:

— Ладно, давай спать. Завтра рано вставать — едем в музей, не забыла?

— Да, тут забудешь! Дура ты, Василиса, такие парни вокруг тебя! А ты! Эх, я бы не растерялась!

Мечтательно вздохнув, Света легла обратно в кровать. Через пять минут она уже всюю

храпела. Я же думала над её словами. Нравился ли мне Тан? Безусловно, он был мне интересен. Но с какой стороны больше, я до сих пор не могла понять: как отличающийся от остальных «золотых» мальчиков воспитанностью их же представитель или загадочный, манящей своей тайной и нечеловеческой силой мой вечный спаситель.

... Ночь пролетела быстро. И вот наша группа во главе с профессором Левиным и двумя экскурсоводами в лице его лучших студентов стояла в холле музея в ожидании опоздавших.

— Итак, разделимся, — сказал профессор Левин. — Со мной идут Васюкова, Бочкин, Баранов, Грибанов, Головки, Дубровина, — перечислял он фамилии студентов. — Дмитриченко, Ежов, Ершова, — продолжал он, — отправятся с Семёном Логиновым, а все остальные, кого не назвал, — с Таном.

Мою фамилию не назвали. Я пойду с ним! — пронеслось в голове. С одной стороны, обрадовалась, так как могла его видеть и наслаждаться этим присутствием. Но, с другой, я боялась его, боялась демонического взгляда, под чарами которого становилась беззащитной заложницей своих чувств.

— Пойдёмте! — коротко сказал Тан, при этом, даже не взглянув в мою сторону.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж музея.

Тан шёл впереди. Сегодня он был в строгом чёрном костюме, идеально подчёркивающим его прекрасно сложенную фигуру. Первая пуговица его белоснежной рубашки была расстёгнута. Так и хотелось вытянуть шею и посмотреть на то место, откуда начиналась крепкая, по-настоящему мужская грудь. Волосы были гладко зачёсаны назад. Смотреть на него было одно удовольствие.

— Итак, мы находимся в зале Османской империи, — начал он свой рассказ. — Перед вами точные копии экспонатов музея Топкапы в Стамбуле, сохранившиеся до наших дней некоторые вещи, принадлежавшие различным султанам могучей державы, начиная с Мехмеда Завоевателя.

Я стояла как замороженная, не могла оторвать глаз от рассказчика. Тан с таким чувством и эмоциями рассказывал о жизни во дворце, будто всё это сам переживал.

Все студенты слушали его, затаив дыхание и ни разу не перебив.

В конце своего рассказа он спросил:

— Есть вопросы?

Смирнова, которая, к несчастью, оказалась в одной группе со мной, подняла руку:

— У меня вопрос.

— Какой же? — Тан вытянулся в струнку.

— А вы знаете имена всех турецких султанов?

— Да, разумеется.

— А это правда, что султаны очень страстно любили своих жён?

— Так говорят.

— А ещё вопрос можно задать? — не унималась Смирнова.

— Слушаю.

— А что вы делаете сегодня вечером?

Зал Османской империи наполнился смехом. Как же она меня бесила в тот момент! Так и чесались руки!

Тан же серьёзным голосом, не отвечая на заигрывания Смирновой, произнёс:

— Сегодня вечером я делаю то же самое, что и вчера. Но моя личная жизнь вас никоим

образом не касается. У вас есть десять минут посмотреть ещё раз экспонаты, и мы направимся в другой зал, — обращался он уже ко всем.

Смирнова, явно не ожидавшая такого ответа, позеленела и, поняв, что надеется ей больше не на что, сняла маску роковой красотки.

Все разбрелись по залу, с интересом разглядывая одежды султана и наряды наложниц. Я же осталась одна. Генка и Света в мою группу не попали, поэтому я чувствовала себя одинокой. Одинокой чувствовала себя и потому, что «султан моего сердца» не обращал на меня никакого внимания, несмотря на то, что я весь день не сводила с него глаз. И сердце моё болело.

Вот и сейчас, он исчез с поля зрения, а я так хотела поговорить с ним о вчерашнем.

Я направилась к окну, прекрасным видом на утренний город надеялась себя успокоить. Но до окна не дошла. Меня привлекла висевшая на стене необычная картина. Она абсолютно отличалась от остальных: портретов грациозно восседающих на тронах султанов, картин, изображающих быт во дворце и сражения на поле боя. Рядом с ними отголосками древней могучей державы висел абсолютно не сочетающийся с ними портрет волка. Хищник с блестящей голубоватой шерстью и янтарными глазами, светившимися ярким блеском, выл на луну, освещающую всю картину.

Он был благороден и красив, и чем-то напоминал нашего волка с Иван-царевичем на спине. Его глаза были грустные и походили скорее на человеческие, чем на глаза свирепого хозяина леса.

Я стояла, заморожённая картиной, и мне казалось, будто в тот самый момент волк смотрит прямо на меня. На душе стало тревожно, но я не могла сойти и с места, будто околдованная им.

— Понравилась картина? — раздался позади меня голос.

Я узнала этот голос сразу. Но не обернулась, боясь один на один оказаться с виновником той самой боли в моём сердце.

— А кто на ней? — с дрожью в голосе спросила я.

— Бозкурт, — спокойно ответил Тан.

— Бозкурт?

— Небесное существо, в которое верили древние тюрки.

Я обернулась. Тан стоял в полуметре от меня, скрестив руки перед грудью, и так же внимательно рассматривал картину.

— Так это не волк? — смотрела я на Тана.

— Сын человека и волчицы, — не отрывая свой взгляд от картины, ответил он.

— И во что же они верили? Тюрки?

Тан перевёл свой взгляд на меня, посмотрев прямо в глаза. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Тот же спокойно ответил:

— Бозкурт мог принимать и человеческое обличие. Он спускался с неба всякий раз, когда тюркский народ нуждался в помощи, и помогал.

— Так он, выходит, хороший? Я думала, что оборотни все опасны и жестоки, — эта история всё больше интересовала меня.

— Бозкурт не оборотень. Скорее, божество в облики волка. Ведь волк умён, самоотвержен, свободолюбив. И отличается от служилых собак и подлых шакалов.

Тан говорил это таким тоном, будто оправдывал того самого волка с картины. Сказав последнее, он отвернулся от меня и хотел уйти.

Не знаю, как мне хватило смелости, но я взяла его за руку. Она мне показалось очень холодной, просто ледяной.

Он остановился, выдернул свою руку из моей, но не обернулся, застыв в одной позе.

— Как такое возможно? — спросила я.

— Ты о чём? — делая вид, что не понимает, вопросом на вопрос ответил Тан.

— О руке. Два дня назад там была рана от пули. А сейчас не осталось и следа.

— Там не было никакой раны.

— Как же не было? Тогда, в кафе. Я видела собственными глазами.

— Тебе показалось в темноте, — ответил он и собрался уйти.

Но я и не думала сдаваться, решив докопаться до истины:

— А как ты это сделал?

— Что именно? — Тан был на удивление спокоен.

— Поймал пулю!

Он рассмеялся.

— Ха-ха-ха. Поймал пулю? Ты о чём?

— Я не видела тебя в тот вечер в кафе. Но ты оказался около меня и спас. Как такое возможно?

— Я быстро бегаяю. А в тот вечер я сидел за соседним столиком, ты просто не заметила.

Я закрыла глаза и вспомнила всех людей, сидящих за соседними столиками. Тана я не помнила.

— Но я и, правда, не видела тебя.

— Хорошо, в следующий раз обязательно подойду, поздороваюсь. Если тебе так важно знать, что я оказался с тобой в одном кафе.

Я растерялась. Тан, воспользовавшись этим моментом, вновь скрылся из виду.

Глава четвёртая «Золушка»

Через час мы уже сидели в аудитории, обсуждая сегодняшнюю экскурсию.

— Как вам погружение в мир Средневековья? — спросил профессор Левин. — Я не случайно это запланировал. Хотел, чтобы вы окунулись в ту эпоху, почувствовали себя на месте султанов и императоров. И надеюсь, рассказы Семёна и Тана помогли мне справиться с задачей.

Услышав дорогое сердцу имя, я покраснела и опустила глаза, к счастью, никто не обратил внимания на мое волнение. Все были заняты интересным разговором с профессором.

— О, да, — язвил Макарский, — хотел бы оказаться на месте султана, завёл бы себе гареем... — вытягивая последнее слово, произнёс он.

Все засмеялись. Мишка Стрельцов, кивнув в сторону Дубровиной, спросил:

— А как же Анджелина Джоли?

Макарский выпрямил спину и, высоко подняв голову, ответил:

— Не бойсь, Стрельцов, всё продумано, Алина будет главной женой падишаха!

Дубровина, которой, явно не по вкусу пришлась отведённая ей роль в гареме, встала с места, подошла к Макарскому и стукнула его учебником по голове.

— Ай! Ай! Ай! — продолжал тот паясничать. — Ты знаешь, что на Востоке делают с мужеубийцами?

Вся аудитория стояла на ушах.

— Не хочет она быть в гареме! — хохотал, катаясь на стуле взад-вперёд Стрельцов. — А ты Смирновой предложи, та точно не откажется.

— Ну, всё! Посмеялись, и хватит, — успокаивал студентов профессор Левин. — А из вас, Макарский, не выйдет султана. Для того чтобы управлять могучей державой, нужно иметь железную силу воли и стремление к победе. У вас же я не заметил ни того ни другого.

Все засмеялись, как ловко опустил Герман Петрович самоуверенного наглеца. Лишь Макарский покраснел, явно, обидевшись на профессора.

— Предложил я вам окунуться в мир Средневековья, — продолжал профессор, — для того, чтобы вы могли выбрать тему для курсовой работы. Вы ознакомились со средневековой историей Азии и Востока: с историей Индии, Китая, Кореи, Японии, Османской империи. Какую тему вы хотели бы более подробно изучить и поделиться с нами?

Все, переглядываясь, замолчали, как школьники перед вызовом к доске.

— К вам, Стрельцов, у меня есть отдельное предложение. Если уж Макарский заинтересовался историей гарема, пусть он и осветит её в своей работе. Вам предлагаю ответить ему тем же. Почему бы вам не взять тему: «Образ кисэн в эпоху Чосон».

Стрельцов покраснел. Аудитория же взорвалась от смеха. Да, умеет же поставить всех на место профессор Левин.

— **Раз нет желающих самостоятельно выбрать понравившуюся тему, буду предлагать свои. Итак, первая тема «Корейская философия позднего Чосона» Кто возьмёт?**

Света подняла руку.

— Отлично, Никитина. Прекрасный выбор. Тогда записываю вас, — наклонившись над своей тетрадью и делая пометки карандашом, сказал профессор.

— Вторая тема для курсовой «Культура средневековой Индии» есть желающие? О, Калинин, — увидев поднятую руку Генки, обрадовался Герман Петрович.

— Третья тема «Культура средневекового Китая» Кто желает?

Все молчали.

— Смирнова, может, вы попробуете? — обратился к Лене Герман Петрович.

— Смирнова желает писать групповую работу вместе со Стрельцовым, её эта тема тоже интересует, — пытаясь задеть Лену, ехидничал Макарский.

Профессор так посмотрел на шутника, что тот сразу закрыл рот.

— Ну, так как, Смирнова, попробуете себя в роли исследователя Китайской культуры? — продолжал профессор.

Всё оставшееся время он раздавал темы курсовых работ.

— У кого нет темы? — дойдя до последнего студента, оторвал от тетради свой взгляд профессор.

Я подняла руку.

— Крылова, как же я вас пропустил. Сейчас что-нибудь и для вас найдём.

— Не надо! — оборвала я профессора. — Я выбрала тему. Я хочу написать о легендах тюрков.

— Вот как? — удивился профессор. — Неожиданно, так сказать. Обычно, в вашем возрасте мало, кого интересуют легенды, всё больше настоящая жизнь султанов. Ну, раз вы так хотите, что ж, дерзайте!

Герман Петрович отметил мою фамилию в тетради, и тут же прозвенел звонок. Все начали собираться.

— Минуточку внимания! — кричал профессор. — У вас есть месяц для работы! И оцениваться будут только личные курсовые! Плагиат, скаченный с интернета, меня не интересует!

Тут Герман Петрович обратился ко мне:

— Крылова, задержитесь, пожалуйста, на минутку.

Все вышли, я осталась наедине с профессором.

— Я в коридоре тебя подожду, — сказала Света, закрывая за собой дверь.

— Не знаю, почему вы выбрали эту тему, — начал профессор Левин. — Хочу уточнить, вы хотите исследовать все легенды тюркских народов, которых, скажу вам, великое множество, или же остановиться на некоторых.

Взглянув ему в глаза, решительным голосом я ответила:

— Я хочу писать о бозкурте.

Профессор удивился ещё больше.

— О бозкурте? Но теперь я просто обязан вас спросить — почему именно об этой легенде?

Я не могла ничего ответить Герману Петровичу, потому, как и сама не знала ответа. Но с некоторых пор эта история о полуволке, получеловеке, спасителю и покровителю предков османов меня интересовала как никакая другая.

— Тогда вот, что вам посоветую, Василиса, — взяв меня под руку и отведя подальше от двери, полушёпотом продолжал профессор. — Вы знаете, я не сторонник лёгкой добычи информации, и просто уверен, что по второму и даже по третьему разу буду читать некоторые работы, нагло списанные. Но вам, как добросовестной студентке, скажу вот что: не заглядывайте туда, где подчас пишут такую ересь, что волосы дыбом встают. Если вы и в правду хотите написать хорошую курсовую, не ленитесь — ходите по библиотекам и научным залам. Поверьте, там вы найдёте стоящую информацию, — серьёзно, но доброжелательно говорил профессор.

— Я поняла, профессор, — я подошла уже к двери.

— Пойдите! — остановил меня Левин. — Несколько лет назад в Турции во время раскопок была найдена очень занимательная книга, которая, по словам учёных, относится где-то к 1500 году. На удивление, она неплохо сохранилась. Копия этой книги, переведённая на русский язык, есть и в нашем читальном зале.

Я удивлённо смотрела на профессора — почему же он до сих пор молчал?

— Рукопись принадлежит древнему монаху. Я прочитал перевод и, надо сказать, это больше литературное произведение, нежели историческое. Но, если вам интересна эта тема, обязательно прочтите книгу, она вам поможет. И ещё, перевёл эту книгу востоковед Армен Григорян, известный учёный в Москве. Он, в некотором роде, является моим приятелем, и у меня есть его координаты. Запишите-ка номер его телефона, если вдруг возникнут какие-то вопросы. Думаю, он не откажет вам в помощи.

Я вытатила телефон, записала номер и, благодарная профессору, вышла из аудитории.

— Чего он хотел? — это был любимый вопрос Светы.

Я улыбнулась:

— Давал советы по поводу курсовой.

— Ну, вот так всегда: почему он мне ничего не посоветовал? Почему опять тебе? — ныла Света до тех пор, пока меня не окликнули.

— Крылова! — услышала я знакомый голос.

Обернувшись, увидела довольное лицо Малефисенты- Дубровиной.

Началось... — подумала я.

— Мне нужно тебе кое-что передать от Влада Истомина, — Дубровина нарочно сказала это как можно громче, так, что всё движение по коридору, до этого напоминавшего муравейник, прекратилось. Все остановились как вкопанные при упоминании имени «всевышнего».

Я подняла на неё глаза:

Она точно что-то замышляла, — промелькнуло в голове. — А я-то думала, почему она в прошлый раз встала на мою сторону? Вот тебе и ответ! А сегодня решила поработать курьером? Это было, явно, неспроста.

Дубровина своей раздражающей походкой супермодели по подиуму подошла ко мне. В её руках был небольшой подарочный пакет с сердечками, что уже намекало на его содержимое.

Все зрители этой увлекательной «комедии» для меня, для них же, наверняка, «мелодрамы о Золушке» смотрели с изумлёнными глазами, вытянув шеи, дабы увидеть подарок от «принца».

— Мне это не интересно! — я хотела было уйти, но взглянув на лица несостоявшихся синдерэлл, перегородивших мне дорогу, по которым можно было прочесть: «Тебе не интересно — интересно другим», мне пришлось оставить эту затею.

Я повернулась к Дубровиной, которая перед носом вертела пакетик и ехидно улыбалась, не оставляя сомнений, что в пакетике находилась «бомба».

Она протянула мне пакет. Я спокойно взяла его и продолжала смотреть ей прямо в глаза.

— Как? Ты не посмотришь? Или у тебя есть секреты от коллектива? — ехидно улыбалась она.

— У меня секретов нет! — я залезла рукой в пакет и, не смотря, вытащила маленькую коробочку в виде ракушки, с которой, как я видела в мелодрамах, делают предложение руки и сердца.

Обстановка в коридоре накалялась.

— Ну? — продолжала издевательство надо мной, испытывая, явно, невероятное удовольствие, Дубровина. — Открывай!

Я открыла. В коробке, как я и думала, было кольцо. Не знаю, сколько там было бриллиантов, но при ярком дневном свете оно, казалось, светилось в моей ладони.

— Ах!!!!

— Вот это да!!!!

— Ну, и красота!!!

— Везёт же дурам!!! — это были самые приличные поздравления в мой адрес.

Я была в растерянности и думала, как повести себя дальше.

За меня всё решила Анджелина Джоли. Подойдя ко мне ближе и выхватив записку, которая прилагалась к кольцу, она, на радость присутствующим, удовлетворила их интерес:

«Надеюсь, ты примешь этот скромный подарок в качестве извинения за моё недостойное поведение. Жду тебя сегодня в ресторане «Рай» в 20:00. За тобой заедет мой водитель. Истомин»

Если сказать, что публика просто остолбенела от услышанного — не сказать ничего.

Все ещё минуты три не могли сойти с места, будто приклеенные к полу коридора.

Мне же Дубровина только что зачитала «смертный приговор».

Под осуждающие взгляды мечтающих о принце по фамилии Истомина, я поспешила скрыться из виду.

Макарский, наблюдавший за всем происходящим со стороны, подошёл к Дубровиной и, схватив её с силой за руку, развернул к себе лицом:

— Зачем ты это сделала? Влад же сказал: «Лично в руки!»

— А я что? Из рук в руки. Даже помогла ей прочитать — вдруг почерк не разберёт, — и она засмеялась тем смехом, от которого бывают мурашки по коже.

— Нет! Ты хуже, чем стерва! — высказал Макарский и с силой оттолкнул руку Алины.

— Ничего себе!!!! — всё, что могла сказать Света в поддержку мне.

— Ох, сегодня я покажу тебе своё недостойное поведение, Казанова недоделанный!!! — сжала я руки в кулаки, которыми прямо сейчас с превеликим удовольствием задушила бы хозяина записки.

Мы подошли к лестнице и стали спускаться вниз.

— Значит, девочка интересуется сказками? — услышала я издевательский голос.

Я так злилась на Истомина, что даже не увидела Тана, стоявшего возле лестницы. Одной рукой он облокотился на перила, вторая была в кармане.

Я не понимала, о чём он говорит, но тон его был мне неприятен.

— Ты что-то сказал? — поднялась я по ступеням, подойдя к нему вплотную.

— Я спросил: тебе нравятся сказки? — явно, издевался он.

— Некоторые! — я старалась сохранять спокойствие.

— А ты знаешь, не всегда в сказках бывает счастливый конец. Может, не стоит и начинать? Вдруг расстроишься?

— Переживу! — уверенно держалась я.

— Я бы на твоём месте больше внимания уделял реальной жизни. Ходить по кинотеатрам и ресторанам — куда более увлекательное занятие, чем копаться в сомнительных легендах.

— Это я сама буду решать! — не сдавалась я.

Тан, явно не ожидавший такого отпора, стиснув зубы, отвернулся.

Я успела заметить яркий блеск в его вдруг посветлевших глазах.

— Оставь эту затею, иначе пожалеешь! — не поворачиваясь, сказал он и пошёл в другую от меня сторону.

— О чём это он? — спросила ошарашенная Света.

— Понятия не имею, — буркнула я.

На самом деле, я поняла, на что намекал Тан. И это меня удивило. Откуда он узнал про тему моей курсовой работы. Ведь я только что вышла из аудитории, и с профессором он вряд ли мог переговорить. Ему сказал кто-то из наших? Но зачем им нужно было это делать? Да и вряд ли кто-то запомнил такое сложное для их ума сочетание слов.

Он знал про Истомина и ресторан. Хотя его не было рядом в то время, в этом я была уверена. Откуда же он знал?

... В двадцатый раз я открыла шкаф и стала рыскать по нему глазами.

— Тебе помочь? — спросила Света.

Они с Ольгой сидели на кровати и сочувственно наблюдали за мной. Я же больше часа то открывала, то закрывала шкаф.

— Ага! — сказала Оля. — Говоришь, Истомина тебя не интересует? Сама уже час одежду выбираешь.

На самом деле, я была в растерянности. До Истомина мне сейчас не было никакого дела. Мне не давали покоя слова Тана. Почему он так настойчиво против моей темы курсовой. И о чём я пожалею, если не откажусь. Нет, отказываться от задуманного я точно не собиралась, наоборот, эта история теперь ещё больше волновала меня, раз она так сильно волновала Тана.

— Скоро восемь. Ты решила? — всё ещё думая про Истомина, спросила Света.

— Что? — отрешённо посмотрела я на неё.

— В чём пойдёшь на встречу?

— Так и пойду.

Девчонки вытаращили глаза.

— В джинсах и в этой кофточке «прощай молодость»?

— Ну, да.

— Да ты в своём уме? — покрутив пальцем возле виска, спросила Света. — Да он тебя увидит — выпрыгнет через окно от страха.

— Мне всё равно. Перед тем, как он выпрыгнет, думаю, успею сказать всё, что о нём думаю.

Зазвонил телефон.

— Слушаю, — ответила я. — А, водитель уже подъехал! Поняла! Выхожу!

— Кто это был? Истомина?

— Кто ж ещё! Уже всё про меня выяснил: и адрес, и номер телефона. Уф, ненавижу! — съёжившись, сказала я. — Ну, ничего! Сегодня, думаю, ты оставишь навсегда идею соблазнить меня, Дон Жуан хренов.

Набросив сверху плащ, я вышла из комнаты, хлопнув дверью.

— Что это было? — спросила Ольга у Светы.

— Любоффф... — томным голосом ответила та.

«Рай» относился к тем ресторанам, в одном из которых я мыла посуду — для богатых и влиятельных, а также для сыночков богатых и влиятельных, таких, каким был Влад Истомина, в один заход который мог спустить столько денег, сколько простые смертные зарабатывают месяца за три.

Простым же смертным вход сюда был заказан.

Чёрный внедорожник подкатил к самому входу. Охранники ресторана наперегонки кинулись к «карете» и помогли мне выйти. Сделав что-то типа реверанса, они открыли передо мной и дверь в ресторан, не обратив никакого внимания на мой, так сказать, неподобающий для такого приличного заведения, неприличный вид.

Я вошла внутрь. Да, здесь было даже «гламурнее», чем в моём ресторане. Ощущение было такое, что я попала века два назад в прошлое. Круглые столики на резных высоких ножках были покрыты белоснежными, золотом отделанными скатертями. Диваны и кресла, на которых сидели посетители, были тоже под старину. Ярко-красные бархатные шторы, подвязанные парчовыми поясами, наполовину закрывали огромные до самого пола окна. По стенам везде висели зажжённые винтажные свечи и портреты одетых в дорогие, но давние

одежды, людей, явно, из высшего общества. Огромная люстра на полпотолка освещала фонтан посередине в виде милых ангелочков.

Ко мне сразу подскочил один из официантов, шныряющих по залу в одеждах лакея, как из сказки «Золушка», и сказал, что меня ожидают за третьим столиком возле окна. Услышав про окно, я вспомнила Светины слова и улыбнулась. Но на минуту мне захотелось почувствовать себя главной героиней вышеупомянутой сказки, пусть и без принца. Так как Истомин, понятное дело, на роль принца даже не рассматривался.

Настроившись на войну, я направилась к столику, где меня ожидал виновник моих последних бед. Истомин, увидев меня, поднялся и вышел из-за стола. Я старалась держать себя в руках. Подойдя к нему поближе, хотела уже перейти в наступление, как Истомин сделал следующее: он подошёл, поклонился и поцеловал мне руку, чего я от него никак не ожидала. Я оторопела, но сдаваться не собиралась, решив выждать время.

Истомин и впрямь был похож на принца: чёрный блестящий фрак, белая рубашка, бабочка. Волосы его были уложены гелем на пробор, но он, видимо, по привычке продолжал дёргать время от времени головой. Я посмотрела прямо ему в глаза: они были чёрными-чёрными и бездонными. Во взгляде его можно было утонуть. Черты лица его казались детскими и наивными. Глядя на них, ни за что нельзя было подумать, что перед тобой повидавший виды эгоист и избалованный самолюбец. Но Истомин и впрямь был красавчиком! И, если бы я не ненавидела его, то, скорее всего, влюбилась.

— Прошу, мадам! — галантно отодвинул он кресло, предлагая мне сесть.

Я подчинилась.

— Шампанского?

— Мы же договорились ещё в прошлый раз, что я не пью! — грубо ответила я.

— За сегодняшнюю встречу по бокальчику можно, — сказал «принц» и, улыбувшись, засверкал своими белоснежными под цвет рубашки зубами.

Слышала, что некоторые пьют для храбрости. Её мне, явно, не хватало в тот момент.

— Хорошо, по чуть-чуть.

— Официант! — поднял он руку. — Два бокала «Дон Периньон».

Через пять минут я, отхлебнув из бокала на высокой ножке «напиток богов», ещё больше почувствовала себя Золушкой. Голова моя кружилась, и было так хорошо и спокойно. Почему напротив сидит не Тан? — подумала я. Но вспомнив его сегодняшней грубый голос и нападки на меня, взяла бокал и выпила всё до дна.

Истомин оторопел:

— Ещё?

— А давай! — я махнула рукой, как заправский алкоголик в пивнушке.

Через пять минут и второй бокал оказался пустым, потом и третий. И всё время передо мной стояло лицо Тана: «Оставь эту затею, а то пожалеешь» Что? Он угрожать мне вздумал? Да кто он вообще такой? Я выходила из себя всё больше и больше. Потом, видно, вышла совсем. Так как плохо помнила последующие события того вечера.

... Теперь понимаю, что означает выражение «Камаз переехал»...

Утром я проснулась и не поняла, где нахожусь. Не было ни храпящей мне на ухо Светы, ни Ольги. Да и огромная кровать мало напоминала мою старую койку в общежитии. Я почувствовала сильную боль в голове. Наверное, ударились, и от этого начались галлюцинации — такое, я читала, бывает. Но где ударились и почему? Начала вспоминать... О, ужас! Я ничего не помнила. Неужели ещё и память потеряла?!

Я встала с кровати, огляделась по сторонам. Комната была большая и светлая, как наши пять. Такой интерьер с колоннами и подвесными потолками видела только на картинках в глянцевого журналов. Такая же шикарная кровать с прозрачными занавесками по кругу стояла в покоях султана в любимом сериале моей мамы. Я подошла к зеркалу, встроенному в дверцы высокого до потолка белого шкафа. О, боже! На мне была мужская рубашка! Я запрыгнула на кровать и накрылась с головой одеялом.

Собравшись с мыслями, поднялась с места и медленными шагами направилась обратно к зеркалу. Посмотрела ещё раз — нет, не показалось! Я и впрямь была в белой мужской рубашке! Трясущейся рукой, закрыв глаза, потянулась к ручке того самого шкафа и отрыла дверцу. Потом открыла глаза! Нееет! Мои опасения подтвердились! Я была в комнате мужчины! На вешалках висели мужские костюмы, рубашки и галстуки...

— О, нет!!! Истомин!!! — вспомнила я.

В дверь постучали. Я опять запрыгнула на кровать.

— Можно войти? — раздался женский голос.

— Да, — еле слышно ответила я.

В комнату вошла женщина средних лет в униформе, в руках на вешалке у неё были мои джинсы и кофточка «прощай молодость», как назвала её Света.

— Вот ваши вещи. Я оставлю их на стуле, — улыбнулась она и, повесив одежду на спинку стула, направилась к двери.

— Стойте! — крикнула я.

— Слушаю вас! — милая женщина развернулась ко мне, продолжая всё так же улыбаться.

— А вы кто?

— Меня зовут Алевтина, я работаю в этом доме.

— А как я здесь оказалась?

Увидев моё испуганное лицо, Алевтина меня пожалела и тут же попыталась успокоить:

— Вы приехали вчера с молодым господином. Он приказал постирать ваши вещи и дать на ночь его рубашку.

— А где... молодой господин? — проглатывая слова, спросила я.

— Он ночевал в комнате для гостей. А сейчас ждёт вас на завтрак в гостиной. Поспешите, пожалуйста. Господин не любит, когда опаздывают.

У меня кулаки зачесались при этих словах. Господин не любит? Да как он вообще посмел привезти меня сюда!

Я быстро оделась и вышла из комнаты. Гостиная, как я видела в кино, обычно находилась на первом этаже. Спустилась по мраморной лестнице. По внешнему виду комнаты поняла, что не ошиблась.

Истомин восседал во главе огромного стеклянного стола, как всегда, одетый с иголочки с самодовольным выражением лица. Увидев меня, он поднялся с места, поклонился и рукой показал на стул напротив него, предлагая сесть.

Я всё ещё молчала, хотя еле сдерживалась, чтобы не налететь на него с кулаками. Но кроме нас в комнате находились ещё люди, и мне просто было стыдно.

Я села. Ко мне подошла другая служанка, уже помоложе.

— Что будете: чай, кофе? — учтиво спросила она.

— Чай, — глядя на её улыбку, я не посмела отказать.

Истомин не сводил с меня глаз и улыбался.

После того как принесли чай в красивой резной кружке, Влад обратился к Алевтине и двум молодым служанкам, стоящим позади него:

— Можете нас оставить?

Те мгновенно растворились.

— У меня есть к тебе предложение, — начал Истомин. — Как насчёт того, что быть моей девушкой? Неофициально?

Я оторопела и поперхнулась чаем, подумав, что он издевается.

Но он продолжал:

— Об этом никто не будет знать. Я уже всё придумал. Три раза в неделю, ну, скажем, по понедельникам, средам и пятницам, мой водитель будет заезжать за тобой и привозить, куда я скажу.

Я не верила своим ушам! Неужели эти слова говорил адекватный человек?

Истомин продолжал играть роль мачо, развалившись на стуле, закинув ногу на ногу:

— Всё остальное время ты будешь жить своей обычной жизнью и, встретив меня случайно, должна будешь сделать вид, что мы не знакомы!

Тут я уже не выдержала:

— Истомин, ты в своём уме?

Не ожидая такой реакции, мачо вдруг изменился в лице:

— Тебя что-то не устраивает? Ты не хочешь быть «девушкой Истомина»? — как модный бренд произнёс он последние слова.

— Меня всё не устраивает! — я встала с места и посмотрела в его глаза.

— А ты надеялась на что-то большее? — издевательски произнёс он.

Меня всю трясло от злости. Я не могла подобрать слова, чтобы высказать этому самовлюблённому Нарциссу всё, что о нём думаю.

— Чего же хочешь ты? — сложив руки крестом перед грудью, он надменно улыбался.

— Хочу, чтобы ты оставил меня в покое! Больше ничего от тебя мне не нужно!

— Не нужно? Ха-ха-ха! Но ты ведь приняла моё кольцо. Вчера пришла в ресторан. Да ты знаешь, сколько я там оставил за две бутылки шампанского, которые ты выпила?

У меня было чувство, что вот-вот лопну от гнева, который меня переполнял в ту минуту.

Я открыла сумку, достала коробочку с кольцом, подошла к Истомину и поставила на стол перед его носом:

— Вчера я пришла в ресторан с одной целью — отдать тебе кольцо! — чуть не плача, продолжала я. — И я говорила, что не пью! Поэтому, дико извиняюсь, за случившееся. Но тебе никаких извинений не хватит за твоё наглое, мерзкое, недостойное поведение. Я все душой ненавижу таких, как ты! Тех, кто не считается с чувствами других людей. Тех, кто думает, что всё может купить за папины деньги! Поэтому, прошу, оставь меня в покое!

Я быстрыми шагами направилась к двери. Потом остановилась, вернулась к Истомину, вынула из кошелька пятьсот рублей, все деньги, которые у меня были:

— Всё, что должна тебе за шампанское, я верну! В отличие от некоторых, у меня есть работа!

И ушла...

Выйдя из дома, нет, скорее из дворца Истомина, я направилась по тропинке, не зная, куда идти. Думала поймать такси, но вспомнила, что все деньги оставила внутри.

Слёзы ручьём текли из глаз. Обида душила меня. Ну, почему всё так плохо? Сначала Тан! Теперь Истомин! Да за кого он меня принял? Как посмел так разговаривать со мной!

Услышала шум машины. Около меня остановилась вчерашняя «карета», открылось окно:

— Садись! — грубо сказал водитель.

Я растерялась.

— Садись, говорю.

— Не сяду! — решив до конца оставаться гордой, ответила я.

— Да отсюда до города несколько километров. Ты пешком пойдёшь? Садись, говорю! — водитель вышел из машины и открыл мне заднюю дверь. — Хозяин велел тебя довести до места, сказал, что ты ему заплатила.

Поняв, что другого выхода нет, я села в машину.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

В это время от дома отъезжала друга машина — серебристый «Ягуар».

Влад смотрел на дорогу, но не замечал ничего. В голове его всё перемешалось. Сердце в первый раз болело. Почему, он не мог понять: она давно ушла, но он продолжал думать о ней? Почему её слова так ранили его, заядлого ловеласа и скептика. Он пытался отвлечься, подумав о другом, но ничего не получалось. Её образ вновь вставал перед глазами.

— Макс! — крикнул Истомин, переступив порог своего кабинета. — Макс! — повторил он.

— Вызывали? — Макс как верный слуга уже был возле двери.

Истомин сел на кресло, положил ногу на ногу и, задумавшись, спросил:

— Насчёт Тана выяснили?

— Ребята работают.

— Так долго?

— Я же вам говорил, тот, явно, не хотел, чтобы узнали о его прошлом.

— Хорошо! У меня ещё одна просьба — Василиса Крылова.

— С какого времени информация вас интересует?

— С Рождества Христова! — разозлился Истомин.

— Понял.

— Свободен! — отрезал Влад.

Он остался наедине со своими мыслями. Сердце его разрывалось на части. Он пугался этого нового для него до сегодняшнего дня чувства.

... - Где ты была? — плакала, обнимая меня, Света, как только я вошла в аудиторию. — Мы всю ночь не спали!

Я пришла рано, и кроме меня, Светы и Гены никого не было.

Вдруг подруга изменилась в лице:

— Этот мерзавец-Истомин, с тобой ведь ничего не сделал? Правда?

— Я набью ему морду! — сжав зубы, процедил Генка.

Я посмотрела на ребят и первый раз за весь день улыбнулась. Есть ещё в этой жизни что-то хорошее.

— Всё в порядке, не переживайте.

— Не переживайте! Да ты дома не ночевала! Мы уже и не знали, что подумать! Даже ему пытались позвонить!

— Кому? — спросила я.

— Истомину.

— А откуда вы узнали его номер?

— Так Дубровина дала.

— Дубровина в курсе этой истории?

— Ну да!

— О нет, только не это!

— А как бы узнали, что с тобой приключилось. Да только всё бесполезно. Истомин все равно был недоступен.

Я была в ужасе. Если Дубровина была в курсе, значит, об этом знал уже весь университет.

Аудитория постепенно заполнялась студентами.

И вот зашла Анджелина Джоли и направилась напрямиком в мою сторону.

Я приготовилась к обороне.

— Нашлась пропажа? — начала она под язвительные смешки одногруппников. — Как ночка? Бурная была?

— Да, Крылова, — поддержала её вторая наша Малефисента в лице Смирновой, — расскажи! Всем интересно, действительно ли Истомин в постели так хорош, как о нём говорят?

— Да, да, Крылова, поделись информацией, — не упускал свой шанс поиздеваться и Стрельцов. — Говорят, у Истомина по несколько девушек за ночь бывает. Вы, как? Вдвоём были или впятером? Ха-ха-ха.

От его идиотского смеха меня передёрнуло.

— Говорят, он даже платит всем девушкам за ночь любви с ним — богатенький Буратино, — продолжал нападки Стрельцов. — Тебе много заплатил? Может, отметим после универа.

— Ну, Крылова, не скромничай, — смеялся Грибанов. — Ты теперь в универе — звезда. Тебе завидуют вся прекрасная половина.

— Скоро за автографами в очередь начнут выстраиваться. Ха-ха-ха! — смех Ежова был ещё более идиотским.

— Мне можно сразу автограф без очереди, — подошёл ко мне с ручкой и тетрадью Стрельцов.

— Да, ты что? Крылова теперь крутая! К ней на простой кобыле не подъедешь! — оттолкнул его в сторону Грибанов.

— Так, так, Крылова, — Дубровина подошла ко мне ещё ближе. — Ты, я смотрю, теперь моя конкурентка по популярности. Ха-ха-ха! — смеялась она.

Все хохотали, мне же от стыда хотелось провалиться сквозь землю.

Света и Генка хотели заступиться за меня, но и им досталось!

— Да заткнитесь вы, идиоты! — вскочил с места Макаровский. — Слушать противно! Завидуете? Завидуйте молча!

— Что? — не верила своим ушам оскорблённая Анджелина Джоли. — Как ты меня назвал?

И переключилась с меня на Макаровского, дав мне хоть немного отдышаться.

— Всем здравствуйте! — вошёл в аудиторию профессор Литвинов. Этика была у нас первой парой. — Я смотрю, у нас во всю дискуссия. Что обсуждаем?

— Нравы и традиции современной молодёжи, — усмехнулся Стрельцов.

— Вот и отлично, — не растерялся Сергей Михайлович, — сегодня мы поговорим о

правилах поведения в общественном месте.

— А может в уединённом? — хихикнул Стрельцов.

— Если вас это так интересует, Стрельцов, можете уединиться со мной после лекции.

Мы с вами поговорим и на эту тему.

Раздался хохот, и все на время забыли про меня.

Я же не могла дожидаться конца занятий, мечтая поскорее избавиться от нападок Дубровиной и остальных «недоброжелателей».

Тогда я и не подозревала, что это были цветочки. Настоящие нападки, в прямом смысле слова, ожидали меня совсем скоро.

— Ты идёшь домой? — спросила я у Светы, лишь только раздался звонок с последней пары.

— Позже, у меня консультация назначена по английскому.

— А ты? — с надеждой в голосе обратилась я к Генке.

— Мне в бухгалтерию нужно зайти по делам.

Я вздохнула: перспектива в одиночестве идти домой меня не радовала.

— Ну, ладно, до встречи! — помахала я друзьям и направилась к выходу.

Выйдя из университета, я замешкалась на минуту — не могла найти ключи в сумке.

— Так ты и есть Крылова? — услышала я незнакомый женский голос.

Я оставила своё занятие и подняла глаза вверх. Передо мной в позе «руки в брюки» стояла блондинка. Сомневаюсь, что натуральная, так как по её внешнему виду можно было написать диссертацию о пользе и вреде ботекса. Юбка еле-еле прикрывала её достоинство, которому позавидовала бы даже Никки Минаж. Грудь с трудом помещалась в блузке. Сзади неё, как и положено по жанру, толпилась группа поддержки в составе пяти человек.

— Разговор есть! — сказала блондинка, выплюнув под ноги жвачку.

Я не из пугливых и достойно приняла «вызов».

— Отойдём? — махнула она головой в правую сторону, где располагался небольшой скверик.

— Отойдём! — согласилась я.

Отойдя на безопасное расстояние, а точнее, в уединённое от взглядов посторонних место, блондинка перешла в наступление:

— Мне сказали, ты теперь с Истоминым? — спросила она.

Я подумала, что она не договорила фразу и переспросила?

— Что с Истоминым?

— Не знаю, чем ты там занимаешься с Истоминым, но он мой! Ясно?

Мне абсолютно не нужен был этот денди лондонский, но её слова задели меня, и я решила разобраться — чей же на самом деле Истомин.

— Ненавижу этих провинциалок! — обратилась она к своим соратницам. — Приезжают в столицу за богатенькими мальчиками. Думаешь, всё так легко получить? — эти слова, явно, адресовались мне. — Значит так, Золушка ты недоделанная, предупреждаю в первый и последний раз, ещё раз увижу тебя с ним.... — она не договорила.

— И что ты мне сделаешь? — злилась я ещё больше.

— А вот что....

Блондинка подошла ко мне и ударила по щеке. Я этого не ожидала, немного пошатнулась. Следующий удар пришёлся в живот. Я скорчилась от боли. Та же,

воспользовавшись этим, толкнула меня на землю.

— Девочки, ну, и чего стоите?

Дальше я не чувствовала ударов, так как от боли уже онемело всё тело. Я закрыла глаза и про себя молила, чтобы всё быстрее закончилось.

— Не трогайте её! — услышала я знакомый голос.

Открыла глаза. Это был Истомин. Было видно, он запыхался и до сих пор не мог отдышаться. Он держал ту самую блондинку за поднятую надо мной руку и сверлил её злобным взглядом.

— Не тронь её, я сказал! — прокричал Истомин.

— Это из-за неё ты меня бросил? Из-за этой дешёвки?

Я поднялась на колени, всё ещё боясь встать на ноги. Во рту ощущался солоноватый привкус крови вперемешку с хрустящими крупинками земли. Какой же жалкой, наверное, я была в тот момент!

— Этой, как ты выразилась, дешёвке ты и в подмётки не годишься! — продолжал Истомин.

— Что? Ты будешь защищать её? Эту стерву?

Истомин занёс вторую руку над лицом блондинки. Та зажмурилась.

— Руки не хочется о тебя пачкать! Если ещё раз тронешь её.... Я думаю, ты знаешь, на что способен Влад Истомин!

— Пойдём! — обернулся он ко мне, протягивая руку.

— Я никуда с тобой не пойду! Я же просила: оставь меня в покое. Из-за тебя одни неприятности!!! — я рыдала в тот миг. Было так больно и обидно.

— Я сказал, пойдём!

— Ты не понял? — послышался голос сзади меня.

Я обернулась — это был Тан.

Он был, как всегда, в чёрном длинном фраке, застёгнутом на последнюю пуговицу. На нём были кожаные перчатки и солнечные очки.

Он был противоположностью Истомина, одетого в белое пальто и светлые брюки.

Тан подошёл к противнику вплотную. Эту картину я уже видела тогда, в «Махаоне». Даже солнечные очки не могли скрыть тот изумрудный свет, который появился в глазах одного из них. Сбоку мне было отчётливо его видно. Защитники мои стояли лоб в лоб друг к другу, один весь в чёрном, другой — в белом. Было похоже, будто ангел и демон встретились лицом к лицу. Только теперь я уже и не знала: кто из них был ангелом, а кто — демоном....

Глава пятая «Таинственная книга»

Вам интересно, чем закончилась история в сквере? Ничего особенного не произошло.

Я поднялась на ноги и ушла, оставив Истомина и Тана выяснять отношения без меня, не в силах выдержать ещё одного разбирательства. Они друг друга не убили, потому, как уже на следующий день видела Тана в университете, правда издалека. После этой истории он опять начал избегать меня. Да и я боялась встречи с ним — на душе у меня было не спокойно.

Истомин же безуспешно продолжал названивать каждые два часа.

От волшебной мази Светы, рецепт которой знала только её бабушка, синяков не осталось. Так что на следующий день я пришла в университет, как ни в чём не бывало. Приготовившись слушать подколки Дубровиной и её свиты, очень удивилась, что они молчали. Мало того, Анджелина Джоли даже поздоровалась со мной по-человечески, что на

неё было не похоже.

— Сегодня мы тебя одну не отпустим, — улыбалась Света, по-дружески меня обняв.

— Домой пойдёшь под конвоем, — шутил Генка.

— Вы идите. Я задержусь в читальном зале. Пора готовиться к курсовой.

— Только до темноты не задерживайся. Знаю тебя, сядешь за книжку и всё — пока всю не прочитаешь, не успокоишься! — причитала Света.

— До темноты и не получится. У меня сегодня смена в ресторане.

Друзья мои ушли. Я же направились туда, где надеялась узнать всю правду, развеяв свои сомнения, которые мучали меня, не давая спокойно дышать, думать, одним словом, жить.

Через полчаса я уже сидела в читальном зале университета, обложенная книгами по древней литературе и учебниками по истории народов. Перебирая стопку, я хотела найти ту самую книгу, о которой упоминал профессор. Но её не было. Я ещё и ещё раз перебирала всю стопку.

— А вы уверены, что дали мне всю литературу? — обратилась я к библиотекарю.

— Конечно, всё, что есть в нашем зале по традициям и легендам древних тюрков, всё у вас.

Это было странно. Куда же подевалась книга древнего монаха?

— Ты не это ищешь? — услышала я за спиной.

Обернулась. Сзади меня на столе сидел Тан и протягивал мне книгу. Его глаза были чёрными, без всякого блеска. Лицо же было серьёзным. Он смотрел прямо мне в глаза. Я почувствовала неловкость, дрожь пробежала по телу.

Потянулась за книгой. Он поднял её выше, так, что сидя на стуле, я не могла до неё дотянуться.

— Так ты это ищешь? — повторил он свой вопрос.

— Возможно! — ответила я.

— Я не предупреждал тебя — не читать печальных сказок!

— Ты читал эту книгу?

— Возможно! — повторил он мои слова.

— Может быть, то, что ты находишь печальным, мне покажется совсем иным?

— У печали одно значение. Второго не бывает! — загадочно ответил Тан.

— Ну, так что ж? Ты не дашь мне книгу? — я смотрела на него в упор.

— Как же я могу запретить? Это не моя личная вещь. Хотя, может, будет лучше, если ты её прочтёшь. Ты ведь всё равно не успокоишься? — он продолжал меня сверлить взглядом, от которого дрожь по телу стала ещё сильнее.

— Я пишу курсовую по этой теме, поэтому мне нужно знать всё.

— Ну, а если тебе не понравится это «всё», что будешь делать тогда? — не унимался Тан.

— Тогда и посмотрим.

Он опустил руку, в которой держал книгу, я выхватила её, пока он не передумал.

Тан встал со стола и медленной походкой направился к выходу. Я провожала его взглядом. Он же ни разу не обернулся.

И вот передо мной лежала та самая таинственная книга, в которой, я чувствовала, были все ответы на мои вопросы. Я открыла её и погрузилась в иной мир...

«Босфор, как всегда, успокаивал. Таинственный и прекрасный в любое время, он и

сейчас манил своей древней дивной красотой, которая так много говорит сердцу, рисуя в воображении сказочные картины: русалок на обрывистых скалах, караваны кораблей с товарами из заморских стран. Луна, купаясь в проливе, всё дальше и дальше удалялась, оставляя за собой след, который играючи пытались смыть волны, с шумом плескавшиеся о берег. Любой, увидевший эту картину, оставался навсегда пленённым проливом.

Только здесь он чувствовал себя спокойно, стоя на летней веранде и любуясь сим творением всевышнего. В домашнем одеянии, ярко-красном шёлковом халате в пол, подвязанном золотым поясом, и без надоевшей и столь неудобной чалмы на голове, он, как давний пленник пролива, не мог отвести от него глаз, погружённый в свои мысли, которые вот уже несколько дней не давали ему покоя. Он и сам был всевышним. Именно это и удручало его ещё больше. Ведь именно от него зависела сейчас жизнь человека. И не просто человека — жизнь наложницы, сумевшей покорить его сердце. По законам страны, он должен был казнить предательницу, но, по законам сердца, он мечтал бы простить ту, которая сумела это сердце растопить.

И сейчас два человека боролись в нём: правитель всемогущей державы и простой смертный, полюбивший первый раз за свои тридцать лет, полюбивший навсегда и бесповоротно.

Мысли его нарушил шум и копошение за дверью. Султан обернулся.

Послышался стук в дверь.

Медленным шагом, держа руки за спиной, чинно и благородно, как и положено повелителю, падишах направился в покои.

— Войдите! — наконец, ответил он, приподняв полы халата и усаживаясь всё так же не спеша и осторожно в своё кресло из чистого золота и красного бархата, стоявшего тронном посередине комнаты.

Дверь в покои распахнулась, и на пороге появился его верный слуга, его правая рука, его преданный помощник и товарищ — Корай-паша. Он подошёл к трону султана, склонил перед ним свою голову:

— Мой господин, пришли главный евнух Али-ефенди и Небахат-калфа.

— Пусть войдут! — не шелохнувшись и не моргнув, ответил султан.

Через пару минут на коленях перед тронном султана стояли его верные поданные.

— Вы приняли решение, мой господин? — с дрожью в голосе, взяв на себя смелость начать первым столь важный и неприятный разговор, спросил Али-ефенди. — В гареме переполох. Все только и говорят, что о произошедшем. Наложницы бунтуют, мой господин, прося наказать предательницу и изменницу. Боюсь, я больше не в силах сдерживать их гнев.

Султан, преодолевая болью в сердце, разрывавшемся в тот момент, принял, наконец, решение, которое от него ждали несколько дней, для него же ставшими самыми мучительными.

— Корай-паша! — обратился он к своему слуге.

— Слушаю, мой господин.

— Пишите приказ! И пусть завтра все готовятся к казни!

Он поднялся с места, и чтобы скрыть наворачивающиеся на глаза слёзы, быстрым шагом направился к окну. Встав спиной ко всем находившимся, скрестив по привычке руки, он вновь обратил свой взор к проливу, дав понять, что не желает больше никого видеть в своих покоях. Все поспешили удалиться. Последним выходил Корай-паша, плотно закрыв за собой тяжёлые двери.

Султан вновь остался один на один со своими мыслями. Правильно ли он поступил? Тут же успокаивал себя, изменившись в лице, с которого уходила жалкая задумчивая улыбка, уступая место строгому уверенному взгляду:

— Я — султан, правитель Османской империи. Я не могу поступить иначе. Как бы не болело моё сердце, моя страна превыше всего. Она предала меня, а, значит, предала и народ. Поэтому она должна умереть, ибо предателям не место на этой земле!

... В это же время далеко от роскошных покоев султана на холодном каменном полу темницы, закованная в цепи, сидела та самая наложница, о которой не мог забыть повелитель. Она и не подозревала, что её судьба была уже решена. И эта луна, на которую любовалась она в маленькое отверстие темницы, мало похожее на окно, светила ей в последний раз.

Мысли её были далеко отсюда. Айнур, как звали наложницу, вспоминала свою прошлую счастливую жизнь, ту жизнь, когда она была просто Анной.

... - Согласна ли ты, раба божья Анна, взять в супруги раба божьего Елисея и быть с ним вместе и в горе, и в радости... — эхом для неё звучали слова священника в маленькой церквушке на краю деревни.

Она смотрела на того единственного, кому давно уже отдала своё сердце. Он тоже не сводил с неё глаз.

С нетерпением ждала она этого дня, долгими вечерами с подружками вышивая себе приданное. И всё ещё не могла поверить, что он наступил.

Все близкие и родные были рядом. Отец ласково обнимал за плечи мать, плачущую от радости и гордости за свою старшую дочь. Младшая сестрёнка улыбалась, еле сдерживая себя, чтобы не подбежать и заключить в объятия свою любимую сестру. Двое младших братьев сидели, насупившись, видно, обижаясь, что сегодня всё внимание досталось не им.

Душа её пела, а она улыбалась той беззаботной и по-детски наивной улыбкой, которая заражала всех хорошим настроением.

... Вдруг входная дверь заскрипела, и одно слово, брошенное с отчаянным криком соседским мальчишкой, нарушило все её мечты, перечеркнув не только этот счастливый день, но и всю её жизнь.

— Татары!!!

Дальше было, как в тумане.... В глазах помутнело, всё расплывалось кругом. Через секунду церковь наполнилась людьми, страшными людьми в чёрных плащах и высоких, лохматых, закрывающих пол-лица шапках, с шашками в руках и луками за спиной... Они кричали не человеческим голосом, скорее, он был похож на звериный рык. Как и сами незваные гости мало походили на людей.... Как шакалы, они рыскали повсюду и, не давая людям опомниться, направо и налево махали своими шашками так, что вскоре весь пол в церкви был залит кровью ничем не повинных людей.... А на светлых деревянных стенах повсюду были ярко-красные брызги....

— Мама! — только и успела крикнуть Анна перед тем, как один из татар, подлетев к её матери, прямо с ходу вонзил в неё свою шашку, пронзив насквозь. Мама захрипела и упала без чувств, пополняя кровавое море на полу.

— Нет!!! Мама!!! — вырываясь из рук подхвативших её татар, кричала Анна.

Потом был отец... Звери эти не пощадили даже маленьких братьев и сестру, заколов их прямо на глазах Анны...

— Нет! Нет! — уже охрипшим голосом полушёпотом молила она, — Не трогайте их!!! Пощадите!!! Молю!!! Папа!!! Сестрёнка!!!! Братишки!!! — Силы её были на исходе. Ноги подкосились. Татары уже волочили её по земле, не обращая никакого внимания на крики и мольбы...

Её вывели из церкви, которая напоминала поле после битвы.... Последний, кого она видела, был Елисей, так и не успевший стать её супругом. Он, как истинно русский богатырь, до конца боровшийся с татарами, раскидывал их направо и налево.... Но силы были неравны.... И вот один, подкравшись, словно трус, напал сзади, пронзив богатыря в самое сердце...

— Анна! — было его последнее слово.

В этот миг Анна его будто услышала, подняла голову с растрёпанными забрызганными кровью волосами, и выдавила из последних сил:

— Елисей!!!

Голова её, снова отяжелев, упала на грудь.

Через несколько минут всё было кончено. Не пощадив ни женщин, ни детей, татары, забрав с собой пятерых девушек, и довольные своей добычей, запрыгнули на коней и умчались прочь.

Повсюду стоял дым от огня догорающих домов, валялись трупы их бывших хозяев. И только крики одичавших ворон нарушали тишину превратившейся для многих в последнее пристанище деревни. Они стаей летали высоко в небе, предвкушая радость предстоящего пира.

... Слезы наворачивались на глазах, сухой твёрдый комок подступил к горлу, затрудняя дыхание, как только Анна вспомнила последний взгляд мамы. Взгляд, обращённый к ней, взгляд, просивший о помощи...

Грустные её мысли нарушил звук ключа в дверном замке. Тяжёлая железная дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался стражник с деревянной миской в руке.

— На, вот поешь! — сказал он ей на османском с нотами жалости в голосе. — Слышал, завтра тебя казнят...

Анна ещё плохо знала язык, но эти слова она поняла.

Она почувствовала облегчение. Смерти она не боялась. Куда хуже смерти была её жизнь наложницы в гареме султана. Предстоящая казнь была единственным избавлением от этого ада, которым считала она свою жизнь.

Не притронувшись к еде, она отодвинула в сторону миску, стоявшую на полу, чем вызвала явное недовольство стражника.

— Гордая! Но ничего, завтра устрелят твою прыть, — шаркая ногами, подошёл он к двери, оставляя пленницу один на один со своими грустными мыслями.

Анна обняла себя руками, положила голову на локти и устремила свой взгляд на маленькое окно, из которого был виден край луны, единственной, кому она могла открыть душу в эту последнюю её ночь.

Татары её продали османам — купцам, прибывшим на русскую землю со своими товарами. Те же, в свою очередь, увидев в ней первозданную красоту и непреклонность, что является отличным сочетанием, привлекающим мужчин, привезли её в Константинополь и продали в султанский гарем, выручив за неё не малую сумму.

И вот спустя несколько месяцев после трагедии в жизни Анны, для неё началась новая жизнь, началась с нового имени. Уже не было Анны — была Айнур-джарийе. Самая непослушная, самая неприступная из наложниц.

Сложнее всего ей давался османский язык, который она ненавидела и отказывалась изучать, чем вызывала гнев Небахат-калфы — смотрительницы за наложницами. Несколько раз Айнур была наказана, но это не становилось для неё уроком. И в следующий раз она, послушавшись и не подчинившись, вновь получала удары плетью.

Жизнь в гареме осложняли ещё и завистницы, которые являются самыми опасными врагами, плетущими коварные интриги против соперниц. А именно соперницу, причём сильную, увидела в Айнур-джарийе любимая фаворитка султана — Мерием-гёзде, самая яркая красавица в гареме, с внешностью ангела и сердцем Шайтана.

Сразу она невзлюбила новую наложницу, только окинув её взглядом. Именно такие девушки были во вкусе султана — это Мерием-гёзде поняла сразу: высокая, статная, с пышными формами, которыми не могла похвастаться она, в то же время с ангельским личиком, желание дотронуться до которого вызывали две маленькие ямочки по уголкам губ. С белой копной волос, блеск и красоту которых не скрывала даже надетая на неё паранджа, стояла Айнур перед Мерием-гёзде в шёлковом голубом платье в пол с осанкой скорее Валиде, чем простой джарийе, чем ещё больше вызывала её гнев и недовольствие. И целью Мерием стало избавиться от соперницы как можно быстрее, пока султан ничего не подозревал о её существовании.

Но своими коварными кознями Мерием-гёзде, наоборот, приблизила тот самый день, который и стал роковым для Айнур. Тот день, когда они встретились с султаном глазами, тот день, после которого всемогущий повелитель уже не был повелителем своему сердцу...

— Султан идёт — раздался громкий устрашающий голос Корай-паши.

Все наложницы выстроились друг за другом, потупив взор, приветствуя своего повелителя. Пока падишах проходил мимо них, им нельзя было и пошевелиться. Тех, кто слушается, ждало наказание. Мерием стояла рядом с Айнур не случайно. Уже давно она вынашивала коварный план, именно сегодня которому суждено было исполниться.

Только лишь султан поравнялся с Айнур, Мерием-гёзде с силой толкнула соперницу так, что та упала прямо в ноги господину, схватившись при этом за подол его платья и порвав его.

Все замерли с ужасом на лицах. Султан остановился, даже не взглянув на упавшую девушку.

— Али-ефенди! — крикнул он так, что, казалось, каменные стены дворца задрожали.

— Да, господин, — тут же на колени перед ним склонился главный евнух гарема.

— Что это значит?

— Прошу прощения, мой повелитель, я сейчас же велю выпороть провинившуюся, — дрожащим голосом пообещал тот. — Увести! — кивая в сторону лежащей на холодном мраморном полу Айнур, приказал он служанкам.

— Выпороть? — вдруг услышал султан нежный голос рядом с собой?

Служанки уже подхватили под руки Айнур, та же не намерена была сдаваться. Она вырывалась из последних сил.

Падишах собрался уже сделать шаг.

— Выпороть? — услышал он снова и остановился.

Служанки руками закрывали рот Айнур.

— Молчи! — с мольбой в голосе шептали они.

Но они не знали характера строптивой наложницы. Мерием-гёзде ехидно улыбалась, наблюдая эту картину. Она не просчиталась. Зная дерзкий нрав Айнур, Мерием именно на это и рассчитывала, надеясь, что наказание за неповиновение султану не ограничится обычной поркой.

— Выпороть за что? — Айнур удалось вырваться из рук служанок, и она направилась напрямиком к султану.

Тот обернулся. Слуги-бостанджи, не мешкая ни секунды, перегородили ей дорогу.

— Выпороть за то, что упала? За то, что порвала ваш драгоценный наряд? Только лишь за это можно выпороть ни в чём не повинную девушку? — Айнур смотрела прямо в глаза повелителю.

Тот тоже не мог оторвать от неё глаз, просто оторопев от неслыханной дерзости.

— Али-ефенди! — сказал он уже более спокойным тоном.

— Слушаю, повелитель.

— Выпороть! — сказал султан, всё ещё не спуская глаз с прекрасной наложницы.

В эту ночь султан не мог спать, вспоминая милые черты девушки. Она первая, кто осмелился не просто посмотреть в глаза падишаха, но и ответить ему. Как ей хватило смелости, наглости? Падишах ещё и ещё раз обдумывал случившееся. Его сердце при этих мыслях учащённо билось. Сам же он испытывал невероятное наслаждение, думая о той, чьей красотой был пленён.

... На следующее утро перед дворцом в летнем саду всё было готово к казни. Высокий широкоплечий палач в красном одеянии с устрашающим видом и с огромным топором в руках совсем не сочетался с зеленью кипарисов, колоннадой стоящих по кругу. От кипарисов исходил сладковатый манящий аромат. Но все их старания были напрасны. Разве что птицы, парящие высоко в небе и наблюдающие за всем происходящим с высоты своего полёта, чувствовали это благоухание.

Мысли же всех остальных поглотил стоящий, не шелохнувшись, наготове тот самый палач. От него исходил какой-то дьяволический запах, вызывающий дрожь по телу.

Собрались вельможи, визири и, как положено, первые лица дворца, принимающие участие во всех государственных делах. А казнь изменщицы и предательницы было чуть ли не самым важным делом, требующим обязательного присутствие всех, которые, уже опустив глаза и перешёптываясь, ждали появления султана.

И вот по вымощенной камнями дороге со стороны дворца направлялась делегация во главе с падишахом. Он выглядел достойно повелителя. Султан шёл не спеша, с высоко поднятой головой, скрестив за спиной руки. Полы его платья развевались при каждом движении. Яркое солнце освещало дорогу, и драгоценные камни на его одеждах. Так, что от их блеска слипались глаза. По правую руку от султана шёл его верный слуга Корай-паша:

— Султан идёт!

Все, расступившись, и уступая дорогу, кланялись своему господину, не поднимая глаз до тех пор, пока он, как всегда, гордой и уверенной походкой не прошёл в ограждённую со всех сторон бостанджи беседку и не занял свой трон.

Взгляд его был строгим и непоколебимым. Никто не догадывался, что душа его в это самое время разрывалась на части, а сердце обливалось слезами.

Не дрогнул ни один мускул на лице султана и когда перед ним, связанная цепью в окружении бостанджи, появилась та, из-за которой и плакало сейчас его сердце.

— Айнур-джарийе, понятно ли тебе, в чём тебя обвиняют? — начал зачитывать приговор Корай-паша, разворачивая аккуратными движениями свёрнутый в тубу лист, который сам же написал накануне в покоях султана.

Султан бросил взгляд на свою наложницу. Она ли это? В исхудавшей и бледной девушке, с жалким видом стоящей перед ним, с трудом можно было узнать ту, красотой которой он восхищался. Она стояла в длинном белом грязном платье, порванном в плечах. Волосы её, ставшие уже серыми, спутались, напоминая паутину.

Айнур подняла голову и посмотрела прямо в глаза падишаха, которому стало не по себе от этого взгляда. Он почувствовал, как по всему телу пробежали мурашки. Это была она.... Те же ненависть и презрение были в её взгляде.

...- Вы получили моё тело, но вам ни за что не стать властелином моего сердца, — вспомнил он слова, сказанные в его покоях, в ту ночь, когда он решил сделать её своей единственной возлюбленной — своей фавориткой.

Тогда он был готов осыпать её золотом, исполнить любое её желание.

— Чего ты хочешь? Говори! — не в силах устоять перед её чарами, испытывающий невероятное влечение к её красивому молодому телу, султан попытался сделать ещё одну попытку, дотронувшись до её тонкой шеи, походившей больше на лебединую.

Айнур резким движением убрала его руку и, обернувшись, посмотрела прямо в его глаза, таким же взглядом, как и теперь:

— Отпустите меня, заклинаю вас!

Падишах встал с кровати, и, надевая парчовый халат на белую шёлковую сорочку, промолвил:

— Никогда!!!

— Корай-паша! Корай-паша! — кричал он не своим голосом.

Тот же не заставил долго ждать, появившись буквально через секунду:

— Звали, мой господин?

— Увести! — бросил падишах короткий взгляд на Айнура, застывшую на краю его ложа, являющегося пределом мечтаний всех наложниц гарема.

Через минуту в покоях султан был уже в полном одиночестве.

Вот и сейчас разбившая его сердце наложница, осмелившись взглянуть ему прямо в глаза, несмотря на свой потерянный вид, выглядела победительницей в битве, которую султан проиграл. Падишах до сих пор не понимал, как он, отпустивший перед собой на колени весь мир, не мог покорить сердце заморской пленницы.

Она, казалось, насмеялась над ним в тот момент. Все сомнения покинули падишаха. Он кивнул Корай-паше, приказав начинать казнь.

Через минуту голова наложницы Айнур-джарийе уже лежала перед палачом, готовая покатиться к ногам своего господина, ожидавшего почувствовать себя, хотя бы, таким жестоким образом, победителем в этой последней битве.

О чём думала в последние минуты своей жизни неприступная Айнур-джарийе, не трудно догадаться. Но этим мечтам не суждено было сбыться, так как уже через секунду палача, державшего руку над лебединой шеей красавицы, насквозь пронзила стрела,

выпущенная из рук тайного спасителя.

В саду поднялся переполох... Бостанджи, закрывая собой повелителя, уже уводили его подальше от опасного места. Но не султан был целью появившихся неожиданно разбойников. Их целью была наложница, так и не ставшая его фавориткой. Айнур всё ещё не понимая, что произошло, с испугом наблюдала за дерущимися стражниками и непрошенными гостями.... Последние ловко управлялись с мечами, один за другим отправляя в лучший мир, казалось бы, непобедимых бостанджи падишаха...

Дальше случилось то, что, наверняка не входило в планы освободителей.... Отворились ворота во владения султана, и через минуту в летнем саду, появилась целая армия янычар, вооружённых мечами и стрелами.... Силы теперь были явно не равны.... Надежда на спасение таяла на глазах....

В ужасе Айнур закрыла глаза, но тут же почувствовала, как кто-то поднял её с лёгкостью на руки и уносил уже вглубь сада, оставляя всё дальше скрежет железа и грозные крики янычар....

У высокого, как крепость, забора их уже ждали двое, которые держали наготове крепкую верёвку, перекинутую на другую сторону от владений всемогущего султана.

На лице тайного спасителя был чёрный платок, как у всех разбойников, скрывающий лицо. Но Айнур не нужно было видеть лицо, чтобы узнать незнакомца. Она не могла в это поверить. Неужели это, действительно, был он, её Елисей. Голова закружилась от счастья, переполнявшего её в тот миг, сердце забилося в груди, стоило лишь только посмотреть ей в эти бездонные как море глаза. Глаза, в которых впору было утонуть.

Он тоже смотрел, как зачарованный, не смея отвести от неё взора. Айнур сдёрнула с лица повязку.... Мир для неё рухнул в ту же минуту. Это был не он ... не её любимый. Это был всего лишь его брат Мирон.

— Я обещал брату, что ты будешь жить! — попытавшись улыбнуться, как можно ласковее произнёс тот.

— Мирон, поспеши, они уже близко! — торопили его друзья.

Мирон отпустил с рук Айнур, всё еще не отрывая от неё глаз. Подал ей в руки конец верёвки, показав жестом, что она должна перебраться на другую сторону забора.

— Ты должна жить, Анна, слышишь, ты обязана, ради него! — уже кричал ей вслед её освободитель.

Дальше она, уже по другую сторону забора, не в силах сдерживать слёз, закрыла руками уши, так как услышала совсем рядом через стену тот раздражающий скрежетавший звук железа, звериные крики османов и последние предсмертные хрипы своего спасителя.

Через некоторое время уже не Айнур, а снова Анна, собрав свои последние силы, спотыкаясь о ветки деревьев и задыхаясь от собственных слёз, бежала по лесу, оставляя всё дальше и дальше ставший для неё пленом дворец османского султана...»

Книга так увлекла меня, что я совсем забыла о времени, будто бы перенеслась в прошлое, в тот мир, который был так близок моему сердцу. Я так чётко представляла себе султана, грациозно восседающего на троне, его наложниц, красотой которых он восхищался, будто бы сама побывала во дворце.

Посмотрев на часы, спешно стала собираться. До работы мне ещё нужно было заскочить домой, переодеться.

В семь часов я уже была на посту, подчищая остатки цыплёнка табака и утки под

маринадом за «успешными и влиятельными».

— Василиса, — обратился ко мне администратор зала Женя — лимитчик вроде меня, но прошедший на несколько ступеней выше по карьерной лестнице.

— Слушаю.

— На сегодня твоя работа закончена, — заикаясь, сказал он.

— Как это — закончена? Ведь я только пришла. Меня что — увольняют? — не верила я. — За что?

— Нет, это только на сегодня, — пытался он меня успокоить. — Понимаешь, тут такое дело, короче, там один господин в зале, хочет, чтобы ты к нему присоединилась.... В смысле, ужина.

— Как это понимать? Но ведь не положено!

— Знаю, что не положено, — сказал он шёпотом, — но это очень влиятельный господин, наш vip-клиент. Я не могу ему отказать.

— Скажи ему, что адресом ошибся, здесь не ужинают с посудомойками, — отвернулась я и продолжила своё занятие.

— Ну, пожалуйста, Василиса, ради меня! Ну, чего тебе стоит?

— А посуду ты за меня мыть будешь?

— Если надо будет — помою! — ответил Женя.

— Дааа! — задумчиво произнесла я. — Видно он ооочень влиятельный.

— Ну, так как? Может, передумаешь?

— Женя, ты же меня знаешь! Я лучше уволюсь, чем буду развлекать этих напыщенных болванов!

— Напыщенных болванов? Это что-то новенькое! — раздался сзади меня голос, меньше всего который я хотела бы сейчас услышать.

— Я был «небожителем», «Нарциссом», «папенькиным сыночком», кем там ещё? Ах, да «золотым мальчиком», — подошёл ко мне ближе Истомин. — Теперь, значит, «напыщенный болван»? Смотри-ка, а я расту! — ехидничал он.

— Вы, извините, — стелился перед ним администратор, — я сразу предупреждал, что ничего не получится.

— Всё нормально! — сказал Истомин. — Деньги можешь оставить себе. И свободен!

Женя поспешил уйти, пока Влад не передумал.

Я развернулась к Истомину лицом:

— Получается, ты меня купил?

— Получается, что так, — констатировал он.

— Да, знаешь, кто ты? — злость мешала мне подобрать нужные слова.

— Знаю: напыщенный болван, ты уже сказала об этом. Да, денег сегодня за тебя немало отдал. Ну, ничего! Вернёшь вместе с деньгами за выпитое тобой шампанское.

— Что? — я хотела с кулаками наброситься на Истомина.

— Хотел тебе ещё раз доказать, что в жизни всё покупается и продаётся!

— Только не я!

— Это точно! Поэтому ты мне и нравишься!

— Что ты сказал? — не верила я своим ушам.

— Я сказал, что ты мне нравишься! — улыбнулся Влад.

— Да ты.... Да я тебя.... Да как у тебя язык повернулся? — я не знала, что ответить.

— Я сказал правду! Никогда прежде ни к одной девушке такого не испытывал, —

спокойным голосом сказал Истомин.

Меня же всю трясло.

— Ну, так как насчёт ужина? — дёрнув по обыкновению своей шоколадной чёлкой, продолжал Влад.

— Сказала же — нет. У меня работа.

— Тогда я тебе помогу, — Истомин подошёл к раковине и засучил рукава. — Найдётся ещё одна пара перчаток?

Да, если бы нас тогда застали папарацци, была бы прекрасная реклама — «Сам Влад Истомин моет за вами посуду в нашем ресторане!»

Мне же было весело работать в тот вечер, глядя как Влад шутит, танцуя под музыку и кидаясь в меня пенкой от мыла. И он совсем не был похож на того Истомина, с кем я познакомилась несколько дней назад в «Махаоне».

— Ну, всё! — сказал он, когда вся работа была закончена. — Сделал дело — гуляй смело!

Я смотрела на Истомина совсем другими глазами. Ещё вчера я ненавидела его. Сегодня же он вызывал у меня симпатию. Он хохотал, дурачился, смотрел на меня как «простой смертный», будто забыл своё громкое имя.

Я тоже первый раз за наше знакомство улыбнулась ему. Я чувствовала себя спокойно рядом с ним. И мне хотелось смеяться. Все плохие мысли остались позади.

— Может, в кино?

— Нет, уже поздно, — боялась я переходить грань.

— Ну, хотя бы мороженого поедем перед сном?

— Мороженого? Давай! — не могла я отказать потому, как мороженое было моей слабостью. Да и рядом с Истоминным я чувствовала теперь себя в безопасности.

— Тогда пошли? — улыбнулся он мне, подав руку.

— Пошли, — ответила я, но руку его не взяла.

... Да, вечер удался на славу, — мечтательно улыбался Влад, плюхаясь на мягкий диван гостиной. Сегодня впервые в жизни он испытал наслаждение от пломбира в вафельном стаканчике, вкуснее которого не ел никогда. Сегодня много чего он испытал впервые. Улыбка не сходила с его лица. И, когда он вспоминал перепачканное мороженым лицо Василисы, тёплые нервные импульсы бегали по всему телу, заставляя вздрагивать всякий раз, приблизившись к месту, благодаря которому был столь популярен Казанова. Да, эта девчонка полностью завладела его разумом и сердцем.

— Алевтина! Алевтина! Что у нас сегодня на ужин? Я голодный, — стаскивая с себя ботинки, звал он домработницу.

Та не отзывалась. Влад встал с дивана, пошёл на кухню.

— Алевтина! Ты дома?

Переступив через порог кухни, Истомин замер — за столом, отпивая из бокала коньяк, сидел его отец:

— У Алевтины сегодня выходной. Я отпустил её.

— Отец? — с трудом выговорил Влад. — Но как ты здесь?... Ты же в Лос-Анжелесе?

— Был там с утра! Садись! — грубо приказал он сыну, показывая на стул перед собой.

Влад подчинился.

— Что это? — бросил Истомин-старший на стол стопку фотографий?

Истомин оторопел:

— Фотографии.

— Вижу, что фотографии, — усмехался отец. — Что ты на них делаешь?

Влад потупил взор.

— Когда Макс мне рассказал, я не поверил своим ушам. А вот теперь всё вижу во очно.

— Ах, это Макс! Предатель! — Истомин стиснул зубы и сжал кулаки.

— Я оставил Макса приглядывать за тобой. Он всё сделал правильно! Но ты! Как ты мог? Сын Истомина моет в кабаках посуду? Да, ты в своём уме? Знаешь, сколько я создавал эту империю? Ты хочешь вот так вот всё разрушить одной рукой?

— Да, что такого? Я просто помогал! — пытался оправдаться Истомин.

— Помогал? Это ты потом моим конкурентам скажешь, которые ищут любой повод, чтобы уничтожить меня! — кричал отец. — А ты помогал?

— Но, отец!

— Молчать! И кто эта девица? — отец бросил на стол фото Василисы.

— Её зовут Василиса.

— Мне всё равно, как её зовут. Я спросил, кто она, ты знаешь?

Влад опустил глаза.

А я тебя посвящу: Василиса Крылова — безродная провинциалка, дочь рабочих, посудомойка.... Этого недостаточно?

— Но, отец, ты её совсем не знаешь!

— Ты меня хочешь с ней познакомить? — язвил отец. — Я тебя вызволил из Лондона руководить бизнесом, пока я расширяю дело в Лос-Анжелесе. А ты чем ты здесь занимаешься? Распускаешь везде кулаки и моешь посуду? Значит так, чтобы я тебя больше не видел рядом с этой девицей?

— Но, отец!

— Молчать! — оборвал его отец. — Я всё сказал! А пока я заблокирую все кредитки.

Отец встал из-за стола и поднялся по лестнице на второй этаж, оставив Влада одного.

Влад спустился по стене на пол, на глазах его показались слёзы.

Знакомая картина, — подумал он, — как десять лет назад, ничего не изменилось! Кроме денег и бизнеса его отца ничего не интересует! А он сам не такой ли? Не он ли недавно, заключив пари, поставил на кон судьбы людей? Да, он точно такой же, как и его отец. Как он ненавидел себя сейчас!

... На следующий день в университете я не могла дождаться конца занятий, чтобы поскорее отправиться в читальный зал. Вечер был у меня свободный, и поэтому я могла задержаться там подольше.

Услышав долгожданный звонок, я собрала вещи, попрощалась со Светой и Генкой и побежала навстречу манившему меня загадочному миру Османской империи...

Спустя пару минут я вновь погрузилась в чтение...

«Через некоторое время уже не Айнур, а снова Анна, собрав свои последние силы, спотыкаясь о ветки деревьев и задыхаясь от собственных слёз, бежала по лесу, оставляя всё дальше и дальше ставший для неё пленом дворец османского султана...

Как долго бежала Анна, она не знала. Время бежало вместе с ней. Выбившись из сил, бывшая наложница упала на землю. Слёзы душили её. Жадно глотая воздух, которого ей так не хватало в темнице, пролежала она без движений какое-то время, не обращая внимания на

красоту леса, манившего своей таинственностью и загадочностью. Деревья, стоявшие сплошной зелёной стеной, качались из стороны в сторону, будто в ритме вальса, то открывая неестественно-синего цвета небо, то закрывая его. Не слышала Анна и пения птиц, перебиваемого иногда шумом от крыльев вдруг поднимавшейся стаи диких ворон, которые давно не видели посетителей в этих краях и от этого переживали.

Анна поднялась на колени, и, бросая комья земли в разные стороны, кричал во весь голос, будто хотела избавиться от того удручающего и поглощающего её всё сильнее и сильнее чувства внутри себя, хотела выпустить его наружу.

Что ей делать? Куда идти? Она была обречена. Никому ещё не удавалось избежать казни. Вдалеке слышны были крики янычар, которые уже шли по её следу.

Нет, она не может вернуться обратно в этот ад! Она не в силах ещё раз выдержать это унижение! Лучше умереть! Никого не осталось у неё в этом мире. Мама, папа, братья, сестрёнка, Елисей и вот теперь Мирон. Ей больше не от кого ждать помощи. Ей незачем жить!

Анна поднялась на ноги, и, преодолевая болью от стёртых в кровь мозолей на ногах, направилась в сторону утёса, который она заметила ещё издалека.

И вот она уже стояла на самом краю, всё ещё боясь открыть глаза и посмотреть вниз. Наконец, она решилась. Картина, увиденная ею, просто поразила. Будто весь мир был на ладони. Казалось, перед ней полотно, написанное великим мастером. Впереди стояли горы — они доставали до неба, скрывая свои вершины под облаками. Нежно-голубая горная река, журчала, пенясь и ударяясь о подводные камни. Такой манящей свободой красоты Анна не видела никогда в жизни! И больше уже не увидит!

Слёзы потекли из её глаз от одной мысли об этом. Вокруг неё летали птицы, будто пытаясь образумить её, отговорить от того страшного греха, который она хотела взять на душу. Но Анна всё уже решила для себя.

Она сделала шаг. Вдруг увидела перед собой мотылька. Потом ещё одного. И ещё. С каждой секундой мотыльков становилось всё больше и больше. Они летали повсюду. Было чувство, будто небо вмиг потемнело. Один из них, самый красивый, сел ей на плечо, второй — на ладонь. Что это? Анна вытянула руку, пытаясь поймать третьего. Ничего не получилось. Взмахнув пепельно-серыми крыльями, мотылёк упорхнул. Анна на минуту забыла о причине своего присутствия здесь, на вершине утёса. Потянувшись вновь за мотыльком, она сделала ещё один шаг...

... - Сколько раз я просил тебя не делать этого. Почему ты ослушался меня? — укоряющим тоном говорил невысокий седовласый сгорбленный старик с палкой вместо трости, в белом платье до пола, напоминающего одежду монаха.

— Я не мог поступить иначе! — оправдывался перед ним молодой юноша.

— Ты не должен вмешиваться в судьбы людей! Это ни к чему хорошему не приведёт! — продолжал старик.

— В таком случае, она бы умерла! — дерзко ответил его собеседник.

— Что ж! Значит, такова её судьба. Люди рождаются и умирают. Это нормально! Когда ты уже это поймёшь? Это не твоё дело!

— Что я должен был сделать, увидев её на краю утёса! — почти кричал молодой незнакомец.

Эхом доносились до Анны голоса. Она, наконец, открыла глаза. Где она? В раю? Анна

положила руку на грудь, где в своём обычном ритме билось сердце. Но что это значит? Она не умерла? Но как так случилось? Анна приподнялась, оглянулась по сторонам. Кровать, на которой она лежала, находилась посередине комнаты, похожей на ущелье. Стены были каменные, каменным был и стол, стоявший недалеко от кровати. В стене был камин, в котором догорали последние угли. Повсюду на верёвках были развешены сухие травы, аккуратно связанные в пучки.

Анна села на кровать, у неё кружилась голова. С трудом она поднялась, всё ещё не понимая, где оказалась. Она не в лесу, но, точно, и не во дворце. Тогда где же? Опираясь на стены, бывшая наложница вышла из ущелья и направилась в сторону доносившихся голосов. Она не чувствовала опасности. Поэтому убежать отсюда даже не было у неё в мыслях. Тем более, куда бы она смогла убежать? Вокруг высоким забором стояли скалы.

— Зачем ты привёл её сюда? — не успокаивался старик.

— А я должен был оставить её в лесу? Одну? В таком состоянии?

— Всё же, Адем, что-то случится плохое, я чувствую. А мое чувство никогда меня не подводит.

— Что может случиться, дядюшка? Здесь мы в полной безопасности. Ни один смертный не знает сюда дороги.

— В том- то и дело! — качая головой, продолжал монах. — До этого дня ни одна нога человека не ступала на эту землю.

Тут старик замолчал, увидев Анну.

Она стояла в нескольких метрах от беседующих мужчин, боясь подойти ближе, издали рассматривая присутствующих. Старика она видела впервые. А вот лица юноши, который стоял к ней спиной, пока не разглядела.

Набравшись смелости, она сделала ещё несколько шагов вперёд. И тут юноша развернулся. От красоты его, казалось, всё вокруг засветилось. Анна оторопела. Видно, бог, создавая его, вложил в него частичку себя. От него исходил такой магнетизм, что дрожь пробегала по телу, а ноги предательски подкашивались. На вид этому красавцу было не больше двадцати. Его улыбка завораживала настолько, что пропадал дар речи. Как и сейчас у Анны.

Незнакомец с внешностью Аполлона в мгновение ока оказался перед ней.

— Ты очнулась? — его глаза, казалось, светились каким-то неестественным блеском.

Анна не могла и слова проронить, находясь под его чарами.

— Как твоё имя? — продолжал, улыбаясь, незнакомец.

— Анна, — губы её еле шевелились.

— Анна! — произнёс нарочито тот. — Моё имя Адем. Не беспокойся, Анна, здесь ты в безопасности, — он улыбнулся.

— Где я?

— Я живу здесь, в ущелье.

— Но я не могу остаться! Мне нужно поскорее уйти отсюда! — Анна, мотая головой, пятилась назад.

— Почему? — Адем удивлённо смотрел на неё.

— Вы не знаете обо мне ничего! Я — наложница султана, приговорённая к казни. Сегодня убежала из дворца. И янычары уже ищут меня. Если они найдут меня здесь, то и вы пострадаете. Вы ни в чём не виноваты. Я не вправе подвергать вас такой опасности. Анна посмотрела на монаха, тот поддерживающе кивал головой.

— Но куда ты пойдёшь? — не сдавался Адем.

— Не знаю. Но здесь я не останусь!

— Скоро ночь. В лесу как раз и полно опасности. Можешь побыть здесь хотя бы до утра. А утром посмотрим, что можно сделать, — Адем, улыбаясь, смотрел ей в глаза. Его вьющиеся длинные до плеч тёмные волосы развевались на ветру, открывая идеальные немного детские черты лица, его завораживающую улыбку.... Как возможно было ему отказать!

Анна осталась....

Прошёл месяц с тех пор, как она жила в ущелье. Несмотря на предупреждения монаха, Адем с каждым днём всё сильнее и сильнее привязывался к своей гостье. Они вместе гуляли, часами беседовали, наслаждаясь компанией друг друга. Анну тоже тянуло к весёлому красивому юноше, который отличался наивной непосредственностью и простотой. С ним она чувствовала себя счастливой, постепенно забывая о причине своего появления здесь. Всё реже вспоминала она родителей, убитых у неё на глазах сестрёнку и братишек. Забывала и улыбку Елисея, которому, думала, отдала своё сердце навсегда.

Да и дворец султана, казалось, остался в прошлом. Она была так счастлива здесь в этой успокаивающей и умиротворённой глуши, рядом с Адемом, что простила и ту, которую до этого момента ненавидела больше всех, ту, по чьей вине она и оказалась на плахе.

Мерием-гёзде так сильно хотела избавиться от соперницы, что пошла на страшное преступление. Перестав строить козни Анне и, сделав вид, что подружилась с ней, она, неискренне жалела последнюю, которой почти каждую ночь, не желая того, приходилось проводить в покоях повелителя. Мерием мечтала видеть себя на месте Анны и потому, наконец, решила сделать страшное.

— Этот порошок подмешаешь повелителю в бокал, как только он отвернётся.

— Нет! Как бы я ненавидела его, я не могу этого сделать! — отшатнулась Анна от протягиваемой ей Мерием бутылочки, наполненной белым порошком.

— Глупая! Я же не убить тебе предлагаю. Ты хочешь убежать отсюда? — она посмотрела в глаза Анне.

— Больше всего на свете! — уверенно ответила та.

— Я помогу тебе!

До чего же была Анна наивна! Как могла она поверить словам той, чьим сердцем завладел Шайтан. Как Анна могла забыть и то, сколько горя натерпелась от ставшей неожиданно лучшей подругой Мерием-гёзде.

Обещав подсыпать снотворное бостанджи падишаха и достать ключи от главных ворот дворца, отправила Мерием Анну в объятия падишаха с опасным и страшным ядом, заранее зная, чем для той всё обернётся.

Падишах был предупрежден о готовящемся на него покушении, но он никак не ожидал, что предательницей окажется та, которой он отдал своё сердце.... Всякий раз, когда Анна вспоминала эту историю, на глазах её появлялись слёзы. Не знала она, что тот, которого она почти забыла, не в силах позабыть её. И преданные янычары, как шакалы, уже месяц рыщут по лесу, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, которая приведёт их к сбежавшей наложнице.

... - Повелитель, — стоял на коленях перед султаном глава янычар, — мы прочистили весь лес, заглянули под каждый куст, проверили все брошенные дома. Её нигде нет. Думаю,

бессмысленно продолжать поиски. Наверняка, её загрызли звери.

— Нет! Я не верю в это! Я знаю, Айнур жива. И вы обязаны найти её! Продолжайте поиски! Пусть этим делом займутся ваши лучшие люди! — султан кричал так, что дрожали стены дворца и колени всех стражников.

Им не оставалось ничего, как только согласиться. И целая армия янычар вновь отправилась в лес на поиски пропавшей наложницы, без которой повелитель не смыслил своей жизни.

... - Адем, — скрестив руки за спиной и обратив свой взор на светящегося от радости юношу, начал монах столь сложный для него разговор, — я хочу поговорить с тобой.

— Слушаю, дядюшка, — по-мальчишески перепрыгнув через камни, Адем сидел уже на скамье рядом со своим наставником.

— Уже больше месяца эта девушка живёт здесь, — старик остановился и, развернувшись к Адему, продолжил. — Что ты собираешься делать дальше?

— Я хочу жениться на ней! — уверенно произнёс тот.

— Жениться? Но значит ли это, что....

— Да! — перебил его Адем. — Я хочу стать человеком.

— Но ты тысячу лет жил один. Почему именно она?

— Я полюбил её всем сердцем, дядюшка. Теперь я не смогу жить без неё.

— Ох, чувствовал я, Адем, что появление здесь этой девушки ни к чему хорошему не приведёт! — мотал головой монах.

— Дядюшка, — юноша вскочил с места, сел на колени перед наставником, взял его за руки, — посмотри на меня. Я впервые так счастлив!

— Это опасно, ты знаешь!

— Лучше мгновение провести с ней, чем вечность без неё, — продолжал Адем.

— Ты — последний бозкурт на этой земле. Ты должен жить. Ты должен охранять лес. Неужели тебе так плохо?

— Да! Я устал. Я тысячу лет живу в одиночестве, лишь подглядывая за людьми. Теперь я понял, что такое человеческое счастье. Теперь я знаю, что такое любовь. Ни одно бессмертие не сравнится с тем всепоглощающим чувством, которое я испытал впервые за столько лет.

— Но уверен ли ты, что она захочет остаться с тобой, узнав всю правду?

— Да, уверен! Я знаю, она тоже любит меня, — лицо юноши светилось. — Дядюшка, ты должен рассказать мне, как стать человеком. Ты говорил, что в нашем роду уже были такие случаи. Ведь ты поможешь мне? — Адем с надеждой смотрел на наставника.

— Как я могу отказать тебе! — улыбнулся тот. — Но ты должен будешь рассказать ей правду, до того, как станешь человеком — это обязательное условие.

— Да, сначала женюсь, а потом расскажу! — уже на ходу кричал Адем, потому как в ту минуту показалась Анна, и юноша бежал ей на встречу.

— Анна! Анна! Мне нужно тебе кое-что сказать! — взяв её за руки, взхлёб говорил он.

Анна растерялась, увидев неподалёку старого монаха. Она чувствовала, что старик недолюбливает её. Поэтому всегда волновалась, когда тот приходил навестить Адема. Как и сейчас.

— Что-то случилось? — боясь услышать ответ, спросила она.

— Да! Что-то случилось! — улыбался Адем. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой. И

осталась навсегда со мной здесь, в ущелье. Ты согласна? — он смотрел прямо в глаза испуганной девушке.

— Да! — только и сказала она, давно уже понявшая, что её сердце принадлежит теперь на ей, а тому, кто находится рядом, тому, кто заботился о ней всё это время.

Адем обнял девушку, отчего у Анны закружилась голова.

— Дядюшка, дядюшка! — взяв свою суженную за руку, тащил он её к своему наставнику и другу. — Она согласилась. Ты должен немедленно нас обвенчать! — счастьем Адема не было предела!

Старик же только помотал головой. Что он мог сделать! Что предпринять! Где-то он понимал Адема! Пусть тот бозкурт, но чувству любви подвластны все живущие на земле! А Адем уже тысячу лет живёт в облици человека! Поэтому ничто человеческое ему не чуждо. Может, Адем и прав, прожить столько лет в одиночестве без любви и ласки — не дар свыше, а мучение!

Зато в ту ночь Адем сполна осознал, что такое любовь и ласка, проведя её в одной постели с той, которую любил больше жизни, в самом прямом смысле этого слова, готовый променять своё бессмертие на счастье быть с любимой. Анна обнимала своего возлюбленного, любясь его обнажённым, прекрасно сложенным телом, готовая раствориться в нём без остатка. Счастьем этих двоих не было предела. Такая всепоглощающая и страстная любовь не может остаться без подарка свыше. Ни Анна, ни Адем и не подозревали, что в ту их первую и последнюю ночь появился плод их любви, их запретной любви — любви девушки и волка в людском облици!

Проснувшись, Анна почувствовала, как яркий луч солнца, ворвавшись в комнату через небольшую щёлку в двери, светит ей прямо в глаза. Адема рядом не было. Она потянулась, встала с кровати, с довольной улыбкой вспоминая сегодняшнюю удивительную ночь, вышла из ущелья. Несмотря на раннее утро, природа уже проснулась. Солнце чувствовало себя хозяином, освещая каждый уголок. Птицы щебетали, кружась прямо над Анной, приветствуя её в этот замечательное солнечное начало дня.

Анна, забывшая о своём обещании Адему — не покидать ущелья в одиночестве, сама того не ведая, уже шла по тропинке, ведущей из леса, где только Адем был хозяином.

... - Возьми! — монах протягивал Адему нож.

— Зачем?

— Это клинок из ивы. Только он поможет тебе остаться тем, кем ты есть, в случае предательства.

— Что я должен сделать, не понимаю.

— В священном писании сказано, что, если любимая, узнав правду о тебе, предаст, то вонзив ей нож прямо в сердце, ты сможешь остаться бозкуртом. Если ты этого не сделаешь, то умрёшь, навсегда обрета покой.

— Как мне стать человеком?

— Ты должен сорок дней и ночей читать молитвы, а в последнюю ночь совершить ритуал вместе со своей возлюбленной, которая согласится разделить с таким, как ты, свою жизнь. Тебе нужно взять у себя и у неё капли крови и, соединив их вместе, прочитать последнее заклинание. Всё это должно быть в ночь полнолуния, и только луна станет свидетелем того, как ты собственноручно распрощаешься с бессмертием, даром свыше, о котором мечтают все смертные. Ты будешь одним из них, став уязвимым, слабым и

беспомощным, — монах замолчал.

— Я согласен, — без сомнений сказал Адем.

... - Мы нашли её! — спеша сообщить радостную новость султану, глава янычар ворвался в его покои и склонился перед ним.

— Где она?

— В лесу. Наш человек видел её.

— Почему же вы не схватили её и не привезли во дворец?

— Янычары, господин, боятся того леса. По преданию, его охраняет последний бозкурт, поэтому туда не должна ступать нога человека!

— Что?! — султан поднялся с трона. — Вы верите в эту чушь? Вы верите в несуществующего демона? Немедленно отправьте туда людей и привезите Айнур во дворец! — падишах вышел из себя. — Чтобы к сегодняшнему вечеру она была уже здесь. Иначе я сам стану тем демоном, который обрушит ваши головы.

— Анна! Любимая! — Адем с только что сорванным букетом диких ромашек влетел в комнату. Она была пуста. — Анна! — всё ещё с надеждой в голосе кричал он.

Букет выпал из его рук — Адем почуял опасность. Его звериный нюх ещё никогда не подводил.

— Анна! — он бросился по тропинке, по которой ещё совсем недавно шла его возлюбленная, и где ещё чувствовалось её присутствие.

В эту самую минуту Анна, собирая травы в лесу, услышала шорох позади себя. Она обернулась и только тут поняла, что ушла далеко от ущелья. Сердце девушки бешено забилось, почуяв неладное. Из-за деревьев вдруг показались те, о которых она уже забыла. Янычары выходили со всех сторон, окружая бедную девушку. У неё не осталось никакого шанса на спасение.

— Адем! — громко выкрикнула она имя любимого.

Тот услышал её за километры. Остановился, чтобы понять, откуда доносился голос попавшей в беду его суженой.

— Адем! Нет! Пустите меня! — кричала Анна во весь голос, вырываясь из рук стражников султана, силой тащивших её к оставленным неподалёку лошадям. — Я не хочу! Пощадите! Молю! — слёзы душили её. Силы были на исходе. — Адем! — крикнула она вновь.

Вдруг повсюду стали появляться мотыльки, как и тогда, на утёсе. С каждой секундой их становилось всё больше и больше. В глазах потемнело от их серого цвета. Мотыльки огромным роем летали вокруг Анны и схвативших её янычар. Стражники, предчувствуя беду, отпустили девушку и озирались по сторонам, выставив перед собой мечи.

— Оставьте её! — эхом раскатился по всему лесу грозный крик.

Анна узнала голос любимого сразу. В нескольких метрах от неё и испуганных янычар на горе стоял Адем. Полы его длинного чёрного платья развевались на ветру, как и его тёмные вьющиеся волосы! Он не был похож сам на себя. Его улыбка, скорее, напоминала звериный оскал. Глаза светились голубым блеском, напоминая свет луны в тёмную ночь. Стоя на возвышенности, окружённый парящими мотыльками, которые, казалось, вылетали из-под полов платья, Адем напоминал скорее демона, нежели человека...»

Я зачиталась, забыв о времени. Сторож, проходивший мимо двери в читальный зал,

нарочно зашумел связкой ключей, намекая, что, несмотря на мою договорённость с начальством о «безлимитном» посещении читального зала, мне пора бы уже домой. Я встала из-за стола, убрала книги и, на радость сторожу, наконец, покинула своё место.

Потом произошло то, о чём вы уже знаете. Та история, с которой я и начала свой рассказ. Та история, после которой убедилась в том, что Тан скрывает какую-то тайну. И я, во что бы то ни стало, должна была её узнать.

В тот злополучный вечер я так ничего и не сказала ни пытавшим меня Свете и Ольге, ни рвавшемуся разобраться с Истоминым Генке, решившему, что из-за него на мне лица нет. Не сказала никому. Сама же не могла уснуть, ворочаясь с одного бок на другой. Я ещё и ещё раз вспоминала сегодняшнее происшествие, не в силах забыть это странное янтарное свечение и устрашающее, но в то же время завораживающее рычание.

Звук телефона прервал мои мысли — пришло смс. Не вставая с кровати, рукой дотянулась до лежащего на письменном столе телефона. Сообщение было от Истомина: «Надеюсь, я тебя разбудил? Забыл пожелать спокойной ночи. Надеюсь также, что завтра ты пойдёшь со мной на праздник одуванчиков. В качестве моей девушки».

Только Истомина мне сейчас не хватало!

Глава шестая «Карты раскрыты»

Весной в нашем университете ежегодно проходит праздник одуванчиков. Для меня это был первый праздник, поэтому я с нетерпением ждала этого дня. Правда, последние события немного омрачили мои ожидания.

С самого утра Света и Ольга наводили марафет. Битый час они вертелись перед зеркалом, отталкивая друг друга, в поисках нужного наряда.

— Вот это, вроде, ничего, — морщив нос, рассматривая себя в зеркало, говорила Света, — но розочки на кофте плохо сочетаются с бантиками на юбке. Как ты думаешь, Вась?

— Да, я тоже так думаю, — ответила я.

Наряд, забыла сказать, должен был быть обязательно цвета одуванчиков, ещё больше приветствовался костюм такового.

— А предыдущее платье был всё-таки лучше. Как ты считаешь? — обращалась вновь ко мне подруга.

— Да, я тоже так думаю, — ответила я.

— Ты за сегодняшнее утро только и говоришь: «Да, я тоже так думаю». Что у тебя в голове творится?

Ох, если бы Света хоть на минуту бы заглянула в мою голову, она бы стала похожей на одуванчик и без костюма!

— Говорят, там будут разные конкурсы и лотереи, — мечтательно говорила Света. — А главный приз, слышали, какой? — смотрела она на нас с Ольгой. — Новый «айфон»! Так что я должна обязательно выиграть! Там будет столько народу, — продолжала она, — что все, наверное, и не уместятся! Твой там, наверное, тоже будет, — кивнула она в мою сторону.

— Кто? — покраснела я.

— А кто тебе снится по ночам?

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, почувствовав, как щёки мои запыхали.

— Сегодня ночью во сне всё повторяла: «Тан, Тан, Тан...» — томным голосом ответила Света.

— Тебе послышалось, — отвернулась я к окну, пытаюсь скрыть румянец, появившийся на щеках.

— Послышалось? Ну, уж нет! Я глухотой не страдаю.

— Да, отстань ты от неё! — заступилась за меня Ольга. — Можно подумать, тебе никогда никто не снится.

— Если бы приснился, я бы с вами поделилась, — обидчиво сказала Света. — Вы же мои лучшие подруги! А вот некоторые, видимо, забыли про это. Завели парня втихаря и даже не поставили в известность.

Это, видимо, был камень в мой огород.

— Да нет у меня никакого парня! — пыталась я оправдаться.

— Да, уж! Как же! Рассказывай! С одним мороженое ест, с другим до ночи гуляет. Сегодня на праздник с кем пойдёшь? Уже выбрала из двух? Может, им дуэль из-за тебя устроить? — Света разошлась.

— Света, успокойся! — подошла я к ней и обняла её. — С Истоминным я никогда не буду, чего бы он ни сделал. А с Таном меня связывает кое-что другое. Пока не могу тебе рассказать. Может быть, позже.

— Ладно! — успокоилась Света. — А ты в чём пойдёшь? Уже решила?

— У меня есть жёлтое платье с подсолнухами. Помнишь?

— Но ведь не с одуванчиками?

Я улыбнулась. Как же хорошо, что у меня есть подруги!

Территория университета была ограждена самодельным забором весёлого жёлтого цвета. Именно здесь, а также в соседнем с университетом сквере и происходил праздник. К нам подбежал Генка в ярко-жёлтой рубашке и надел всем на голову венки из одуванчиков:

— Почему так долго? Я уже заждался.

— Ждали Василису прекрасную, — ответила Света. — Мы что-то пропустили?

В глазах рябило от жёлтого цвета. Он был везде. Рубашки, блузки, юбки, брюки, платья, галстуки — всё было жёлтым. Кто, что нашёл у себя в гардеробе, то и надел.

Было очень красиво. Жёлтый цвет прекрасно сочетался с зеленью первых листочков и только что выглянувшей из-под земли молоденькой травки.

Играла ненавязчивая музыка.

— Нужно зарегистрироваться у администратора, — Генка показал рукой на сидевшего за столом в нескольких метрах от нас пятикурсника, — получить номер. В конце праздника будет лотерея.

— Ура!!! — перебила его Света. — Мой «айфон» ждёт меня.

Мы переглянулись и улыбнулись наивной радости подруги.

— Здесь много всего интересного. Вон там, — Генка махнул рукой в правую сторону, — продают вкусные пирожные.

— Пирожные? — Светка облизнулась и потёрла ладонями друг от друга, прямо как ребёнок. Она схватила меня за руку и потащила в ту сторону. — Пойдём, умоляю тебя! Я хочу пирожное!

Я подчинилась. Мы стали пробираться сквозь жёлтую толпу студентов и гостей. Народу было много, но глаза мои искали одного. Тана нигде не было.

Подкрепившись пирожными, которые и впрямь оказались необычайно вкусными, выпив по чашке кофе, мы всё же решили зарегистрироваться.

— Ваши фамилии и номер группы, — важным тоном сказал администратор, по совместительству пятикурсник Стёпа Вахламкин, прибывший в первопрестольную из одного со Светой посёлка.

— Света Никитина и Василиса Крылова, группа Ф-101.

— Ваши номера 1011 и 1012. Вот вам карточки.

— Слушай, Стёп, — обратилась к нему Света с дружеской просьбой, а не к как администратору праздника, — а Тан здесь? Алтар? Он же с тобой на факультете учится.

— Не знаю, я его не видел, — явно смутившись от такой фамильярности Светы, ответил Стёпа.

— Посмотри, он зарегистрировался? — настаивала та.

— Так. Посмотрим. Группа Э-503. Нет, его нет в списках.

— Спасибо, Стёп, — послала она воздушный поцелуй в конец ошарашенному администратору.

— Ты не переживай! — обратилась она ко мне. — Он появится. Ещё не вечер!

Я же пыталась сделать вид, что меня это не волнует.

— Мне вообще всё равно. С чего ты решила, что я его жду?

— Ну, да! Конечно! — выделяла каждое слово Света. — Я и смотрю, все глаза сломала.

Я покраснела.

— Смотри! — показала она рукой через моё плечо.

Я обернулась. Позади недалеко от меня стоял шатёр с надписью «Потомственная гадалка в третьем поколении. Прямо сейчас узнай своё будущее».

— Бежим скорей. Я хочу знать! — схватила меня Света за руку.

Через пять минут мы уже сидели за круглым небольшим столом в странном шатре напротив ещё больше странной женщины. Она была в возрасте, чёрные длинные волосы её были собраны в огромный пучок. Чёрные густые брови соединялись над переносицей длинного, как клюв носа. От её вида мурашки бегали по спине.

На столе около неё находилась вся атрибутика гадалки: начиная с карт торо, заканчивая огромным светящимся шаром, который держала чья-то рука. Мне было жутковато.

— С кого начнём? — посмотрев прямо мне в глаза, спросила гадалка.

— С меня, — спасла меня от этого томного взгляда Света, обратив внимание странной женщины на себя.

— Дай мне правую руку, — попросила её гадалка.

Света не заставила себя долго ждать.

— Что ты хочешь знать? — поставила своим вопросом в тупик мою подругу.

— Я не знаю. Всё: когда выйду замуж, сколько будет детей.

— Замуж ты выйдешь два раза. Первый — в двадцать пять лет. У вас родится дочь. Через пять лет выйдешь за другого, от него будет сын.

— Теперь твоя очередь, гадалка резко отпустила Светину руку и потянулась за моей.

Схватив её, она долго всматривалась, потом сказала:

— Около тебя двое парней. Но они не твои!

— В каком смысле? Они не любят меня? — не выдержала я.

— Они любят. Одного не любишь ты. А того, кого любишь — любить нельзя. Если будете вместе — один из вас умрёт.

— Как? Почему? — испугалась я.

— Сама скоро узнаешь! Всё! Следующий! — дала она понять, что больше ничего не

скажет.

Выйдя из шатра, я увидела направляющуюся к нам Дубровину.

— Привет! — сквозь зубы процедила она. — Решила узнать, на кого ставить? Одна лошадка уже ищет тебя, — пытаюсь меня унижить, улыбалась Анджелина Джоли.

Рядом с ней были старшекурсницы, которых я не знала.

— Кто это? — спросила одна из них, лишь только мы отделились. — Только не говори, что та самая новая пассия Истомина.

— Она и есть!

— Оооо! — разнеслось со всех сторон.

— Что в мире делается? — продолжала начавшая разговор. — Что он в ней нашёл? Ни кожи, ни рожи!

— Вот и я о том! — жаловалась подругам Дубровина. — Знаете, что он мне сказал?

— Истомин?

— Он самый. Если, говорит, хоть тронешь её — пожалеешь, что на свет родилась.

— Да, иди ты? Что, прям так и сказал? — всё ещё не верили подруги.

— Слово в слово. Из-за этой стервы Истомин совсем голову потерял. Ну, ничего, я им ещё покажу. У меня в рукаве туз припрятан, и скоро я его выложу, — ехидно улыбалась Дубровина.

Моё же сердце, услышав про «одну лошадку» забилося сильнее. Неужели он здесь? Он пришёл? Я радовалась, как ребёнок. Я мечтала поскорее его увидеть. Даже забыла о словах гадалки, которые меня, честно говоря, немного напугали.

— И ты всему этому веришь? — успокаивала меня Света. — Чушь какая-то: один из вас умрёт. Да этой гадалке только сценарии писать для бестселлеров.

— Девушка, вы не меня ищите? — услышала я голос, который перечеркнул вмиг все мои надежды.

Говоря про лошадку, Дубровина имела в виду Истомина — догадалась я.

Тот в компании Макарского, улыбаясь, направлялся в мою сторону.

Я отвернулась и хотела уже уйти.

— Как некрасиво! — продолжал тот. — И вы вот так уйдёте, не поздоровавшись?

Я остановилась, поняв, что бегство меня не спасёт. Раз Истомин здесь, мне от него не отвяжаться. Обернулась к нему. Влад был в чёрном костюме, из-под распахнутого пиджака виднелась ярко-жёлтая рубашка.

Истомин вынул руки из карманов, поправил свою чёлку, по обычаю, и снял солнечные очки.

— С тобой мы потом договорим, — обратился он к Макарскому. — И помни наш договор!

— Я понял, — ответил Макарский и, посмотрев на меня, сделал реверанс и ушёл...

— Ну, вы тут это... поговорите.... — предавала меня в тот момент Света, — мне это... надо Ольгу найти.... Я пошла.

Она тоже ушла, на радость улыбавшемуся во весь рот Истомину.

— Пошли? — протянул он мне руку.

— Куда?

— Устроим соревнование в тире, — ответил он. — Я надеюсь, ты хорошо стреляешь? — явно, издевался Влад.

— Пойдём! — радостно ответила я и, не догадываясь, что он знал обо мне всё, в том числе то, что я занималась в старших классах стрельбой.

Через минуту мы стояли в тире. Истомин, взяв в руки ружьё и закладывая в него патроны, предложил:

— Выиграешь ты — исполню любое твоё желание, кроме, конечно, — оставить тебя в покое. А если проиграешь, будешь сегодня моей девушкой.

— Что? — оторопела я.

— Хочешь сдать сразу?

Меня всё больше выводила из себя наглость и самоуверенность этого «хозяина жизни».

— Согласна! — выпалила я.

— Итак, три подхода, — став свидетелем пари, подытожил работник тира с надписью «Николай» на бэйджике. — Начинайте!

Раздались выстрелы.

— Одно попадание в десятку, — сказал Николай.

Я взяла ружьё, зарядила и выстрелила.

— Три попадания в десятку, — сам обрадовавшись моей удаче, констатировал тот.

— Ура!!!! — запрыгала я, как маленькая.

Истомин, с усмешкой посмотрел на меня. Было заметно — он злился. В следующий подход была ничья. И вот остался последний — решающий.

— По правилам, у кого больше баллов, тот и начинает. Девушка, вы начинаете, — протягивал мне ружьё улыбающийся во весь рот Коля, болеющий, судя по всему, за меня.

Я взяла, прицелилась и выстрелила.

Что? Ни одного попадания? Я не верила своим глазам. Взглянула на Истомина. Он просто сиял в этот момент. Влад взял у меня ружьё, вставил патроны. Раздались выстрелы. Я зажмурилась в ожидании своего приговора.

— Все три в яблочко! — крикнул Истомин.

Я не поверила, открыла глаза — правда, все три выстрела были в десятку.

Истомин подошёл ко мне вплотную, взял за плечи и подтянул к себе. Земля ушла у меня из-под ног, я подумала о самом худшем, что могло бы со мной случиться, вновь зажмурилась. Вдруг почувствовала, как его пухлые губы дотронулись до моего уха — у меня засосало под рёбрами от этого прикосновения. Я не поняла: приятно ли мне было или наоборот.

— Ты всё ещё сомневаешься, что я лучший? — спросил он, заглянув мне прямо в глаза.

— Разрешите представить — моя девушка Василиса Крылова, — сказал Истомин, как только мы втроём вышли из тира: я, Влад и огромный белый медведь, которого нам вручили в качестве приза, как набравшим максимальное количество баллов.

Раздались аплодисменты и вздохи завидовавших. Мне же от стыда хотелось провалиться под землю.

Тогда я не знала, что эти слова Истомина станут для меня смертным приговором.

Один странный человек в тёмном внедорожнике с затемнёнными окнами, припаркованном возле университета наблюдал за всем происходящим, докладывая обо всём кому-то по телефону.

— Он там? — спрашивал неизвестный абонент.

— Там.

— С ней?

— Так точно.

— Сопляк! Посмел ослушаться меня! Ну, всё, действуй!

— Понял! — сказал водитель внедорожника и положил трубку.

— Эй! Ты куда? — спросил у меня Истомин, только лишь я сделала шаг от него.

— Мне нужно отойти! — грубо ответила я.

— Но сначала ты разве не должна спросить разрешения у меня?

— Это почему же?

— Потому, что сегодня я — твой парень! Забыла?

Я фыркнула, развернулась и пошла.

— Эй, я с кем разговариваю? — улыбаясь, продолжал издеваться Истомин.

— Я на минуточку! — пробубнила я.

Как же в тот момент мне хотелось на него наброситься с кулаками и надавать оплеух.

Но пари есть пари.

Я искала глазами Свету. Увидела её возле дверей университета, пошла туда. В эту самую минуту услышала шум приближающейся машины. Обернулась.... Прямо на меня с огромной скоростью летел внедорожник.... Я оторопела.... Закрыла глаза.... За минуту в голове пролетела вся моя жизнь, с которой я мысленно уже попрощалась.... Потом было всё как в тумане.... Визг тормозов, крики прохожих.... На секунду открыла глаза. Передо мной лицом к лицу стоял Тан. Глаза его были янтарного цвета. Он держал меня за плечи, не отрывая взгляда. Машина пролетела в пяти сантиметрах от нас.... И умчалась прочь.

— Эй, вы в порядке? — бежали к нам со всех сторон студенты.

Я пошатнулась. Тан поймал меня рукой, приблизив к себе ещё ближе. Я чувствовала на себе его дыхание. Я слышала, как учащенно колотилось его сердце. Глаза его вновь потемнели.

— Ты в порядке? Я ухожу, — он развернулся и сделал несколько шагов.

— Кто ты? — спросила я.

Тан остановился, не обернувшись, постоял несколько секунд и продолжил шаг.

Ко мне подбежали друзья, студенты, просто прохожие.

— Что это было? Может, вызвать полицию.

— Не нужно полиции. Я в порядке! — словно под гипнозом монотонным голосом сказала я и пошла за Таном.

Тот стоял со своими одноклассниками. Увидев меня, он хотел уйти.

— Стой! — сказала я.

Тан остановился. Я подошла к нему вплотную.

— Как ты это сделал? — смотрела я на него в упор.

— Опять та же песня. Даже не интересно. Может, придумаешь что-то новенькое? — попытался он перевести разговор на другую тему.

— Хорошо! Спрошу по-другому. Всякий раз, когда я оказываюсь в беде, появляешься ты и меня спасаешь. Это совпадение? Или ты за мной следишь?

— Считаю, что я твой ангел-хранитель.

— Ты не ответил на мой вопрос! — не собиралась отступать я.

— Хорошо. Отвечу после того, как ты ответишь на мой, — решил он поиграть со мной в «дашь на дашь». — Ты прочла книгу? Ну, и как?

— Я не дочитала до конца. Но книга мне понравилась. Когда дочитаю, поделюсь своим впечатлением. Я ответила на твой вопрос. Теперь твоя очередь.

Тан сложил руки крестом перед грудью.

— Что тебя интересует?

— Я тебя не видела сегодня. Потом ты оказался рядом со мной. Как такое возможно?

— Я подошёл позже. И шёл как раз позади тебя, когда увидел машину.

— У тебя же чёрные глаза, не так ли? — спросила я, разглядывая глаза Тана.

— Чёрные.

— Почему в ту минуту они были зелёными?

— Тебе показалось. Наверняка, это было отражение фар. Хотя я обещал ответить на один твой вопрос...

Но я не дала ему договорить:

— Это ведь ты был вчера ночью во дворе дома?

— Вчера ночью я спал! — пытался отвести взгляд мой собеседник.

— Так кто же ты на самом деле Тан Алтар?

— Уйди от неё! — нам навстречу бежал со всех ног Истомин.

Подбежав, он с разбегу ударил Тана по лицу. Тот упал.

— Нет, Влад! — кричала я. — Остановись! Что ты делаешь?

Но тот не мог успокоиться.

— Ещё раз я увижу тебя рядом с ней — убью! — угрожал Влад.

Тан поднялся, вытер кровь с губы и, улыбнувшись, обратился ко мне:

— Слышал, ты теперь девушка Истомина? Ну, что ж, поздравляю!

И он ушёл....

...Я поняла, что не по своей воле оказалась втянутой в опасную игру.

Водителя той машины, которая пыталась меня сбить, я узнала. Им был Макс — охранник Истомина. И я не знала, что и думать. Вряд ли Истомин был заказчиком. Не смотря на его манию величия и изображаемую жестокость, у него было доброе сердце. Я никогда не ошибалась в людях.

Так чем же я помешала водителю Истомина? Это не укладывалась у меня в голове. И ещё мне не давали покоя мысли о Тане. Я чувствовала, что уже на полпути к разгадке той важной тайны.

— Почему? Почему мне никогда не везёт? — убивалась Света по не доставшемуся ей телефону, стоило нам лишь переступить порог нашей комнаты.

— Девочки, где же тут справедливость? Кругом всё подставлено! Ну как «айфон» мог достаться Дубровиной? Ну, объясните! Зачем ей второй «айфон»? — причитала Света.

— Вась, ну ты хотя бы поддержи меня! — обращалась она ко мне.

— Да! Да! Обязательно! — не слушала я подругу.

— Что обязательно? Вась, ты меня хоть вообще слушаешь?

Я вскочила с места:

— Девочки, мне нужно уйти!

И ничего не объяснив ошарашенным подругам, я вышла, хлопнув дверью.

Мысли о моём спасителе мучали меня. От них голова шла кругом. Поняв, что не выдержу ещё одной бессонной ночи, я решила сейчас же выяснить всю правду.

Встретив меня на пороге университета, явно, недовольный сторож, сначала не хотел

меня пускать. Но потом сдался, загремел ключами, открывая передо мной заветную дверь.

Несмотря на поздний час, я вновь погрузилась в чтение...

«— Оставьте её! — эхом раскатился по всему лесу грозный крик.

Анна узнала голос любимого сразу. В нескольких метрах от неё и испуганных янычар на горе стоял Адем. Полы его длинного чёрного платья развевались на ветру, как и его тёмные вьющиеся волосы! Он не был похож сам на себя. Его улыбка, скорее, напоминала звериный оскал. Глаза светились голубым блеском, напоминая свет луны в тёмную ночь. Стоя на возвышенности, окружённый парящими мотыльками, которые, казалось, вылетали из-под полов платья, Адем напоминал скорее демона, нежели человека...»

— Оставьте её! — ещё громче и каким-то неестественным голосом прокричал юноша.

— Что это? — спросил один из стражников, пытающийся поймать мотылька.

— Понятия не имею, но нужно убираться отсюда, пока не поздно! — ответил ему второй стражник, не сводивший глаз с Адема, который в ту самую минуту направлялся к тем, кто осмелился обидеть его любимую. — Чёрт побери! Что происходит! — крикнул стражник и бросился с мечом на Адема.

— Нееет! — рыдала Анна. — Не трогайте его! Что вы делаете? Не убивайте моего мужа! — она понимала, что не в силах выдержать ещё одной смерти.

Янычары схватили Адема и уложили его на землю, сковав цепями.

— Теперь не вырвешься! — усмехнулся один из стражников.

— Попался! — улыбался второй. — Что с ним делать, господин? — спросил воин у главы янычар.

— Убейте его! — отдал приказ тот. — А девчонку во дворец!

Стражник замахнулся мечом, не обращая никакого внимания на рыдающую Анну, не принимая её мольбам.

— Нееет! Адем! Любимый! Не трогайте его, прошу! — от её криков не могло не ёкнуть сердце только у того человека, у которого его не было.

Но приказ есть приказ. И в ту самую секунду, как меч склонился над головой Адема, вдруг поднялся ветер, такой сильный, что стражники не могли удержаться на месте.

Адем поднялся на ноги, и одним рывком плеч, которые стали в два раза шире, чем обычно, разорвал цепи. Голова его была опущена, волосы закрывали лицо. Но было件нятно, что с ним что-то происходит. Анна с ужасом смотрела на своего любимого, в объятьях которого была так счастлива ночью, и не узнавала его. Руки её возлюбленного тоже увеличились в размере, покрываясь на глазах белой, отдававшей в голубизну, шерстью. На месте ногтей вдруг показались страшные длинные когти, как у зверя. Когти выросли и на ногах, которые вылезали из обуви, порвав её. Голова его неестественными движениями дёргалась из стороны в сторону. Наконец, он поднял к небу голову и закричал. Анна всё ещё не верила своим глазам. Это был не он, не Адем, с которым она согласилась разделить свою жизнь. Это был огромный зверь, похожий на волка. Крик же его был не человеческим — это был звериный рёв.

Адем, а точнее, тот, в кого он превратился, встал на четвереньки и в мгновение ока оказался возле отскочивших в сторону стражников. Продолжая рычать, он своей огромной лапой одного за другим отбрасывал их в сторону. Дойдя до их предводителя, который от страха не мог и пошевелиться, он зарычал так, что ветер сделался ещё сильнее, схватил в лапы свою жертву, открыв пасть с огромными белыми клыками, и приготовился сделать самое страшное.

— Нет! Адем! — сердце Анны не выдержало! — Не делай этого! — после этих слов девушка упала без сознания.

Адем обернулся в сторону Анны. Только глаза его выдавали. Эти глаза были не звериные. В них было столько боли — человеческой боли. Оставив свою жертву, волк, сверкая и переливаясь на опускавшемся всё ниже солнце, шерстью, подскочил к своей любимой и, схватив её, исчез в глубине леса.

... Пролежав два дня без сознания, Анна очнулась на кровати в ущелье, подумав сначала, что это был страшный сон.

— Анна, ты очнулась? — рядом с ней на кровати сидел её названный муж.

Она посмотрела в его глаза. Адем отвёл их в сторону. Анна всё поняла. Она вскочила с кровати.

— Не подходи ко мне! — не своим голосом кричала она.

— Анна! Любимая! — вскочил с места и он. — Это же я, твой Адем! Ты не узнаёшь меня?

— Ты не Адем! Ты — чудовище! Что ты сделал с Адемом? Отвечай! — слёзы ручьём текли из её глаз.

— Нет! Это я! — её возлюбленный опять опустил глаза. — Да, ты права! Я — чудовище! Я — не человек! Я хотел признаться тебе! Но боялся, что ты оставишь меня! Теперь ты сама всё видела!

— Нет! — рыдала Анна! — Этого не может быть! Это невозможно! — она пятилась к выходу!

— Не уходи! — слёзы были и на глазах Адема. — Я не смогу жить без тебя!

Но Анна уже не слушала его. Вытирая рукавом слёзы, она бежала по лесу, спотыкаясь с кочки и ветки деревьев, так же, как больше месяца назад убегала из плена султана. Сейчас же было наоборот: Анна уже не боялась ни темницы, ни казни, она боялась того, от кого убегала, которому отдала свою девственность.

Очнулась она уже во дворце. У изголовья возле её кровати стояла Небахат-калфа.

— Где я? — приподнимаясь с кровати, с ужасом в глазах спросила Анна.

— Успокойся! Ты во дворце! Султан пока не решил, как поступить с тобой. — Небахат-калфа опустила глаза. — Он узнал о том, что покушение подстроила Мерием-гёзде. Она уже наказана по справедливости. Господин должен был наказать и тебя за побег, приказав сто ударов плетью. Но доктор, осмотрев тебя, сказал, что это невозможно. Падишах не изверг, чтобы убить того, кто у тебя во чреве!

— Нееет! — зарыдала Анна, закрыв лицо руками. — Только не это! Лучше убейте меня! Этот ребёнок не может родиться! Это ребёнок чудовища!

Через минуту прибежавший на крики лекарь успокаивал наложницу, которую четыре служанки держали за руки. Она же вырываясь, твердила одно и то же: «Это не ребёнок! Это чудовище!»

— Бедняжка! Совсем помешалась! — вздыхали наблюдавшие за этой картиной через замочную скважину другие наложницы, которые совсем недавно завидовали Анне, сейчас же им было искренне жаль бедную, помутившуюся рассудком бывшую фаворитку султана.

...Монах, спотыкаясь на ровном месте, вновь поднимаясь, спешил в ущелье. У него

было плохое предчувствие. Его сердце никогда не подводило. И в эту минуту оно болело, чужая беду.

Адем лежал на поляне перед ущельем. Сначала можно было подумать, что он отдыхает, наслаждаясь видом неба, на котором уже показались первые звёзды.

— Адем! Ты здесь? — старик поспешил к нему.

Подойдя ближе, он опустился на колени, поняв, что опоздал. Слёзы одна за другой текли по его щекам.

Рядом с Адемом лежал тот самый клинок из ивы, острие его было красным от крови. Кровь ярким пятном украшала и грудь юноши, сердце которого навсегда остановилось. Его глаза были не чёрного, как обычно, цвета, а голубого, под цвет луны, которая уже поднялась высоко в небо.

— Зачем ты это сделал? — закрывая его глаза руками, еле сдерживая слёзы, обращался монах к Адему, который хоть и не стал человеком, но навсегда обрёл покой, о чём и мечтал.

Старик догадывался, что ни к чему хорошему затея юноши стать человеком не приведёт. Адем, который, несмотря на свою сущность, имел огромное сердце, никогда в жизни ни при каких обстоятельствах не смог бы проткнуть сердце любимой. Но он и не смог бы жить без неё!

... Прошло несколько месяцев. Монах, который любил Адема, как собственного сына, иногда, будто ведомый какой-то силой, вновь приходил на то место, где оборвалась жизнь последнего бозкурта! Как и сегодня. Его сердце трепетало, когда он поднимался к ущелью по знакомой крутой лестнице. Вдруг ему на плечо сел мотылёк. Старик взял его в руки и, подбросив к небу, выпустил. Но что за чудо? Появился ещё один, потом — второй, третий. Сотни мотыльков окружили старика.

— Адем! — вырвалось у монаха.

Сердце бешено забилося. Он вернулся — пронеслось в голове. Монах поспешил в ущелье, откуда мотыльки и вылетали.

Войдя внутрь, он остолбенел. На кровати, на которой ещё недавно спал его Адем, лежал только что родившийся младенец, завернутый в белую простыню. Он был спокоен, и совсем не плакал, будто чувствовал себя здесь, в ущелье, как дома. Вокруг него летали те самые мотыльки, за которыми малыш наблюдал, переводя взгляд с одного на другого. Монах подошёл ближе к младенцу. Тот улыбнулся старику, и маленькие чёрные, будто два уголька, глаза его засветились янтарным блеском...»

Слёзы наворачивались у меня на глазах. Прочитав книгу до конца, я стала уже кое-то понимать. Пирамида кубик за кубиком начала выстраиваться в моей голове.

Я достала сотовый, набрала тот самый номер, который мне дал профессор:

— Алло! Господин Григорян? Я хотела бы встретиться с вами. Это по поводу вашей книги. Когда вам удобно? Я могла бы подъехать сейчас. Да. Хорошо. Записываю адрес: Первый проезд Жуковского, дом семь, квартира 15. Думаю, через час буду у вас.

Ровно через час, как и обещала, я стояла перед нужной квартирой, всё ещё боясь дотронуться до звонка.

Набравшись храбрости, позвонила.

Дверь мне открыл пожилой седовласый мужчина небольшого роста, в смешном клетчатом костюме и чепчике на голове.

— Вы Армен Григорян? — спросила я.

Тот жестом руки предложил мне войти в квартиру.

— С кем имею честь познакомиться? — заперев за мной на пять замков дверь, спросил он.

— Меня зовут Василиса Крылова. Я прочитала вашу книгу.

— Так! Так! Василиса, значит! Какое красивое русское имя, — явно с акцентом продолжал он. — Пройдёмте на кухню, я угощу вас чаем. Там и поговорим.

Это было отличной идеей. Я немного замёрзла и от чашки чая не отказалась бы.

Мы прошли по длинному коридору в кухню. Квартира напоминала скорее музей, чем место для проживания. Повсюду на стенах висели картины, старинные мечи и шашки. На полу стояли пугающие чучела животных, статуи древних богов, старинные вазы и много других вещей, по которым сразу можно было догадаться, что здесь живёт человек, интересующий искусством Древнего Востока.

— Ваш телефон мне дал профессор Левин, я учусь на его курсе.

— Так! Так! — повторил Григорян. — Студентка, значит.

— Да, первокурсница. Я пишу курсовую работу о бозкурте — божестве древних тюрков.

— Ну, мне-то известно, кто такой бозкурт, — перебил меня Григорян.

— Вот именно об этом хотела с вами поговорить, — пыталась я как можно понятнее объяснить цель своего визита. — Я прочитала вашу книгу. Она меня очень заинтересовала.

— И что же именно вы хотите узнать, барышня? — посмотрел на меня пристально Григорян. — Вы же знаете, я только перевёл эту книгу.

— Вы сами верите в то, о чём там написано?

— Вы хотите спросить, верю ли я в бозкурта? Не так ли? — прямо спросил Григорян.

— А вы верите?

Григорян ещё пристальнее смотрел на меня:

— Почему вас это так интересует? Ведь это же простая легенда.

— Любая легенда на чём-то основывается. Разве нет?

— Вы видели его? — спросил он совсем неожиданно для меня.

Я заволновалась. Пролила на стол чай из чашки. Пыталась скрыть от этого странного человека свой взгляд.

— Значит, вам известно, кто он! — Григорян поднялся с места, медленно подошёл к окну, сцепив руки за спиной. — Это случилось в Армении, откуда я родом. Мне было десять лет. Мы с соседскими мальчишками играли там, где нам нельзя было, на стройке. В тот день был выходной, и рабочих не было. Сторож, видимо, был пьян и крепко спал в своей сторожке. В общем, помешать нам было некому.

Играя, мы слышали треск, доносившийся сверху. Подняли глаза. На крючке крана, который находился прямо над нами, почему-то была прицеплена бетонная плита. И судя по звуку, который раздавался именно оттуда, с ней были проблемы.

— Сейчас упадёт! — крикнул кто-то из мальчишек.

Все убежали, оставив меня одного. Я же не мог уйти — нога застряла. Пытался её выдернуть, но тщетно. Я звал на помощь. Но рядом не было ни души. Сторожа можно было разбудить только пушкой. Друзья же мои были уже далеко.

— Помогите! — кричал я из последних сил, думая о неминуемом несчастье.

И знаете, что я увидел? Как плита сорвалась с крючка крана и полетела вниз... Прямо на меня. В ужасе закрыл глаза и попросился с жизнью. Я ждал, но она не падала. Когда открыл глаза, рядом со мной сидел незнакомый молодой человек в чёрной одежде и чёрными, как уголь, длинными волосами. Глаза же его были янтарного цвета, и они

светились, знаете, как светятся глаза кошки в темноте. Он сидел около меня на коленях, одной рукой обняв меня, другой же держал плиту. Вы представляете, бетонную плиту весом в несколько тонн он держал, словно картонную.

Никто, конечно, мне не поверил. Да и кто поверит десятилетнему мальчишке, играющему в пиратов и супергероев. Все решили, что это плод моей фантазии. Но я ни на минуту не забыл тот взгляд. Он и сейчас у меня перед глазами.

Повзрослев, я начал собирать информацию о подобных случаях. И вы знаете, их набралось немало в одной лишь Армении. За несколько лет были люди, спасённые загадочным молодым человеком в чёрном, обладающим невероятной силой. Конечно, никто не придавал этим историям должного значения. Но только не я.

Я начал искать информацию о том, кем бы мог быть этот человек. Вот тогда-то и наткнулся на легенду древних тюрков. Легенду о бозкурте. Поэтому и стал востоковедом, чтобы добраться до истины. Книга, которую нашли в Турции десять лет назад, помогла мне расставить всё по своим местам. Что-то не сходилось в моей теории, и, прочитав книгу, я понял что: тот, кто спас меня был не бозкурт. Это был полукровка — сын бозкурта и простой женщины.

Я не верила своим ушам. Эти слова говорил мне взрослый человек, учёный. Придя сюда, я надеялась услышать, наоборот, его отрицание. Что это всего лишь легенда и не более. Но его прямота застала меня врасплох.

— На вид ему двадцать лет, не больше, — продолжал Григорян. — Волосы чёрного цвета, глаза тоже чёрные. Но, когда он превращается, глаза светятся янтарным блеском. Он выглядит, как простой смертный: ест, пьёт, спит по ночам. Внешне от человека его отличает, пожалуй, только низкая температура тела. Он обладает невероятной силой: может одной рукой остановить машину на большой скорости и поймать сорвавшуюся вниз бетонную плиту. Он, как и любой человек, чувствует боль, но раны затягиваются на нём мгновенно, не оставляя и следа. Он бессмертен. Убить его лишь можно одним оружием, — Григорян замолчал.

— Каким же? — мне было интересно узнать о бозкурте всё.

Григорян отошёл от окна, подошёл к сейфу, открыл кодовый замок и вынул деревянный самодельный нож.

— Это кинжал из дерева ивы. Только им, ранив прямо в сердце, можно убить бозкурта или его полукровку в то время, когда он в облики человека. По легенде, вся сила волка перейдёт к убившему его.

Я была в замешательстве. Я не знала, что сказать Григоряну, как вести себя дальше.

— Всю жизнь я потратил на его поиски. Из Армении направился за ним на Кавказ. Когда я был уже близок к цели, он опять исчез. Вычислил его в Польше. Отправился туда. Но и там мне не удалось его найти. Потом была Германия. И вот пять лет я уже в Москве.

— Вы хотите убить его? — чуть слышно, боясь услышать ответ, спросила я.

— А ты не хотела бы стать бессмертной? Ты никогда не мечтала обладать такой силой? — подошёл ко мне вплотную Григорян.

От его взгляда дрожь пробежала по телу.

Из квартиры вышла сама не своя. Я не знала, что и думать. Одно знала точно — Тан находился в опасности. И это было из-за меня. Именно я могла вывести Григоряна на след Тана. А я и не сомневалась, что тот, узнав все обо мне, рано или поздно найдёт и его. Такие, как Григорян, не успокоятся, пока не добьются своего.

И зачем я пошла к нему? Зачем вообще взялась за эту курсовую? Ведь Тан предупреждал меня — ни к чему хорошему это не приведёт. Как он был прав! Сейчас я очень жалела об этом!

Зато не жалел Григорян.

— Эта девочка его знает... — ехидная улыбка расплзлась на его лице, лишь только я хлопнула дверь.

... Пошёл дождь. Я даже не заметила. Мои слёзы слились с каплями дождя. Я думала только об одном человеке — о Тане. Нужно было предупредить его. Но как? Я не знала ни его адреса, ни номера телефона. Может быть, завтра увижу его в университете. Хотя, по опыту, Тан, показав свою сущность, какое-то время не показывался мне на глаза. Я шла вперёд не видя дороги, не чувствуя, что промокла насквозь. Мимо, сигналив, проезжали машины. Мне же было ни до чего.

Сколько я прошла — не знаю. Почувствовав себя плохо, присела на лавочку, встретившуюся мне на пути.

— Девушка, вам что, плохо? — услышала я незнакомый голос. — Вы меня слышите?

Но я уже ничего не слышала и не видела. Сознание покинуло меня.

... - Можете назвать своё имя? — услышала я приятный женский голос, как только пришла в себя.

— А где я? — я не узнавала ничего вокруг.

— Вы в больнице. Вас вчера ночью привезла «скорая помощь». Как вас зовут, помните?

— Василиса Крылова.

— У вас есть родственники, друзья, чтобы сообщить им?

— Что сообщить? — не понимала я.

— В какой больнице вы находитесь.

— А что со мной случилось?

— Вы долгое время провели под проливным дождём на улице. И сейчас подозрение на воспаление лёгких. Вот придёт ваш лечащий врач Аркадий Тимофеевич, у него обо всём и спросите.

Я попыталась приподняться — голова закружилась.

— Вам нельзя вставать. Вы что? Лежите, лежите. Я позову доктора.

Через десять минут в палату вошёл врач — молодой высокий мужчина в белом халате и шапочке.

— Что же, Василиса Крылова, вы время такое неудачное выбрали для прогулки? — шутил он.

— Что со мной, доктор?

— Пока не известно. Сдадим анализы — завтра будет видно. Да, в институт, где вы учитесь, мы позвонили. Имейте в виду, что часы посещения у нас с 16:00 до 18:00. А пока отдыхайте.

Грустные мысли вновь не давали мне покоя. Мне нужно было срочно разыскать Тана. Я думала, каким образом это можно было сделать. Не заметила, как уснула.

— Ну, подруга, ты учудила! — сквозь сон я услышала знакомый голос.

Открыла глаза. Возле моей кровати стояли Света, Оля и Генка. Я им очень обрадовалась.

Они обняли меня по очереди, не давая вздохнуть.

— Мы не спали всю ночь. Подняли на уши всю полицию.

— Вы позвонили в полицию?

— Нет, — объяснила Света, — мы позвонили Истомину. Мы же не знали, куда ты ушла так внезапно. Подумали, что к нему. А он, оказалось, сам ни слуху, ни духу.

— И что? — мне было стыдно, что из-за меня поднялся такой переполох.

— А он искал тебя всю ночь, бедный! — плакала Света.

— Ну, хватит, — толкала её в бок Ольга, — а то я сейчас сама зареву.

— Успокойтесь вы, истерички! — встрял в разговор Генка. — Человеку и так плохо, и вы тут ещё!

— Вы сегодня в универе были? — меня интересовало только одно.

— Были. Там тоже все волнуются о тебе.

— Я сейчас не об этом! — прервала я Свету. — Вы Тана видели?

Подруги переглянулись.

— Да, вроде, нет. Точно, сегодня не видели. А что? — сразу поинтересовалась Света.

— Света, — обратилась я к подруге, — мне очень нужно узнать номер его телефона. Поможешь? Ну, спроси, я не знаю, у Стёпы, своего земляка. Он вместе с ним учится, наверняка, знает.

Света обещала помочь. Друзья ушли. Я же немного успокоилась. Пока я здесь, вряд ли Григорян найдёт Тана. Ну, а когда узнаю его номер телефона, обо всём расскажу ему.

Я снова заснула. Во сне видела Тана. Мне снилось, будто мы идём с ним за руку по парку. Смеёмся, едим мороженое. Вдруг появляется ниоткуда Григорян и вонзает нож прямо в его сердце.

— Тан! Тан! — кричу я вся в слезах. — Тан! Тан! — не могу успокоиться.

— Тише! Тише! Ты всех разбудишь! — сквозь сон услышала родной сердцу голос.

Открыла глаза. Сначала подумала, что это продолжение сна. Тан сидел на моей кровати, одной рукой держал меня за плечо, другой — зажимал мне рот.

— Тише! — взглянул он мне прямо в глаза.

Я кивнула в знак согласия молчать. Тогда Тан убрал от моего рта руку.

— Тан! — снова крикнула я.

— Тшшш! — поднёс он указательный палец к моим губам.

Я кивнула опять.

— Но как ты попал сюда ночью?

— Через окно, — ответил он.

— Но ведь мы на пятом этаже.

Тан промолчал. А я не стало допытывать его. Волновала меня проблема поважнее.

— Ты в опасности! — приподнявшись с кровати, начала я.

— Ты о том сумасшедшем, решившим завладеть миром?

— Так ты в курсе?

— Вот так всегда. Сделаешь человеку добро — потом сам и пожалеешь.

Тан встал с кровати и подошёл к окну.

— Так это был ты?

— Ты о чём?

— Это ты спас того десятилетнего мальчика?

— Ты же знаешь ответ на этот вопрос.

— А я хочу это услышать от тебя.

Тан промолчал, уставившись в окно.

— Он сейчас старше тебя в три раза, — продолжала я. — Как же такое возможно?

Тан стоял молча. Освещаемый уличным фонарём, в темноте комнаты он в своём чёрном френче по колен опять напомнил мне ту нашу встречу во дворе дома.

— На этот вопрос ты тоже знаешь ответ! — наконец, произнёс он.

А то мне уже начало казаться, что я разговариваю сама с собой.

— Та книга... — я запнулась, — она о твоём отце?

Я слышала, как сильно бьётся сердце Тана. Он тяжело вздохнул и повернулся ко мне.

— Ты боишься меня?

Я не ожидала такого вопроса — растерялась. Но, взяв себя в руки, без дрожи в голосе ответила:

— Нет.

Тан медленным шагом приближался к моей кровати:

— Но ведь я не человек!

— Не человек? А кто же ты? — с трудом выдавила я — ком встал у меня в горле.

— Я чудовище!

— Нет! Ты не можешь быть чудовищем!

— Не могу? Ты хочешь на это посмотреть?

Слёзы подступали к глазам. Мне не хватало воздуха.

— Не говори так! Это неправда! У чудовища не может быть такого доброго сердца! — всхлипывая, продолжала я.

— Да что ты обо мне знаешь? — Тан отвернулся от меня и быстрым шагом подошёл к окну.

Он упёрся лбом в стекло:

— Я не человек. Я чудовище. Я жалкий полукровка, обречённый на мучительное существование, — я не видела, как слеза покатилась по его щеке. — С самого детства был изгоем. Жил во дворце среди людей, но был одинок. Все сторонились меня, считая другим. Я никогда не болел, раны затягивались у меня на глазах. Родители запрещали детям играть со мной. Да и сами дети боялись меня.

— Я не боюсь тебя! — громко сказала я.

Тан обернулся и посмотрел в мою сторону.

— Наоборот... — я запнулась и так и не сказала того, что хотела.

Он вновь уставился в окно. Минуту в комнате стояла тишина. Не знаю, о чём думал Тан, я думала о нём. Как желала, чтобы в ту самую минуту он подбежал ко мне и заключил меня в свои объятия! Я бы не стала сопротивляться.

— Мне пора, — сказал Тан, не оборачиваясь. — Береги себя! Ты тоже в опасности! — после этих слов он запрыгнул на подоконник, быстрым движением руки открыл окно и шагнул в темноту ночи. Всё произошло в долю секунды, так быстро, что я не успела сообразить, что он собственно сделал. Потом вспомнила про пятый этаж.

— Нет! Тан! — в испуге я закричала, хорошо, что дежурная медсестра не услышала моих криков.

Вскочила с кровати и подбежала к распахнутому окну. Но Тана уже и след простыл.

Я почувствовала облегчение. Не камень, а огромная скала упала с души. Я знала правду. И эта правда ничуть не пугала меня. Меня пугало то, что я очень хотела помочь человеку,

или тому, кого считала человеком, завладевшим моим сердцем, моей душой, поим разумом без остатка. Но не знала, как это сделать.

Глава седьмая «Предупреждение»

— Отец, мне нужны деньги! — Истомин, набравшись смелости, показывая всем своим видом, что не собирается идти у него на поводу, без стука открыл дверь в кабинет отца.

Отец, отвлекшись от своих бумаг, взглядом, полным негодования, посмотрел на сына.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной? — Истомин-старший побледнел.

— А как ты смеешь решать за меня? Это моя жизнь! И я буду сам принимать решения.

— Что? — отец встал из-за стола. — Что ты сказал?

— Я сказал, что теперь сам буду принимать решения. Сам буду решать, с кем мне общаться, а с кем нет! — голос Влада был уверенным.

— Да ты в своём уме? Ты остался без денег. Может, тебя, под замок посадить на пару недель, чтобы подумал над своим поведением.

— Ты можешь делать со мной, всё, что хочешь. Своего решения я не изменю! — твёрдо сказал Влад.

— Это ты из-за той девчонки? Ты готов отказаться от родного отца ради той девки? — Истомин-старший побледнел ещё больше.

— Она не девка! А, если и делать выбор между вами, боюсь, он будет не в твою пользу.

— Что ты сказал, щенок?! Ты готов предать родного отца ради какой-то посудомойки?!

— Отец, ты слышишь себя?! Тебя только это волнует?! Ты против неё потому, как у её отца нет банков и ресторанов?!

— Ты больше никогда не увидишься с этой девчонкой! Я не позволю, чтобы она сломала тебе жизнь!

— Но отец! Ты же ничего не сделаешь ей?! Правда?!

— Ты не оставляешь мне выбора! — у Истомина-старшего заблестели глаза, он уже не мог остановиться. — С первого раза не получилось — какой-то сопляк помешал! Но следующий раз я не промахнусь! — ехидная улыбка скользнула на его лице.

— Так это был ты! — Влад пошатнулся, слеза покатила по его щеке. — Тот чёрный внедорожник! Это твоих рук дело?!

— А ты сомневался? Я же по-хорошему просил тебя не видеться с ней! Но ты послушался! Ты не оставил мне другого выбора!

— Нет! Отец! Этого не может быть! — Влад опустился на колени, слёзы мешали ему говорить.

Он вновь вспомнил детство, тот день, когда в последний раз видел маму. Она стояла на коленях, умоляя отца. Но тот был непреклонен. Как и теперь. Влад понимал, что отец не отступится. Василиса обречена. И он сам был тому причиной.

— Отец! Нет! Не трогай её! Умоляю тебя! — Истомин подполз к отцу на коленях и обнял его ноги. Он говорил взахлёб. — Я сделаю так, как ты хочешь! Только не тронь её!

Влад ненавидел себя в этот момент. Сам себе обещал не сдаваться, идти до конца. Но опять оказался трусом.

— Макс! Макс! — кричал Истомин-старший.

В дверях кабинета появился Макс.

— Под замок его! Пусть посидит в своей комнате! Поставить охрану по всему дому! Чтоб не сбежал, как в прошлый раз!

Истомин-старший освободился из объятий сына, который до последнего не хотел выпускать его, и твёрдой походкой направился к выходу.

— Докладывать каждые три часа! — вновь обратился он к Максиму. — А сейчас выйдем — есть разговор!

— Отец! Пожалуйста! — сидя на полу, продолжал рыдать Истомин.

Но отец не обращал на его мольбы никакого внимания. У него были дела поважнее.

... Я провалялась в больнице две недели. Две долгих недели, которые показались мне вечностью. Прогревания, ингаляции, уколы сделали своё дело, и, наконец-то, наступил тот долгожданный день — день моей выписки. За время пребывания в больнице я стала любимой пациенткой. Сам врач Аркадий Тимофеевич вместе с медсёстрами вышли в холл проводить меня.

— Больше к нам не попадайте, Василиса, — обнимал меня за плечи Аркадий Тимофеевич. — И выбирайте погоду для прогулок.

— Спасибо за всё! — отвечала я на его объятия. — Буду стараться!

За «обнимашками» ко мне выстроилась очередь, так что Света и Генка, встречающие меня с цветами и «Прагой» — моим любимым тортиком, покорно ожидали своей в сторонке.

После того, как мои провожающие скрылись в длинном больничном коридоре, ко мне подбежала Света.

— Ура! Наконец-то, — обняла меня так крепко, что я не могла и вздохнуть.

Генка держался скромнее.

— Истомин так и не появился ни разу? — спросила подруга, не дав мне опомниться после её крепких объятий.

Я покачала головой.

— А ты так и не позвонила ему? — не отставала она.

— Зачем ему звонить? Оно и к лучшему!

— А Тан тоже не приходил ни разу?

Я опустила глаза:

— Нет. Тана я тоже не видела, — от упоминания его имени дрожь пробежала по телу. Я почувствовала, как щёки покрылись лёгким румянцем, выдававшим мою ложь.

В общаге меня встречали наша Ольга, и девчонки с юрфака, жившие в комнате по соседству. По поводу моей выписки из больницы они устроили настоящий праздник. Повсюду висели разноцветные воздушные шары и плакаты с надписью «Добро пожаловать домой!» Грустные мысли, не дававшие мне покоя не так давно, ушли на задний план, освободив место радости, переполнявшей меня в ту минуту. Даже о Тана я забыла на какое-то время. Жаль, что ненадолго...

Я с нетерпением ждала ночи, чтобы, наконец-то, закончился этот мучительно долгий для меня день, чтобы с утра проснуться пораньше и пойти в университет, где я надеялась его увидеть. Зря... Мои надежды не оправдались. Тана в университете не было. На следующий день я его тоже не видела. И через неделю он там не появился. Истомин тоже пропал. Я чувствовала себя брошенной. От чувства одиночества мне хотелось волком выть. Смешно звучит, потому как слово «волк» теперь имело для меня несколько иное значение, чем раньше.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Единственное, что придавало мне силы, была моя курсовая. Работая над ней, я всё больше и больше узнавала о бозкурте. Он стал для меня кем-то иным, нежели небесным существом, в которое верили древние тюрки. Я чувствовала непрерывную связь между нами.

Курсовые мы сдали на проверку, и наступил день объявления результатов.

Профессор Левин немного задерживался. И аудитория, как обычно, представляла собой место дислокации.

Дубровина и её приближенные переминали кости провинившимся. Сегодня они обсуждали какую-то Веронику с параллельного потока. Точно я не поняла, какую оплошность та совершила, но, явно, серьёзную, потому, как весь словарный запас Анджелины Джоли был использован ею за какие-то десять минут.

— И эта пигалица посмела пойти против меня! — мысленная корона еле-еле умещалась на голове Дубровиной. — Она ещё не знает, с кем связалась!

Мне уже было жаль ту смертную, которая осмелилась посягнуть на спокойствие её величества Малефисенты.

— Не переживай ты так! — мастерски подделанным нежным голоском успокаивала её Смирнова. — Она и ногтя твоего не стоит!

Да, действительно, маникюр у Дубровиной, явно, не из дешёвых, — подумала я.

— Пойдём сегодня вечером в боулинг! — продолжала Смирнова. — Отвлечёшься от грустных мыслей.

Дубровина положила голову на стол, изображая страдальицу.

— Он даже в универ перестал ходить, — всхлипывала Алина. — Ну, ничего! Я отомщу! Ни на ту напали! — подняв голову, пригрозила она.

Девчонки сочувственно кивали, поддерживая подругу.

Хотя сплетничать и лезть в чужие дела, было не в моих правилах, но мне так и не терпелось узнать тему их обсуждения.

— Ты не знаешь, о чём они? — спросила я у Светы, занятой перепиской по телефону.

— А ты что, не в курсе?

— В курсе чего? — не понимала я.

— Да Макаровский Дубровину бросил. Ты разве не знала?

Я оторопела.

— В первый раз слышу, — новость застала меня врасплох.

— Да, представляешь, нашёл себе какую-то с параллельного потока, — продолжала Светка. — Уже неделю как.

Видно, и правда, погружённая в свои мысли, я отстала от жизни.

Мишка Стрельцов, занимающий позицию другого тыла, конечно же, не растерялся в очередной раз продемонстрировать остроту своего ума. И под смешки Грибанова, Ежова и Бочкина начал атаку на врага:

— Значит, Брэд Питт переметнулся на другую сторону? Я слышал, у неё отец — руководитель какого-то канала на телевидении. Может, он решил и впрямь в актёры податься.

— Стрельцов, ты вообще заткнись! Тебе слова не давали! — кричала Дубровина.

— Ну, простите, Ваше Величество! — продолжал издеваться Стрельцов. — Разрешите молвить речь?

— Ещё одно слово — и ты пожалеешь, что на свет родился! — не успокаивалась Дубровина, в Стрельцова же полетел учебник по истории народов.

— Давай, Миха, пенальти! — подзадоривал его Грибанов.

— Не промахнись! — поддакивал Ежов.

— А что? Прикольно! Будет у нас свой Брэд Питт, мадэ ин Раша — смеялся Стрельцов. — Правда, без Анджелины Джоли.

Дубровина зарыдала ещё сильнее.

Мне было жаль её. Несмотря на её страсть строить козни и плести интриги, она была несчастной девушкой, которую оставил парень. И я понимала и искренне жалела её.

Не знаю, чем могла бы закончиться эта перебранка. На счастье Герман Петрович вошёл в аудиторию.

— О! Как я рад, что в моё отсутствие студенты увлечённо дискутируют. Надеюсь, что объект сего жаркого спора — ваши курсовые работы, — профессор Левин был в хорошем расположении духа — это радовало.

— Нет, Герман Петрович, — выкрикнул с места Стрельцов. — Мы обсуждаем значение поговорки «Прошла любовь — завяли помидоры».

Все захихикали.

— Ну, так это вы должны спросить у Бочкина, — исподлобья посмотрел профессор Левин на Бочкина, который сполз со стула так, что из-под парты была видна только его кудрявая шевелюра. — Ну, так как, товарищ Бочкин, вашей же темой была «Пословицы и поговорки разных стран».

— Ну, я это.... — вылез он из-под парты, поняв, что бегство бесполезно, — ...я там всё написал.

— Димон, так ты главный свидетель завядших помидор Дубровиной? — тут же уцепился Стрельцов. — И ты молчал?

— Как ты мог? Не поделиться с товарищами! — раздались голоса соратников Стрельцова?

Бочкин покраснел.

— Прошу вас, Дмитрий, — сев на своё место, сказал профессор, — раз столько интересующихся, поделитесь, пожалуйста, с нами информацией о значении поговорки «Прошла любовь — завяли помидоры». Ведь вы упомянули и об этой поговорке в своей курсовой.

Дубровина при этих словах опять зашмыгала носом.

— Тем более, у нас тут не только у Дубровиной помидоры завяли, а ещё кое у кого, — добавил Стрельцов, бросив взгляд на меня. Я поняла, что он имел в виду.

— Ну, я это.... — мямлил Бочкин, — я уже забыл.

— Забыл? — на лице профессора было удивление. — Вы мне самый последний сдали работу.

— Ну, да, запомнил немного, — глупая улыбка Бочкина, мягко сказать, раздражала.

Профессор листал курсовую работу студента:

— Я вам напомню. «Во Франции, — вы пишете, — откуда и пришла к нам эта поговорка, помидорами украшали беседки. Они так и назывались «помидорные беседки». Французское «ля поме де лямур» переводится как «яблоко любви». Именно поэтому и была традиция назначать в «помидорных беседках» свидание девушке... — так, вот ещё — ...без знаков внимания любовь проходит так же быстро, как без должного ухода увядают помидоры. Вот так томаты и стали символом скоротечности чувств». Какой у вас красивый слог, Дмитрий. Да вам не курсовые, а романы о любви писать.

Аудитория наполнилась смехом. Бочкин же сам в этот момент напоминал помидор.

— Свою курсовую работу вы наглým образом скачали! — продолжал профессор. — И я даже могу сообщить вам название сайта, которым вы пользовались. Так, что, Дмитрий, не обессудьте, но «неуд».

Бочкин глубоко вздохнул и вновь сполз под парту.

— Такая же проблема у Стрельцова и Мышкина. Я не могу допустить вас к зачёту без курсовой работы. Так что, голубчики, придётся переписать.

— О, нет! Герман Петрович! — вытягивал слова Стрельцов. — Смилуйтесь! Поставьте хоть «троечку». С вашей курсовой работой не остаётся времени на личную жизнь. Вы хотите, чтобы у меня тоже помидоры завяли? — удачно пошутил Стрельцов, вызвав аплодисменты и одобрение одногруппников.

— Чтобы не завяли помидоры, Стрельцов, их нужно подпитывать, — не растерялся профессор.

— Он их каждый вечер в барах подпитывает, — засмеялись Смирнова и Ничипоренко, радуясь своей сообразительности.

— Подпитывать их нужно знаниями по этике, психологии и истории в том числе, — профессор снял очки и оторвал взгляд от своей тетради. — Тогда никакие помидоры не завянут. От того же, чем вы подпитываете их в барах, они повянут с удвоенной скоростью.

Стрельцов стукнул по парте рукой и сполз, вслед за Бочкиным.

— Замечательные курсовые работы у Никитиной, Калинин, Ершовой, Васюковой, Баранова, Дмитриченко, — вновь одев очки и вернувшись к курсовым, продолжал Герман Петрович. — У меня нет никаких претензий. Ребята полностью раскрыли тему, подобрали нужный материал. Правильно сделали выводы и должным образом оформили работы. Поэтому, им заслуженный высший бал.

Я была рада за друзей и видела, как засветились Светины глаза. Я улыбнулась. Но не поняла, почему меня нет в этом списке. Неужели, моя работа не понравилась профессору.

— Хорошо написали работу Ничипоренко, Румянцева, Гладких, Ордынцева... — профессор перечислял студентов, — но есть некоторые недочёты, поэтому только «хорошо».

Я переживала ещё больше.

— «Троечку» смог натянуть Дубровиной, Смирновой, Донских, Мальцевой, Грибанову, Ежову... — не было моей фамилии и в этом списке.

— Почему «тройку»? — возмущалась Дубровина. — У меня и так несчастье, и вы тут ещё Герман Петрович! — она запрыгала на стуле, как маленький ребёнок, когда что-то его не устраивает. — Я не списывала, я сама писала!

— Я это понял, Дубровина, но ваша «самописная» работа тянет на доклад семиклассника. Так что «вуаля».

Дубровина надула губы и отвернулась от Германа Петровича. Видимо, обиделась.

— Но мне не сдал курсовую Макаровский, — профессор вновь снял очки и глазами искал Брэда Питта. — Он сегодня опять отсутствует на лекции?

— Он сейчас занимается практической частью своей курсовой, — забыл про обиду Стрельцов. — Он же пишет о гареме. Вот и решил пойти исследовательским путём, так сказать, на собственном опыте! — Стрельцов смотрел в сторону Дубровиной.

Та же при этих словах ещё сильнее надула губы и пустила слезу.

— Заткнись ты, идиот! — крикнула она Стрельцову.

— Ну-ну, Дубровина, девушке не подобает так выражаться, — покачал головой профессор Левин.

— Если бы вы, Герман Петрович, слышали, как выражается Дубровина... — продолжал ехидничать Стрельцов. — А это она так, ласково.

— У неё личная драма, — поддержал друга Грибанов, — вот она и кидается на всех.

— Прошла любовь — завяли помидоры! — смеялся Ежов.

— Алиночка, не переживайте так по этому поводу, — пытался закончить спор профессор. — Поверьте, из Всеслава Макарского султана не выйдет, я уже говорил. А вы достойны султана, не менее.

— Герман Петрович, — я не выдержала, — вы не сказали про мою работу.

— Ах, да, Василиса, простите. Про вашу работу хотел бы сказать отдельно. Она, скорее, тянет на диплом, чем на курсовую. Вы настолько правдиво изложили материал, настолько эмоционально, правильно и чётко, что я, прочитав, даже стал сомневаться, легенда ли это или реальная история. Похвально, очень похвально! Вот с кого надо брать пример, товарищи! Вот так нужно работать! Так что оценка — «отлично», и я освобождаю вас от зачёта по моему предмету, ставлю его автоматом. Так что можете подать мне свою зачётку.

— Так не честно!

— Вот Крылова! Опять выпендрилась!

— Везёт же некоторым!

— И почему всегда она! — это были поздравления в мой адрес.

После лекции, которую профессор успел-таки провести, я задержалась в аудитории.

— Ты идёшь? — спросила Света.

— Подожди меня за дверью. Мне нужно кое-что выяснить по поводу моей работы.

— Хорошо! Давай быстрее, а то в столовую очередь будет — не протолкнёшься.

Я подождала, когда из аудитории все выйдут. Профессор Левин складывал свои вещи в портфель. Он поднял на меня глаза, отвлекшись от своего занятия:

— Слушаю вас, Крылова! У вас ко мне какие-то вопросы?

Я набралась храбрости и спросила:

— Ваш дипломник, пятикурсник Тан Алтар. Я давно его не видела. Вы не знаете, он случаем не заболел?

— Ах, вы про Тана. Это, наверное, он вас настроил так на работу. Теперь понимаю... Тан, голубушка, досрочно сдал экзамены и защитил диплом, сказал, что ему нужно срочно уехать. Поэтому, даже не знаю, где он может быть в данный момент.

Слова Германа Петровича прозвучали, как гром среди ясного неба.

Как уехал? Куда? Неужели снова сбежал из страны? Что же теперь делать? Как без него теперь жить?

Я попрощалась с профессором и вышла в коридор к ожидающей меня Свете.

— Что случилось? На тебе лица нет! — взяла меня за руку подруга.

— Ничего, сейчас не могу рассказать, может быть, потом.

— Ладно, пошли в столовую, а то все булочки раскупят.

Я не видела ни длинного коридора, по которому мы шли, ни толпы студентов, снующих из аудитории в аудиторию — не видела ничего. Моя жизнь казалась мне сейчас напрасной, так как последнее время я жила только мыслями о нём. Он был для меня воздухом, теперь мне было тяжело дышать. Он был мне солнцем, теперь же свет померк для меня. Он был яркой звездой, охраняющей мой сон, теперь мне было точно не уснуть.

Но может быть, это и к лучшему — тут же успокаивала я себя, вспомнив слова гадалки: «Того, которого любишь — любить нельзя. Если будете вместе — один из вас умрёт!».

— Что ты будешь? Эй, ты меня слышишь? — Света водила ладонью возле моего лица.

— Что? Ты что-то сказала?

— Да что с тобой? Что тебе сказал профессор? Ты сама не своя.

— Девчонки, можно к вам? — подошёл к нашему столику Генка с целым подносом.

— Садись, Ген, — Света подвинулась. — Вась, ты есть-то будешь? Ну как хочешь! — она махнула рукой, встала из-за стола, взяла поднос и направилась к прилавку с едой.

— Что-то случилось? — в выражении Генкиного лица чувствовалось сопереживание.

— Нет, ничего не случилось. Просто немного устала.

— Ну, конечно, с этой курсовой работой целый месяц в читальном зале просидела.

— Да, надо немного отдохнуть и всё пройдёт.

Вдруг я почувствовала сзади на себе чьё-то дыхание. Кто-то положил руку мне на плечо. Моё сердце трепетно забилося. У меня появилась надежда. Обернулась, и моё лицо оказалось в сантиметре от лица незнакомца.

Я не узнавала его. Он был в сером спортивном костюме, бейсболке, натянутой на глаза и солнечных очках. Но я знала точно, это был не Тан.

Незнакомец поднёс палец ко рту, дав понять, что не стоит ничего говорить, взял мою руку и сунул сложенную в несколько раз бумажку. И быстрым шагом слился с толпой студентов, напоследок ещё раз обернувшись.

Бумажка оказалась запиской: «Нужно поговорить. Никому ни слова. После последней пары жду тебя в парке за универом. Приходи одна».

— Кто это был? — удивился Генка.

— Понятия не имею.

— Он передал записку. Что в ней? — в конец обнаглел друг.

— Ничего серьёзного! Не бери в голову!

Подбежала Света с подносом, полным еды:

— Это кто был? Новый поклонник?

— Нет, человек просто обознался, — я хотела сменить тему.

— Да он тебя за руку трогал, я же видела! — не унималась Света.

— Говорю же, обознался, — я не могла признаться, так как в записке просили этого не делать.

Дубровина, оказавшись в тот момент в столовой, тоже не смогла пройти мимо:

— У тебя новый ухажёр, Крылова?

И почему же все постоянно лезут в мою жизнь?

Я встала с места и вышла из столовой.

Последней парой у нас было обществознание. Я смотрела каждую минуту на часы в ожидании звонка. Мне не терпелось узнать, кто же этот таинственный незнакомец и зачем ему видеться со мной. Может быть, у него была для меня информация от Тана. Я была в предвкушении встречи.

Наконец, звонок прозвенел. Я вскочила с места, побросала вещи в рюкзак и выбежала из аудитории под вопросительный взгляд Светы. Задержишься на минуту — она час не отстанет, — думала я. А у меня совсем не было времени. Она, конечно, обидится, но я потом ей всё объясню!

Через минуту была уже в назначенном месте. Незнакомца в спортивном костюме в

парке не было. Не дождался! — подумала я. Опустилась на лавочку. Я и правда, чувствовала невероятную усталость. Глаза закрывались сами собой. И я задремала под припекающими лучами яркого майского солнца.

— Ты пришла? — услышала вдруг голос, от которого сон как рукой сняло.

Истомин! Как же я раньше не догадалась! Только что рухнула моя последняя надежда, не оставляя никакого шанса на возрождение.

Он сел на лавочку рядом со мной.

— Мне нужно поговорить с тобой! — начал Истомин.

— У меня нет желания с тобой разговаривать! — я встала с места и хотела уйти.

Влад схватил меня за руку:

— Это очень важно!

Я остановилась. Он выглядел так жалко, что я решила его выслушать.

Присела на лавочку рядом с ним.

— Прости за мой внешний вид, так получилось, — полушёпотом, оглядываясь по сторонам, сказал Истомин.

— Мне нет никакого дела до твоего внешнего вида, как, впрочем, и до внутреннего! — я старалась держать его на расстоянии от себя и не поддаваться на обаяние, которое просто брызгало из него фонтаном, несмотря на то, что он сейчас напоминал простого парня, нежели заправского Дон Жуана.

— Я под домашним арестом, отец и Макс уехали из города, а я смог подкупить охранников, чтобы встретиться с тобой, — он снял солнечные очки и перевернул кепку задом наперёд, так, что я могла разглядеть его лицо.

Его глаза меня удивили. В них не было ни той самоуверенности, ни той пошлой наглости, которую я видела не так давно в его доме в тот день, когда он предлагал мне непонятные отношения. Он сейчас вообще не походил на того Истомина.

— Ты что-то натворил? Почему тебе нельзя выходить из дома? — этого я не могла понять.

— Мой отец — страшный человек! Он очень жесток и не остановится ни перед чем. Мне запрещено встречаться с тобой. Но я не могу! Я не видел тебя три недели и чуть не сошёл с ума! Если бы только я пострадал от этого, я плюнул бы на всё и рискнул своей жизнью. Но ты тоже в опасности! А я не могу рисковать и тобой! — при этих словах Влад взял меня за руку. Я почувствовала тепло внизу живота, усиливающееся с каждой минутой, находящейся рядом с ним.

Бедный Истомин! Только сейчас поняла, насколько он несчастлив! Я и не подозревала об их отношениях с отцом. И только теперь до меня дошло! Тот чёрный внедорожник и знакомый водитель за рулём — это дело рук отца Истомина. Боже! Но знает ли он об этом? Знает ли он, что его родной отец способен не такое чудовищное преступление! Но решила не говорить ему об этом. На нём и так лица не было.

— Я со всем разберусь! Обязательно! Слышишь меня? А пока нам лучше не встречаться! — при этих словах Истомин поднялся с места.

Я поднялась вслед за ним.

— Мне нужно идти. Меня могут хватиться! И береги себя! — Истомин пятился назад, всё ещё не спуская с меня глаз.

Затем он развернулся и пошёл по дороге в противоположную от меня сторону. Мне тоже пора было спешить домой — сегодня была моя смена в ресторане.

Но не успела я ступить и шагу, как кто-то схватил меня за руку и с силой развернул в обратную сторону. Это был Истомин. Лицо моё оказалось в сантиметре от его лица. Я была так близко к нему, что не могла понять, Влада или моё сердце так сильно билось в груди. Я почувствовала жар от его дыхания. Губы Истомина оказались прямо напротив моих. Он взял меня обеими руками за талию и потянул к себе ещё ближе. Моё тело онемело, я не могла сопротивляться. Или не хотела? Закрыла глаза. И через секунду почувствовала у себя во рту чужой для меня вкус кофе и круассанов. Голова закружилась. Если бы Влад не держал меня, наверное, упала бы. Это непонятное для меня чувство — будто бы летишь в пропасть со страшной скоростью — длилось не больше минуты. Затем Истомин отпустил и меня, и мои руки.

Ничего не сказав, он развернулся и побежал прочь. Я же ещё какое-то время стояла в растерянности, соображая, что же только что произошло.

... - Ну вот, голубчики, и попались! — с издевкой прозвучал голос незнакомого мужчины, наблюдающего за нами из окна припаркованного рядом чёрного пикапа с затемнёнными окнами.

Конечно, ни я, ни Влад не заметили слезки, занятые более важными делами...

... Дома у дверей меня встречала Света.

— Ну и что это было? — сразу к делу перешла она.

— Поцелуй. Меня поцеловал Истомин, — трогая губы, до сих пор я не могла поверить в случившееся.

— Чтооо? — Света села на стул. — Когда?

— Только что в парке возле универа.

— Вот дела! А ты чего?

— А я ничего!

— Так ты ему не врезала по физиономии? Ты же говоришь, он тебя бесит! — разводила руками Света.

— Бесит! — согласилась я.

— А сама с ним целуешься? — укоризненным тоном подчеркнула подруга.

— Это произошло так быстро. Я ничего не поняла! — я не знала, как можно было оправдать мой поступок, о котором теперь жалела.

— А как же Тан? Он же тебе нравится! — Света подсыпала соли на рану.

— Не говори так, пожалуйста! Да, мне нравится Тан, и то, что произошло с Истоминим, это просто случайность! — я пыталась оправдываться.

— Ну да, вы шли мимо, и ваши губы просто случайно встретились. Так получается? — Света, словно, издевалась.

Не снимая туфли, я прошла в комнату и упала на кровать, носом в подушку. Я чувствовала себя предательницей по отношению к Тану, который мне, действительно, нравился.

Ещё и ещё раз вспоминала лицо Истомина, которое было так близко к моему, что я даже разглядела маленькую родинку под носом, которую не замечала раньше. Я вновь ощутила во рту вкус кофе и круассанов.

Мне было стыдно. Совесть моя нервным импульсом перемещалась по всему телу.

— И что ты теперь собираешься делать?

И зачем я всё рассказала Свете? Она теперь не отстанет от меня!

— Ничего не буду делать!

— Так вы не будете встречаться с Истоминым?

— Нет!

Подруга, явно, огорчилась.

— А скажи, что ты почувствовала? — подсаживаясь ко мне на кровать, допытывалась Света. — Хорошо он целуется?

Я подняла голову с подушки и посмотрела на подругу. Та сидела с улыбкой на всё лицо в предвкушении услышать подробности. Но я её «обломала»:

— Не скажу тебе больше ни слова!

— Подруга называется. Помнишь, мы обещали друг другу, когда одна из нас поцелуется с парнем, всё расскажет другой в подробностях.

— Истомин — не мой парень! И это было недоразумение! — сказал я, как отрезала.

Но, честно сказать, я была под впечатлением от этого «недоразумения». И милое лицо Истомина с пухлыми и манящими губами и маленькой родинкой под носом ещё долго стояло у меня перед глазами.

В ресторане я продолжала думать о сегодняшнем происшествии в парке.

— Василиса, — прервал мои мысли голос администратора Жени, — к тебе пришли.

— Кто? — я удивилась.

— Один господин в зале ожидает тебя.

— Женя! Ты опять? — хотела я наброситься на него с кулаками.

— Нет, это другой господин, по виду очень серьёзный. У него к тебе есть важный разговор.

— Ты не врешь?

— Нет же, говорю! Иди! — злился Женя.

Я, как всегда, в надежде о том, что это будут новости от Тана, которого я не видела уже больше трёх недель, сняла перчатки, повесила фартук на крючок за дверью и направилась в зал.

— Вон за третьим столиком около окна, — показывал мне в щёлку двери Женя.

Я подошла к столу.

— Вы Василиса Крылова? — спросил почтенный господин средних лет, высокой, статный, с седыми волосами и усами такого же цвета. Костюм на нём был дорогой, это было сразу видно. А ещё от него пахло одеколоном, запах которого я почувствовала, лишь выйдя в зал.

— Да, — еле слышно ответила я.

— Присаживайтесь, пожалуйста! — господин рукой показывал на стул напротив него, предлагая сесть.

Я подчинилась.

— Меня зовут Константин Евгеньевич, — он сделал паузу, — Истомин.

Я растерялась. Он это заметил:

— Да, я отец Влада! — грубо сказал он.

— Слушаю вас! — я старалась казаться вежливой.

— Я знаю, что вы встречаетесь с моим сыном.

— Нет! — оборвала я его. — Я не встречаюсь с вашим сыном! Вы не так поняли!

— Я знаю, что он приводил вас домой в моё отсутствие, хотя до вас там не было ни одной девушки. Знаю, что вы вместе проводите время. Знаю о вашей сегодняшней встрече.

Он швырнул на стол стопку фотографий. На последней был запечатлён наш сегодняшний поцелуй. Мне стало стыдно. Я покраснела, пытаюсь отвести взгляд в сторону.

— Это называется «не встречаетесь»? Тогда как это называется: «тусите», «зависаете»? Мне всё равно! Хочу, чтобы вы оставили моего сына в покое. И это не просьба! Это предупреждение! В противном случае, я сам об этом позабочусь! — при этих словах Истомин-старший поднялся из-за стола.

Вслед за ним вскочили пять его охранников, сидевших за соседним столиком.

— Вы мне угрожаете? — осмелилась я.

— Пока предупреждаю! — он развернулся и направился в сопровождении своих опричников к выходу.

Я была, мягко сказать, в шоке. Ко мне подбежал Женя:

— Он ушёл? Кто это был? Чего ему от тебя надо было?

— Женя, меньше знаешь — крепче спишь! — дала я понять, что не собираюсь посвящать его в свои личные дела.

... - И что ты теперь будешь делать? — спрашивали меня дома посвящённые в эту историю Света и Ольга.

— Не знаю. Но мне жалко Истомина. Если бы вы видели его отца! Это не человек! Это чудовище! — при этих словах я вспомнила Тана «Я не человек! Я чудовище!» — сказал он мне тогда в больнице.

Слёзы выступили у меня на глазах. Как я скучала по нему в эту минуту! Как сильно мне его не хватало!

— Может, обратиться в полицию? — предложила Ольга.

— Да ты что, с ума сошла! У них там все свои в полиции! Ещё хуже будет! — рассуждала Света.

— Надо что-то придумать! — добавила Ольга.

— А что тут можно придумать? Буду избегать Истомина и всё! — казалось, я нашла самый лучший выход.

— Это же не ты с ним встречи ищешь, а он! — напомнила Света. — Вдруг он опять пристанет. Что тогда?

— Тогда не знаю, — голова у меня кругом шла от этих мыслей. — Девочки, уже поздно, я так устала. Давайте спать! Утром подумаем об этом.

... Истомин же старший не стал ждать утра, чтобы уладить все проблемы, которые его беспокоили и не давали сосредоточиться на работе.

— Макс! — звал он охранника, сидя в своём кабинете с сигарой и бокалом коньяка.

— Вызывали? — тут же в дверях появился его «слуга».

— Приведи Влада!

Через пять минут Влад под конвоем охраны в собственном же доме вошёл в кабинет отца.

— Оставьте нас! — приказал Истомин-старший охранникам.

Те поспешно вышли.

— Решил поиграть в прятки? — отец бросил на стол сегодняшние снимки из парка.

Влад взял их в руки и побледнел.

— Отец! Я всё объясню! — проглатывая слова, оправдывался он.

— Что тут ещё объяснять? Мне и так всё ясно!

— Это недоразумение! Я хотел закончить наши отношения. Хотел ей сам всё объяснить.

— А это что? Прощальный поцелуй? — указывал отец на последнее фото.

— Можно и так сказать. Отец! Я же тебе обещал, что больше не буду с ней видаться!

Это была наша прощальная встреча!

— Ну да! Ну да! Она почему-то мне этого не сказала! — отпивая коньяк из бокала, добавил Истомин-старший.

— Ты что? Виделся с ней? Ты же ничего ей не сделал? — голос Влада дрожал.

Отец молчал.

— Отец! — уже кричал Влад. — Не молчи! Ничего же не сделал? — на глазах его наворачивались слёзы.

— Пока нет, — спокойно ответил тот. — Всё в твоих руках, сынок!

— Я обещал — я сдержу слово! — громко сквозь зубы ответил Влад.

— Надеюсь! Ты же умный мальчик? — улыбался Истомин-старший. — Думаю, у тебя пройдёт это временное помешательство, и ты станешь прежним моим сыном. Меня ждёт бизнес в Лос-Анжелесе, а кроме тебя никому не могу доверить свои дела здесь. Хотя в свете последних событий и насчёт тебя есть опасения. За границу тебя, понятное дело, отправить не могу — это был бы выход из ситуации. Поэтому ты должен жениться. Только семейное положение и забота о семье выбьют дурь из твоей головы.

— Что? Жениться? Ну, отец! — Влад растерялся.

— А что? Человек, у которого всё в порядке в семье, будет прекрасным руководителем.

— Но мне только девятнадцать!

— Через месяц двадцать! — поправил его Истомин-старший. Я женился поздно и ни к чему хорошему это не привело! Поэтому, чем раньше, тем лучше!

Влад не верил своим ушам.

— Займись поисками подходящей партии для тебя. Среди моих партнёров много семей с дочками. А сейчас оставь меня! У меня ещё много работы!

Влад в растерянности покинул кабинет отца. Если бы тот сказал сыну о женитьбе месяца два назад, Влад, может быть, и согласился бы, шутки ради. Но теперь.... Теперь он не представляет своей жизни без неё. Он только начал завоёвывать сердце неприступной Василисы, которое, вроде бы немного оттаяло, и у Влада появилась крошечная, но надежда. И вдруг женитьба! Она мигом перечеркнёт всё достигнутое.

Он лежал в кровати и вспоминал сегодняшний поцелуй, улыбаясь во весь рот как глупый влюблённый мальчишка.

Глава восьмая «Подстава».

Утром я еле-еле открыла глаза — всю ночь мучали кошмары, от которых просыпалась в холодном поту, не сразу разобрав, сон это или реальность.

Хорошо, что сегодня пятница, — подумала я, — хотя бы в выходные можно будет отоспаться.

День в универе пролетел быстро и без каких-либо приключений, можно сказать, даже скучно. Дубровина продолжала страдать по Макарскому, который так и не объявился. Смирнова, Ничипоренко и Новицкая ей сочувствовали, пытались всячески угодить. Стрельцов

и его «оруженосцы» веселили публику, как могли. Но у них это не особенно получалось. Наверное, из-за магнитных бурь, о которых сегодня все говорили. У меня тоже было не очень хорошее самочувствие. И я с нетерпением ждала окончания учебного дня, чтобы поскорее отправиться домой и отдохнуть.

Наконец, прозвенел звонок с последней пары. Мы со Светой собрали вещи в рюкзак и направились к двери. Но путь нам перегородила Дубровина. Она стояла в арке двери, не давая никакой возможности её обойти.

— Ну, и чего тебе надо? — Света, положив руки в карманы, медленным шагом наступала на Дубровину.

— Мы сегодня вечером с девчонками, — при этом кивнула в сторону Смирновой и Ничипоренко, — идём в «Махаон» развеется. Не хотите с нами?

Я видела, как у Светы заблестели глаза. Тут же одёрнула её за руку.

— Прости, но на сегодняшний вечер у нас уже есть планы, — улыбалась я, глядя прямо в глаза Анджелины Джоли.

— Жаль! — ангельским голосом продолжала та. — А то я вижу, как ты страдаешь. Ты ведь тоже одна, как и я. Меня-то хоть один оставил. А тебя же сразу двое. Поэтому тебе, наверное, в два раза тяжелее всё это выносить. Слышала, Тан вообще уехал куда-то, а Истомин нашёл себе другую.

Ох, если бы мы были похожи на братьев наших меньших, Дубровина была бы гадюкой, не иначе. Как мне хотелось в эту минуту почесать об неё руки! Но я старалась держаться.

— Мне это не интересно, — как можно спокойнее попыталась ответить я.

— Правда? — гадюка решила добить меня до конца. — А я почему-то решила, что вы в последнее время с Владом Истоминным близки! — она выделила последнее слово.

— Тебе показалось, нас ничего не связывает!

— Ааа! Ну, тогда извините, — не отступала Дубровина. — Я ему передам привет, если он, конечно, тебя вспомнит. Говорят, его новая девушка очень красивая! — Дубровина закатила глаза.

— Мне всё равно! — еле сдерживалась я.

Анджелина Джоли отошла от двери, пропуская нас вперёд, и с язвительной улыбкой послала мне воздушный поцелуй.

Я еле-еле добежала до поворота, чтобы выплеснуть без свидетелей всю свою злость.

— Ааааа! — кричала я, топая ногами.

— Успокойся! — поддерживала меня Света. — Не слушай ты её, она всё придумала, и дураку понятно!

— Что ты имеешь в виду? — я перевела взгляд на подругу.

— Насчёт Истомина. Нет у него никого! Если б кто-то был, подумай сама, разве он стал бы рисковать и убегать из дому, чтобы тебя увидеть. Да он тебя любит!

— Света, сколько раз повторять! Мне не нравится Истомин, и мне абсолютно всё равно, что сказала Дубровина! Пускай хоть пять девушек найдёт и со всеми встречается по очереди или одновременно, мне всё — рав — но!

Я отвернулась от Светы и почувствовала, как розовеют мои щёки. Как бы ни хотела, но мне, действительно было не всё равно. Сердце моё ёкнуло при словах о другой девушке. Что это было: задетая женская гордость или всё же Влад мне нравился? О Боже, только не это! Я закрыла глаза и пыталась прогнать прочь эти глупые мысли.

— Что она сказала? — с этим вопросом к нам подошёл Генка. — Насчёт тебя и

Истомина! Вы близки? Как это понимать? — Генка, было видно, ревновал.

Мы со Светой переглянулись.

— Ты не знаешь Дубровину? Она всегда чушь несёт! Ты больше слушай! — выкрутилась Света. — Ладно, Вась, пошли домой! — при этих словах она взяла меня под руку и увела от Генки, продолжившего стоять посередине коридора с открытым ртом.

Вечером мы за чашкой чая с моими верными подругами Светой и Ольгой обсуждали сегодняшний разговор с Дубровиной. Генку в свою компанию не взяли, сославшись на чисто женский разговор.

В то это же самое время другая женская компания в лице Дубровиной и её свиты заказывали «Мохито» смазливому бармену у барной стойки.

— А что вы делаете после работы? — тут же нашла себе мишень Смирнова, никогда не упускающая возможности «пострелять глазками».

Громкая музыка стучала по вискам.

— Что? Простите, не расслышал! — перекинулся через стойку бармен.

— Денис, — прочитала на бэйджике Смирнова. — А я Лена. Будем знакомы! — она протянула ему руку.

Тот пожал её и продолжал заниматься своим делом, разливая коктейли по бокалам сидящим у стойки клиентам.

— Мне здесь нравится! — подтанцовывала уже явно повеселевшая Смирнова.

— Ты Истомина не видишь? — спросила у неё Дубровина.

— Неа! — ответила та и побежала на танцпол.

Через минуту она уже всю отплясывала в кругу таких же не растерявшихся парней.

— Полина, — обратилась Дубровина уже к Ничипоренко, — а ты Истомина не видишь нигде?

— Нет, его нету в зале! — ответила та.

Надо сказать, что Полина Ничипоренко выделялась из этой троицы ползучих. Может быть, потому, что она была не москвичкой. Отец её возглавлял какой-то холдинг в Воронеже, поэтому и здесь она сразу нашла себе равных в лице Дубровиной и Смирновой.

Но всё же провинциальное происхождение давало о себе знать. В ней не было той яркости и породистости, которая была присуща только местному «золоту».

И говорила она вполне нормальным языком. Иногда я просто не понимала, что она делает рядом с этими Малефисентами.

— Пойду его поищу! — сказала Дубровина, оставив Полину одну.

Своей модельной походкой Анджелина Джоли подошла к охраннику:

— Хозяин здесь?

— Должен прийти. Но пока нет! — коротко ответил тот.

Чёрный «Рендж Ровер» уже подъезжал к дверям «Махаона».

— Не подведи меня! — мужской голос обращался к выходящему из машины Владу Истомину. — Я надеюсь, за ночь ты всё обдумал, и больше не натворишь глупостей?

— Не беспокойся, отец! — уверенно сказал тот и хлопнул дверцей машины.

Охранники открыли ему двери клуба.

Не успел Влад войти, как к нему тут же подлетела Дубровина:

— Я тебя тут целый час жду. Поговорить нужно!

— Ох, Алина, давай не сейчас! — Влад даже не остановился, направляясь по коридору в свой кабинет.

— Это очень важно! — кричала ему вслед Дубровина.

Тот махнул рукой.

— Это касается тебя и Крыловой.

Истомин остановился. Он медленно развернулся к Дубровиной.

— Что ты хочешь сказать?

— Разговор долгий. Пройдём в твой кабинет! — Дубровина, обогнав стоявшего в недоумении Влада, подошла к двери его кабинета.

Тот подчинился.

Через минуту они сидели рядом на кожаном диване.

— Ну? — Истомин закинул ногу на ногу. Сегодня он был обворожителен, как всегда. Чёрный, подчёркивающий идеальную фигуру костюм, длинная чёлка на пол-лица и притягивающий аромат «bleu de CHANEL». Что ещё может заставить девушку потерять голову!

— У меня к тебе предложение!

— Весь внимания! — по лицу Истомина было видно, что он не горит желанием продолжать этот разговор.

— Ты же знаешь про меня и Макарского? — начала Дубровина.

— Что-то слышал. Ну и?

— Я хочу вернуть его. Не то, чтобы вернуть. Он мне на фиг не нужен! Я хочу заставить его вернуться ко мне, а потом поступить с ним так же, как и он со мной.

— Ааа! Ты хочешь его вернуть, так как твоя гордость не позволяет тебе быть брошенной, — Истомин приблизил своё лицо к лицу Дубровиной. — Я правильно понял?

— Правильно! — та тоже придвинулась так, что между ними остался сантиметр.

Истомин вскочил с места и подошёл к окну.

— А я здесь причём?

— А ты мне поможешь в этом! — Дубровина поднялась вслед за ним.

— И каким же образом? — развернулся к ней Влад.

— Ты будешь моим парнем!

— Чтооо? — Истомин не слышал более наглости. — Да ты в своём уме? Выход сама найдёшь? — он вновь отвернулся к окну.

— Выход-то я найду. Но, боюсь, кое-кто об этом горько пожалеет.

— Ты мне угрожаешь? — Истомин подошёл к Дубровиной и посмотрел ей в глаза.

— Я знаю один маленький секрет. Про пари. Придётся кое с кем с ним поделиться, — гадюка выпустила свой яд.

Влад изменился в лице:

— Откуда тебе известно?

— У нас с любимым раньше не было секретов, — нагло улыбалась Дубровина.

— Ну, Сева! Друг называется! — Истомин тёр кулаки друг о друга.

— Неужели ты веришь в дружбу? Ты, который всех покупает и продаёт! Ты думаешь, у тебя могут быть друзья? — Дубровина говорила правду, и у Истомина защемило сердце в эту минуту.

— А знаешь, на что он спорил? Откровенность за откровенностью! — Влад вышел из себя. — Он спорил на тебя! Если бы я выиграл, он отдал бы мне тебя! Как вещь, которая ему

больше не нужна! — он сделал паузу. — Но мы с ним позже отменили спор.

Дубровина побледнела:

— Мне всё равно! Я сказала, что мне он не нужен! Сейчас мне нужен ты! Да и для тебя это выгодное предложение. Во-первых, кое-кто не узнает правду, и ты можешь и дальше ей морочить голову, если тебя это так забавляет. А, во-вторых, я слышала, папа ищет тебе невесту?

— Как ты узнала?

— Новости в наших кругах быстро распространяются, — ехидно улыбнулась Дубровина. — Тем более новость о поисках невесты для принца! Да к вашему дому сейчас очередь выстроится. Ха-ха-ха. Представляю себе картину.

— Что ты хочешь?

— Хочу тебя, я же сказала!

— Что я должен делать?

— Мы должны объявить себя парой! — Дубровина почувствовала вкус победы.

— Никаких отношений! — перебил её Влад.

— Ну а ка же нежности, объятия, поцелуйчики? Ведь не поверят! — Дубровина, явно кокетничала.

— Я сказал.

— Окей, никаких!

— Хорошо, я согласен. А теперь оставь меня одного! — Влад отошёл к окну, встав спиной к Дубровиной.

— Хорошо, дорогой, оставляю тебя. Я позвоню, — Анджелина Джоли хлопнула дверью и с чувством победительницы, которое окрыляло её, направилась к подругам.

Истомин же продолжал смотреть в окно. Он был унижен и оскорблён. Он чувствовал себя полным ничтожеством. Только что его купили, как барана на базаре. Да, именно бараном он и был!

— Ты где была? — уже с трудом шевелила языком Смирнова.

— Дела были, — не скрывая радости, ответила Дубровина. — Ещё один «Мохито»! — крикнула она бармену.

— Да ты вся светишься! — заметила Ничипоренко. — Как с Истоминным всё прошло? Нормально?

— Лучше чем! Я теперь девушка Влада Истомина! Можете меня поздравить! — сказала она как тост и протянула свой бокал подругам.

Раздался звон бокалов.

— А он и правда, запал на Крылову, — усмехнулась Дубровина.

— Истомин?

— Ага. Ну, ничего, отомщу сразу обоим, — уже не могла остановиться Анджелина Джоли.

В субботу я провалялась в постели до обеда, как и мечтала. Ольга и Света ушли куда-то пораньше, и мне никто не мешал отсыпаться.

Раздался телефонный звонок. Я протянула руку, нащупала сотовый на письменном столе. О нет! Номер был Дубровиной. Положила телефон обратно. Но потом всё решила ответить — вдруг что-то важное.

— Алло, слушаю!

— Я звоню от Влада. У него серьёзные проблемы, и ему необходима твоя помощь!

Приходи сегодня в 20:00 в «Махаон». Он будет ждать тебя!

И Алина положила трубку, оставив меня в полном недоумении. В этот момент в комнату зашли Ольга и Света.

— Кто звонил? — с порога спросила Света.

— Дубровина.

— Ктооо? — не верила подруга своим ушам.

— Она сказала, у Влада проблемы, и ему нужна моя помощь.

— И ты поверила?

— А вдруг это правда?

— А почему он тогда сам не позвонил, а попросил эту стерву? — Света, во что бы то ни стало, хотела добраться до истины.

— У него проблемы с отцом, я же тебе говорила, — убеждала я подругу. — Мне нужно быть вечером в «Махаоне».

— И ты пойдёшь?

— Света, ты не слышишь меня? Человек попросил о помощи. Я не могу его бросить, даже если он мне и не нравится.

— Нет, подруга, ты неисправима!

... В ту самую минуту, когда мы обсуждали Дубровину, та потирала руки.

— Ну, всё, попалась мышка в мышеловку! — она взяла телефон и набрала другой номер. — Алло, Влад, позвони Макаарскому, пусть приходит сегодня вечером в «Махаон». Как зачем? Начнём наш спектакль. Ты забыл? Ну, всё. До вечера!

Чувствуя полную удовлетворённость, Дубровина с расплывшейся на лице улыбкой откинулась на спинку белого кожаного дивана в своей гостиной. У неё были наполеоновские планы, и они потихоньку начинали сбываться. Алина знала себе цену и была уверена в том, что станет в этой битве победителем. Она была талантливым манипулятором и сама восторгалась своему таланту. Дубровина взяла с журнального столика гляцевый журнал, села удобнее, убрала за ухо спадавший на глаза локон волос и погрузилась в чтение сего увлекательнейшего произведения.

... Я не могла дождаться вечера.

— Хватит уже мельтешить перед глазами. Ты так нервничаешь, как будто на свидание собираешься! — буркнула Света. — Или всё же на свидание?

— Света, я не пойму, у тебя проблемы со слухом? Сколько повторять, мне жалко Истомина, я хочу ему помочь! — я начинала злиться.

— А я слышала, от жалости до любви — один шаг.

— Не от жалости, а от ненависти!

— Ну, сначала ненависть, потом жалость, а потом и «ля мур». Разве не так у тебя сейчас?

Я задумалась и испугалась. А что, если Света права? Ведь совсем недавно я ненавидела Истомина, считая его напыщенным болваном и бездушным наглецом. Что же теперь получается? Я не считаю его таковым. И всё больше думаю о нём. Нет, он не может мне нравиться! Просто не буду об этом думать!

— Ты на часы смотрела? Уже семь. Тебе пора выходить, а то опоздаешь к своему «прынцу»!

... Ровно в восемь я стояла у ворот «Махаона», всё ещё не решаясь подойти поближе к дверям. Меня заметил охранник.

— Вы Василиса Крылова? — спросил он у меня в лоб.

— Да, это я.

— Проходите. Вас ожидают.

Я ничуть не удивилась и не заподозрила подвоха. Наверное, Истомин приказал меня пустить. Вошла внутрь.

Картина была знакома. Громкую музыку вряд ли можно было назвать музыкой, скорее, отбиванием ритма палками по огромному барабану. Вокруг всё также были полуголые девицы и похотливые самцы, один из которых тут же подлетел ко мне и со словами: «Потанцуем, крошка?» принялся отплясывать вокруг меня зазывающий танец бабуинов. Но, видимо, по моему взгляду, он понял, что со мной у него «не прокатит» и оставил эту затею, вернувшись в своё «стадо» под хохот и осуждающие охи «соплеменников».

Было темно, от мелькающих огней не было никакого толку, поэтому я решила подождать, пока глаза привыкнут к темноте. Облокотилась на колонну и наблюдала за всем происходящим «безумием», по-другому это никак нельзя было назвать, со стороны.

— Крылова! Вот те раз! А ты чего здесь забыла? — услышала я знакомый голос.

Около меня стоял Макарский. Белая майка его светилась от ультрафиолета. Он облокотился рукой на колонну, и его лицо оказалось рядом с моим. От Брэда Питта исходил приятный запах мужского одеколona, от которого закружилась голова. Я смутилась.

— Меня пригласили, — не зная, что ответить, сказала я. Его-то я никак не ожидала увидеть здесь. — Почему в универ не ходишь? — хватило у меня смелости спросить.

— А ты за меня переживаешь? — ещё ближе к моему лицу наклонился он.

Я смутилась ещё больше.

— Ну, не то, чтобы... — я не могла подобрать слова, — Герман Петрович спрашивал про тебя и про твою курсовую, — выпалила я.

— А, ты обо мне заботишься? — усмехнулся Сева.

— Конечно, — не могла я уже остановиться. — Ты в курсе, что со следующей недели у нас начинается сессия?

— Ну и что? — своим спокойствием Макарский меня «убивал».

— Как же ты собираешься сдавать? У тебя же куча хвостов.

— Ах, Василиса, Василиса! — от того, что он произнёс моё имя, у меня коленки подкосились. — Где же твоя премудрость? Стой, а кто тебя пригласил? — лицо моего собеседника стало вдруг серьёзным.

— Один друг.

Макарский посмотрел наверх, потом перевёл взгляд на меня:

— Друг, говоришь. Кажется, я догадываюсь, кто!

В ту самую минуту к нам подлетела Смирнова:

— Ой, и вы здесь? — она здорово играла.

— Лена? — моему удивлению не было предела.

— Сегодня пол нашей группы здесь, вот так совпадение! — Смирнова закрыла ладонями рот, точь-в-точь как делала Дубровина.

Макарский нахмурил брови:

— Совпадение, говоришь, ну-ну!

— Ах, смотрите, — Смирнова показывала в правую от нас сторону, — вон и Алина!

Да, правда говорят, помянешь нечистого — он тут как тут — подумала я.

В пяти шагах от нас и правда стояла Дубровина. Она была не одна, а с каким-то парнем. Лица я его не видела — он стоял спиной. Но и со спины было заметно, что был он неплох собой. Чёрные узкие брюки и белая обтягивающая рубашка выдавали его крепкую мужскую фигуру, какую увидишь, разве что на страницах глянцевого журнала. Анджелина Джоли, казалось, тоже нас не замечала. Она обеими руками взяла незнакомца за голову, приблизилась к нему и буквально впилась в его губы так страстно, что мне даже стало стыдно наблюдать такую откровенность.

— Пошли скорее! — при этих словах Смирнова схватила меня за руку и потянула к целующейся парочке с такой силой, что сопротивление было бесполезно.

Через секунду мы стояли возле них.

— Привет! — Смирнова махала им рукой, ведя себя довольно глупо.

— Ты чего творишь? — грубо сказал незнакомец, наконец, освободившийся из объятий Дубровиной.

— А что такого? Только не говори, что тебе не понравилось? — кокетливым голосом говорила Малефисента. — А, Крылова, и ты здесь? — переведя на меня взгляд каким-то противным голосом, от которого пробежали мурашки по коже, продолжала она.

Незнакомец развернулся в мою сторону. Ноги мои подкосились. Я пошатнулась. Это был Истомин.... Мне хотелось убежать прочь, но ноги меня не слушались. Я продолжала стоять и в упор смотреть на него.

— Василица? — сказал он чуть слышно. — Я всё объясню!

Ну, да — промелькнуло у меня в голове, — как в глупых сериальчиках, сейчас начнёт говорить, что всё не так, как ты думаешь, это вышло случайно... и прочая чушь. А я-то, наивная, прибежала его спасать! Нет, всё-таки все парни одинаковые — предатели и лжецы! Никому нельзя верить!

— Это не то, что ты думаешь! — повторял мои мысли Истомин.

— Довольно! — оборвала я его. — Ничего не хочу слышать! Хочу просто уйти!

Макарский вмешался в разговор:

— Алина, это ведь твоих рук дело? — со злостью смотрел он на свою бывшую подружку.

— А что такого? Мы теперь с Владом встречаемся. Правда, дорогой? — она подошла к Истомину и взяла его под руку.

— Заткнись! — в глазах Истомина я увидела растерянность и сожаление.

Но это не помогло ему.

— Я ухожу! И больше не хочу тебя видеть! — слёзы появились у меня на глазах.

— Я всё могу объяснить! Выслушай меня! — умолял Истомин.

— Давай! — гадюка Дубровина решила добить свою жертву. — Расскажи ей и про пари!

— Заткнись! — Влад развернулся к Дубровиной и с силой схватил её руку.

— А то что? Что ты мне сделаешь? — вырывала руку Дубровина.

— Ну, и стерва же ты, Алина! Как только земля тебя носит? — с разочарованием сказал Макарский своей бывшей.

— Земля, говоришь? — Дубровина улыбалась, было видно, она не остановится.

Влад отпустил её руку и опустил глаза. Он понял, что пропал.

— А вы лучше? Вы? Небожители! Да они на тебя поспорили, дура! — крикнула мне прямо в лицо Дубровина.

Я молчала и смотрела на Истомина в надежде, что он опровергнет это чудовищное признание.

— Они поспорили на машину! — продолжала Анджелина Джоли. — Что ты влюбишься в него и потеряешь голову и ещё кое-что... — она смеялась.

Земля ушла у меня из-под ног. Тошнота подступала к горлу. Мне было противно её слушать. А ещё противнее мне был тот, которого минуту назад я считала своим другом. Я слушала Дубровину, но не слышала, погружившись в свои мысли. Мысли о том, насколько же жесток этот мир! Как я могла об этом забыть? Как могла потерять голову и поддаться на приманки страстей пустых и неблагодарных! Как мог меня обмануть этот наглец, этот бессердечный себялюбец! Как ловко он обвёл меня вокруг пальца, заставив поверить ему и принять! Как я ненавидела себя в этот момент! Мне хотелось провалиться сквозь землю. А лучше, чтобы сквозь неё провалились виновные в моей страшной ноющей боли в сердце.

Я выбежала из клуба и побежала прочь. Слезы ручьём лились из глаз, закрывая мне дорогу. На улице шёл дождь, и слёзы смешались с его каплями.

— Василиса, стой! — Истомин открыл дверь в клуб и глазами искал меня.

Увидев, он бросился бежать вслед за мной. Догнав, он схватил меня за руку.

— Стой! Ты не можешь так уйти! — если бы я посмотрела в его глаза, вновь бы поверила ему, сколько жалости и сожаления в них было. Он был весь мокрый от дождя. И от этого казался ещё более жалким.

— Что тебе нужно? — сквозь слёзы проговорила я. — Оставь меня в покое! Или ты думаешь пойти до конца и выиграть у Макарского машину?

— Да выслушай, говорю! — Истомин ещё сильнее сжал мою руку, второй он взял меня за подбородок и приподнял его, так, чтобы были видны мои глаза. — Поначалу это и, правда, был спор, не отрицаю, но потом...

— Хорошо, хоть признаёшь это! Значит, не всё у тебя потеряно!

— Постой, не перебивай меня, прошу! Да, я поспорил! Мне было скучно, и я хотел развлечься! Можешь ненавидеть меня за это! — Истомин кричал так, что прохожие оглядывались на нас. — Но потом всё изменилось!

— Нет, я не верю тебе! — я продолжала рыдать.

— Но это правда! Я люблю тебя! — ещё громче кричал Истомин, перебивая шум дождя.

— Нет! Нет! — я закрывала уши руками. — Не хочу это слушать! Пожалуйста, оставь меня! Уходи, прошу!

Я вырвалась и побежала от него.

Лицо Истомина было мокрым то ли от дождя, то ли от слёз, которые выдавали его боль, его страдание. Он сел на дорогу и зарыдал ещё сильнее.

— Я люблю тебя, слышишь! — как заведённый повторял он.

... - Ах, голубки поссорились, какая жалость! — ехидно произнёс незнакомец за рулём припаркованного уже знакомого нам чёрного пикапа с затемнёнными окнами. — Ну, ничего, ещё недолго вам осталось в любовь играть! — и с визгом тормозов, оставив фонтан из брызг, автомобиль скрылся в глубине улицы.

... — Господин, пойдёмте! — подбежавшие к Истомину двое охранников поднимали его за плечи, а один открывал зонт над его головой. — Пойдёмте, а то заболете!

Истомин же сейчас мечтал умереть...

... Домой я вернулась в слезах. И мучала Ольгу и Свету, пытающихся выяснить у меня подробности. Я так ничего им и не сказала, сославшись на плохое самочувствие и дикую усталость. Приняв душ и немного успокоившись, легла в кровать и, как говорят, вырубилась без задних ног.

Мне снился странный сон. Будто заблудилась в тёмном-тёмном лабиринте и не могу найти выход. Я кричу на помощь, но вокруг — ни души. Слезы градом катятся из глаз, тяжело дышать, и очень страшно. Вдруг слышу знакомый голос. Это Тан. Он зовёт меня. Я иду на этот голос. Но он всё дальше и дальше. «Тан! Тан!» — кричу я. Но он не отвечает, только повторяет моё имя. Я же не знаю, чего мне хочется больше: выйти из лабиринта или увидеть его. Метаюсь из стороны в сторону и повторяю одно: «Тан!». Вдруг отчётливо слышу голос гадалки, той из шатра на празднике в универе: «Если будете вместе — один из вас умрёт!». Мне становится жутко. Уже не слышу голоса Тана, только рычание, грозное рычание зверя где-то неподалёку. Вдруг откуда ни возьмись, появляется волк. Он стоит прямо напротив меня. «Тан, — продолжаю я, — это ты?» Волк рычит, оскалив свою пасть с острыми белыми клыками, которые светятся в темноте, как и глаза зверя. Они тоже светятся янтарным блеском. Ещё секунда, и волк бежит прямо на меня. В ужасе закрываю глаза и... просыпаюсь.

Открыв глаза, увидела Тана, наклонившегося прямо над моим лицом. Что это? Продолжение сна? Я зажмурилась. Вновь открыв глаза, никого не обнаружила. Только окно в комнату было открыто, и ветер покачивал занавеску. Я подошла к окну, выглянула. Была тёмная ночь и тишина. Только капли дождя тихо ударялись о землю. Неужели это был сон? Кажется, запах Тана чувствовался в комнате, тот притягивающий аромат мужского тела вперемежку с запахом леса, того дивного леса, который манит своей неизведанностью, заставляя учащённо биться сердце.

Я чувствовала, он был здесь, в моей комнате. Вернулась обратно в кровать, но ещё долго не могла уснуть.

Проснулась поздно, далеко за полдень. Голова раскалывалась. Хорошо, что сегодня воскресенье, — подумала я, — и не надо идти в универ. Я улыбнулась, вспомнив сегодняшний сон. Было чувство, что Тан где-то рядом. Он не убежал от меня! Я чувствовала его близость и была счастлива! Даже предатель Истомин меня так сейчас не волновал.

Я заметила записку на столе от девчонок:

«Мы ушли по магазинам. Тебя будить не стали. Надеюсь, ты отойдёшь от вчерашнего и всё нам расскажешь».

Что им буду рассказывать? Я и сама не знала, что творилось со мной. Взяла со столика телефон, включила его — двадцать пропущенных вызовов от Истомина. Я вспомнила все события вчерашнего вечера, и сердце моё вновь защемило. Не смотря ни на что, мне было жаль Влада.

Я встала, подошла к окну, раздёрнула шторы. Солнечный свет озарил комнату. От вчерашнего дождя не осталось и следа. Погода была великолепная! Солнце ярко освещало крыши домов напротив, так, что от них по комнате играючи бегали солнечные зайчики. Я

открыла окно, поток свежего тёплого воздуха вместе с ароматом цветущей гортензии ворвался в комнату. За окном была жизнь: чирикали воробьи, перескакивая с ветки на ветку многолетнего клёна под окнами, хранящего историю древнего города, сигналили машины, доносились голоса и смех прохожих, спешащих куда-то в этот воскресный солнечный летний день.

В комнату постучали.

— Можно? — в дверях показалась знакомая кудрявая шевелюра.

— Заходи, Ген, — обрадовалась я другу, единственному другу, который, я знала, никогда не предаст меня.

— А где девчонки? — спросил Генка, окинув глазами комнату.

— Ушли по магазинам, — улыбнулась я.

— Ну, это надолго! А ты чем занимаешься? Может, погуляем? Погода такая хорошая!

— Даже не знаю. Хотела начать готовиться к сессии. В среду первый зачёт по праву. А я ещё и учебник не открывала, — замялась я.

— Да, ну его! Этот зачёт! Можно подумать, ты ничего не знаешь. Да ты и так сдашь, тебе и готовиться не надо! — уговаривал Генка. — Ну! Пойдём?

Я сдалась. Честно говоря, грустные и в то же время радостные мысли переполняли меня. И вряд ли в таком состоянии я способна была готовиться к зачёту.

... - Проснулся? — грубый мужской голос звучал как на плахе.

Влад с трудом открыл глаза. Голова его, казалось, вот-вот расколется на две части.

— Что со мной? — не в силах приподняться с кровати, спросил он у отца, который быстрым движением руки раздёргивал шторы, пуская яркие лучи солнца в комнату сына.

— И тебе доброе утро, сынок! — так же грубо продолжал отец.

— Боже мой, как же голова болит! — Влад, зажмурившись, держал руками голову.

— Надо думать! После вчерашнего количества выпитого я вообще не знаю, как ты жив остался? — отец подошёл к кровати сына.

— Я ничего не помню, — стонал Влад.

— Оно и к лучшему! — усмехнулся отец. — Ты вчера в «Махаоне» такой концерт закатил, что окажись там папарацци, карьера бы моя коту под хвост!

— Я ничего не помню! — повторил Влад, вытягивая слова.

— К тебе там гости! — кивнул отец в сторону двери.

Влад оторвал голову от подушки:

— Кто?

— Говорит, твоя девушка.

Влад побледнел.

— Какая девушка? — еле слышно спросил он.

— А у тебя что? Их много? — отец присел на кровать сына. — Не сказать, что я доволен твоим выбором, надеялся подобрать более подходящую кандидатуру, но раз вы друг друга любите, что ж, не буду вам мешать!

Истомин-младший с недоумением смотрел на отца, всё ещё не понимая, о чём тот говорит: какая девушка, какая любовь? На секунду даже, у него проскользнула надежда, что это Василиса. Но, вспомнив вчерашний с ней разговор, Истомин отбросил все надежды. Нет, после услышанного та вряд ли захочет его видеть. Все пути для него отрезаны.

— Одевайся и прими душ — от тебя воняет, как от бродяги! Сын Истомина, называется!

И спускайся вниз! Да быстрее! Невежливо заставлять девушку ждать!

Отец скрылся за дверью. Влад же с трудом добрёл до ванной. После холодного душа он почувствовал себя лучше.

Через десять минут он уже стоял на пороге гостиной. Отец сидел напротив него. Его же собеседница сидела спиной.

— А вот и наш дебошир, — улыбался отец, на людях всегда показывающий себя любящим и ласковым.

— Ах, Влад, я надеюсь, тебе лучше? — этот приторно ангельский, немного писклявый голосок сразу отрезвил несостоявшегося Ромео.

Дубровина! Как же он мог забыть про неё! Эта гадюка если прицепится, то надолго — Влад знал таких девиц.

— Проходи к столу, будем завтракать! — всё так же ласково продолжал отец. — Хотя время, скорее, обедать. Алевтина! — кричал он домработницу, налеп Владу чая.

В дверях гостиной показалась Алевтина. Остальные слуги тоже были на посту.

— Что ты здесь делаешь? — напал Влад на Дубровину.

— Ну, зачем же так грубо, сынок? — вмешался отец. — Если бы не Алиночка, не знаю, где бы ты вчера оказался. Это она мне позвонила.

— Я спрашиваю, что ты здесь делаешь? — не обращая никакого внимания на отца, Истомин повторил свой вопрос. — Пошла вон отсюда!

— Влад! — отец вскочил с места. — Что ты себе позволяешь?

Дубровина не стала упускать момент. Она встала и со слезами на глазах, несмотря на уговоры Истомина-старшего остаться, выбежала из дома.

— Что ты творишь? Ты в своём уме? Как ты позволяешь себе так разговаривать с моим гостем, и тем более с девушкой?

— Это Алиночка-то девушка? — усмехнулся Влад. — Отец, очнись! Это же Гаргона в юбке! В следующую секунду Влад получил пощёчину от отца.

— За что? — держась за щёку, спросил тот.

— Раз ты так себя ведёшь, я принципиально пойду до конца! Можешь, готовиться к свадьбе! За месяц, думаю, управимся с подготовкой.

— Свадьба? С кем? С этим гномом? Отец, ты в своём уме? Да ей только деньги твои и нужны! Ты не видишь?

— С этим я сам разберусь! Она из хорошей семьи! У отца нет проблем с бизнесом, так что насчёт денег ты зря! Он мне звонил вчера и тоже не против свадьбы!

Отец вышел из-за стола и направился в свой кабинет.

— Но отец! Пожалуйста! Пусть будет любая, только не она! — напрасно Влад кричал, отец уже не слышал его, скрывшись за тяжёлой дубовой дверью кабинета.

— Макс! — позвал он охранника.

— Слушаю, хозяин.

— Приглядывай за ним! Боюсь, как бы он дров не наломал.

— Понял! — коротко ответил Макс, дав понять, что и глаз с него не спустит.

Влад поднялся в свою комнату и плюхнулся на кровать. Слезы текли по щекам. Он вспомнил, как мама в детстве его успокаивала, когда тому было грустно. Она укладывала его голову на колени и гладила по волосам. Потом целовала его в лоб. От неё так вкусно пахло кремом для рук и малиновым вареньем. Влад до сих пор ощущает иногда этот запах — запах его счастливого детства. Где сейчас его мама? Жива ли она? Влад ничего не знал о ней с тех

самых пор, как отец посадил её в машину и увёз её куда-то. Слёзы не давали ему свободно дышать. Всклипывая, он думал о своей законченной жизни. В чём теперь её смысл? Раньше смыслом была Василиса — чистая и настоящая. Но теперь она его никогда не простит. Он собственными руками разрушил свою жизнь.

Глава девятая «Вновь разочарование»

— Куда пойдём? — выйдя из подъезда и вдохнув полной грудью тёплого летнего воздуха, отчего слегка закружилась голова, и защемило в груди, спросила я у Генки.

— Не знаю. А куда бы тебе хотелось?

— И я не знаю! Пойдём, просто погуляем.

— Пойдём. Может, в парк, мороженого поедим?

— Давай в парк!

Спустя какое-то время мы сидели на скамейке в парке, расположенном недалеко от нашей общаги. Кругом была жизнь. И я искренне радовалась за незнакомых людей, окружающих нас. С какой теплотой и любовью смотрел на свою жену пожилой мужчина, сидящий на соседней лавочке! С какой неподдельной радостью целовал довольный папаша, проходивший вместе с женой мимо нас, своего малыша, подбрасывая его на руках! Как громко кричали счастливые дети, проезжая рядом на роликах! С каким чувством умиления семья кормила голубей. Смущали меня только парочки, воркующие друг с другом. Я сразу вспомнила Тана, и мне стало грустно.

— Знаешь, — начал, постепенно краснея, Генка, — давно хотел тебе сказать...

— Не надо! — оборвала я его, догадываясь, о чём пойдёт разговор. — Давай просто поедим мороженого.

Я понимала Генку. Лёгкий летний ветерок, яркое солнышко и счастливые люди вокруг — эта умиленная картина так и тянула на признание. Был бы рядом со мной Тан, думаю, я бы тоже не удержалась.

— Ладно, — расстроился Генка, — пойду куплю мороженого. Ты какое будешь?

— Пломбир в стаканчике.

Генка ушёл за мороженым. Я же продолжала наслаждаться, купаясь в лучах солнца.

Вдруг услышала лай собаки и жалобное мяукание. Оглянулась на шум — огромная дворняга прижала к стене маленького беззащитного котёнка, не оставив тому никаких шансов. Я не могла это так оставить! Подскочила к собаке и попыталась её отогнать. Но та не унималась, заводясь ещё больше. Я загородила котёнка спиной и продолжала отгонять собаку. Та же, полаяв ещё какое-то время, ушла, поняв, что от котёнка не отойду. Я обернулась — бедный пушистый комочек сжался так, что был похож, скорее, на клубок шерсти, чем на живое существо. Попыталась взять его на руки, но тот, видимо, пребывавший в шоке после нападения собаки, вырвался из моих рук, оставив три огромные царапины от запястья до локтя, и помчался прочь от меня прямо на проезжую часть. Там же с огромной скоростью и в двух направлениях двигался поток машин.

Недолго думая, я бросилась за котёнком.... Выскочив за ним на дорогу, и не сообразила, что это опасно.... И тут увидела, как машина, сигналив и визжа тормозами, летит прямо на меня.... Я стояла с котёнком в центре проезжей части, и у меня не было никаких шансов на спасение. Зажмурила глаза и приготовилась к худшему.... Вдруг почувствовала чьё-то прикосновение.... Было ощущение, что лечу, как бабочка, парящая в воздухе.... Я подумала, что уже оказалась на другом свете.... И всё боялась открыть глаза...

Когда же их открыла, поняла, что не умерла, но это и, правда, был свет. Свет, от которого светло было бы даже ночью, свет, от которого тёмный лабиринт из моего сна стал непременно бы светлым, свет его глаз — янтарный и безумно притягивающий. Вот и сейчас я смотрела на моего спасителя и не могла оторвать взгляд, всё больше и больше пропадая под его чарами.

— Пойдём в машину, пока шум не поднялся! — спаситель мой дёрнул меня с силой за руку, вернув в реальную жизнь.

— Тан! — только и смогла сказать я.

Он открыл дверь пассажирского сиденья припаркованного рядом чёрного «Бентли», втолкнул меня туда, затем быстро прыгнул на место водителя и дал газу.

Я всё ещё переваривала события последних пяти минут, до конца не осознав, что же точно произошло. Единственное, что я понимала — Тан вновь спас мне жизнь.

— Но как?... — начала, было, я.

— Опять? — Тан пристально посмотрел на меня.

Я поняла, что мне лучше помолчать.

Что я пережила в то время, пока мы были в дороге, невозможно описать словами. Меня трясло то ли от шока после того, как мне чудом удалось избежать смерти, то ли от близости к парню, о котором мечтала дни и ночи в последнее время. Сердце моё колотилось так, будто вот-вот выпрыгнет из груди. Сердце Тана, я чувствовала, тоже не отставало. Я смотрела на дорогу, но изредка, так, чтобы он не заметил, переводила взгляд на него. Как же он был красив! Волосы его развевались на ветру, открывая его безупречный профиль. Если бы Аполлон сошёл на землю, он выглядел бы именно так, не иначе. Он смотрел на дорогу и казался серьёзным, но я видела, что его кожа покрылась мурашками. Про мою и говорить нечего!

— Тебе не холодно? — наконец, начал Тан, прервав тишину, от которой я ещё больше сходила с ума.

— Нет! — еле шевеля губами, ответила я.

Тан взял меня за руку.

— Но у тебя руки холодные, — сказал он, не отрывая глаз от дороги.

Я старалась сохранять спокойствие. Но почувствовала, как предательски затряслись колени, и целая армия бабочек: зелёных, красных, жёлтых, в общем, всех цветов радуги, запорхала у меня в животе.

— Ты точно не замёрзла? — беспокоился Тан, дотронувшись до моего плеча. — Но ты вся дрожишь!

Знал бы он, что происходит в эту минуту внутри меня! Я стиснула зубы, стараясь держать себя в руках. Чувствовала, что бабочки так и норовят вырваться наружу.

— Ладно, заедем ко мне, тут недалеко, надо обработать рану.

Точно, я даже забыла про три огромных царапины, что оставил мне в благодарность за спасение котёнок, о котором я тоже уже не вспоминала. Он же, свернувшись калачиком, мурлыча, сладко спал у меня на коленях.

— Как к тебе? Не хочу к тебе! — страшные картины промелькнули у меня в голове. Я понимала, что не удержусь от соблазна, если останусь наедине с Таном.

— Я похож на соблазнителя? — он будто читал мои мысли.

Я покачала головой.

— Тебе надо обработать раны, иначе может быть заражение.

Царапины на руке, действительно, были глубокие.

— Или тебя отвести в больницу?

Я вновь покачала головой.

— Тогда ко мне! — заключил он.

Мы ехали недолго. Минут через тридцать въехали во двор, ограждённый высоким забором. Охранник, поднявший шлагбаум, поздоровался с Таном:

— Добрый день, господин Тан. Я жене всё передал, спасибо вам большое!

Тан поклонился и поехал дальше. Через минуту мы припарковались возле подъезда многоэтажного дома. Он открыл мне дверь, помог выйти.

— Ух ты! — первый раз я видела такой высокий дом, казалось, последние этажи его касались неба.

Высоко задрав голову, принялась считать, но на двадцатом этаже сбилась и начала заново. Тан подошёл уже к подъезду. Заметив, что меня рядом, он остановился:

— Ты идёшь? Что застряла?

— Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь... — считала я.

— Тридцать пять, — оборвал меня Тан. — А теперь идём?

Швейцар уже открыл большую стеклянную дверь в подъезд, и все ждали только меня.

— Добрый день, господин Тан, — начал швейцар, — не знаю, как вас и благодарить, если бы не вы, страшно подумать, что бы могло произойти! — кланялся он Тану.

— Ничего, Али, не стоит благодарности.

Мы вошли в подъезд. Такое я видела только в голливудских фильмах. Кругом был мрамор и зеркала. Лифт не уступал подъезду, а размером он был с нашу комнату в общежитии.

— Только не говори, что тридцать пятый, — улыбнулась я Тану, как только за нами захлопнулась дверь лифта.

— Почти угадала, — улыбнулся он в ответ и нажал тридцать четвёртый этаж.

— Тебя здесь все любят. Видимо, спасти жизнь людей — твоя привычка, — продолжала я.

— Скорее, моё жизненное кредо.

Пока мы ехали в лифте, вспомнила историю из детства, когда прокатилась на нём первый раз. То был семнадцатый этаж. Выше я уже никогда не поднималась. И вот сейчас еду на тридцать четвёртый. Мама бы точно не поверила, если бы я ей рассказала. В нашем посёлке есть только пятиэтажки. И они кажутся высокими. Вспомнила маму и невольно улыбнулась. Я заметила, когда мне хорошо, всегда вспоминаю родителей и своё детство. Может быть, потому, что только в детстве человек беспредельно счастлив. Жаль, что понимает он это слишком поздно...

— Проходи! — нарушил мои сладостные воспоминания Тан, открывая дверь квартиры.

Я же стояла как вкопанная и не могла сделать шаг.

— Проходи! Что застыла на пороге?

— Ты живёшь здесь один? — я поняла, что совсем ничего не знаю о парне, который мне нравится.

— Почти, — улыбнулся мне Тан.

— Почти? — переспросила я, наконец, решившись сделать первый шаг.

Много раз слышала модное слово «пентхаус», но в первый раз увидела, как он выглядит на самом деле. Огромная гостиная, куда мы попали сразу с порога, по площади была,

наверное, как весь наш пятый этаж общаги вместе взятый. Да здесь можно было устраивать балы и кружить в вальсе, и ни одна из пар не столкнулась бы друг с другом. Комната была в светлых тонах, посередине же стоял огромный кожаный диван цвета кофе с молоком, на котором опять же мог уместиться весь наш пятый этаж, в смысле, его жители. Рядом с диваном огромная мраморная лестница вела на второй этаж. По стенам висели портреты людей, из которых я узнала только Тана в какой-то странной одежде. Было видно, что портрет был написан лет двести назад, не меньше. Но Тан выглядел на нём так же, как и сейчас. Высокий подвесной потолок подпирали белые колонны, которые ещё больше делали комнату похожую на дворец в стиле раннего классицизма. И замыкала этот чудо-интерьер люстра на полпотолка, свешивающаяся почти до половины комнаты.

— Садись на диван, я сейчас, — Тан показал жестом, куда мне садиться.

— А его? — спросила я про котёнка.

— Пусти на пол, Каан его не тронет.

— Кто?

Тан вышел из комнаты, оставив меня одну. Воспользовавшись его отсутствием, я подошла к картинам, разглядывая каждую из них.

Вдруг послышался странный шум, будто бы какое-то шарканье по полу. Через секунду в гостиную вбежал рыжий лабрадор. Я, только что недавно пережившая нападение собаки, испугалась и закричала. На шум прибежал Тан.

— Что случилось?

— Там собака, — я запрыгнула на диван и показывала пальцем на лабрадора, ласкающегося возле ног Тана.

— Это Каан, не бойся, он не тронет, — Тан трепал пса за ухо. — Привет, дружище. Как? Скучал без меня?

Пёс же в ответ облизывал ему руки.

— Когда ты сказал, что живёшь не один, ты имел в виду его? — показывала я кивком головы на собаку.

— Ну, да. Мы живём вместе. Это мой единственный друг. Да, дружище? — Тан продолжал играть с собакой. — Садись на диван, нужно сначала промыть рану.

Он вышел и через секунду принёс таз с тёплой водой и марлевые повязки. Тан поставил таз около меня, сам сел рядом на колени, и, нежно взяв мою руку, начал прикладывать к ней намоченную марлю. Я дёрнулась.

— Больно? — он подул мне на руку.

— Немного, — засмушалась я.

На самом деле, чувство боли перебивало другое чувство, намного сильнее и острее — чувство страсти и невероятного притяжения к человеку, который был рядом со мной. В тот момент я была благодарна котёнку за то, что он поцарапал меня. Ведь если бы не он, вряд ли бы сидела сейчас в квартире Тана, смотрела на него и таяла от его прикосновений. Такое чувство было у меня впервые. Еле-еле сдерживалась, чтобы не броситься к нему в объятия.

— Ну, всё, готово! — Тан нежно замотал мне бинтом руку. — Вот мазь, будешь мазать четыре раза в день. Дня через три от раны не останется и следа.

Я расстроилась, что всё так быстро закончилось. Тан поднялся с колен и отошёл в сторону:

— Тебе пора! — сказал он, даже не посмотрев на меня.

— Но... — я хотела так многое ему сказать, но не знала с чего начать.

— Я отвезу тебя обратно в парк!

Он посмотрел на ковёр, возле дивана, где бок о бок спали его пёс и маленький пушистый комочек:

— Его заберёшь или оставишь здесь?

— А можно? Оставить? В общагу с животными нельзя.

— Хорошо, пусть остаётся. Назову его Василиса, — он улыбнулся.

— А если это мальчик?

— Значит, будет Василием.

Всю дорогу обратно мы ехали молча. Я несколько раз пыталась начать разговор, но не могла и языком пошевелить. Тан тоже молчал.

— Вот и приехали, — сказал он, остановив машину прямо напротив парка.

— Мы ещё увидимся? — набравшись смелости, наконец, спросила, глядя Тану в глаза.

— Надеюсь, что нет!

Я почувствовала, как ком подходит к горлу:

— Но почему?

— Ты знаешь, кто я! Какие ещё могут быть объяснения?! — Тан не отрывал от меня глаз.

— Мне всё равно, кто ты! Я же сказала, что не боюсь тебя!

— Дело не в этом! — Тан отвернулся к окну.

— Тогда в чём?

Он молчал, нервно стуча пальцами по рулю:

— Мы не можем быть вместе!

— Почему, не понимаю! — мой голос дрожал. — Мы не можем быть просто друзьями?

— Нет, друзьями тоже не можем быть!

— Но почему? Объясни, в чём причина! — я говорила очень громко.

Тан обернулся в мою сторону:

— Я надеюсь, ты больше не будешь попадать в передряги? И мне не придётся вновь спасать тебя.

— Значит, я тебе не безразлична? — я взяла Тана за руку, она была ледяной. — Или твоё сердце такое же ледяное, как и твоя рука?

Тан резко выдернул свою руку.

— Уходи! — грубо сказал он.

Слёзы наворачивались у меня на глазах. Я продолжала сидеть, боясь, что, если уйду, никогда больше его не увижу.

— Уходи! — почти крикнул Тан.

Я не выдержала. Открыла дверь машины и выбежала на улицу, сильно хлопнув за собой дверцей.

Тан тут же завёл машину и, сорвавшись с места, исчез в дорожном потоке.

Я стояла в слезах посередине парка, где ещё час назад радовалась и смеялась в компании Генки. Сейчас же мне было больно и обидно! Обида словно грызла меня изнутри, уничтожая клеточку за клеточкой. Я чувствовала себя опустошённой и от этого глубоко несчастной.

... Тан вернулся домой, и, не обращая никакого внимания на ласкающегося около его ног пса, сел на диван, откинувшись на мягкую удобную спинку. Перед ним стоял образ монаха, который монотонным голосом давал ему наставления тогда, ещё в его прошлой жизни:

— Твой отец погиб из-за предательства твоей матери. Он хотел стать человеком и провести остаток своих дней с любимой. Но она предала его.

— Я никогда не буду человеком? Навсегда останусь чудовищем?

— Если захочешь, ты сможешь попробовать стать человеком, только встретив настоящую любовь. Твоя же избранница должна будет полюбить, зная о тебе правду. И только тогда, когда ты будешь уверен в её любви, ты сможешь провести ритуал. Но ты должен знать, что совершение ритуала не гарантирует точного результата. И может подействовать, наоборот, в другую сторону. Тогда ты никогда не станешь человеком, надев на себя шкуру зверя. Ты должен предупредить и свою любимую об её возможной участи...

— Но как я узнаю об искренности её чувств?

— По-настоящему любящий человек готов пожертвовать жизнью ради своей любви, запомни это!

Тан, глубоко вздохнув, потрепал ласкающегося пса за ухо:

— Знаешь, Каан, думаю, я нашёл ту, которую искал пятьсот лет. Я продолжаю думать о ней каждую минуту. При виде её сердце готово выпрыгнуть из груди. Её запах притягивает так, что я еле сдерживаю свою сущность. Но любит ли она меня? Об этом я боюсь даже подумать!

Тан впервые за сотни лет испытывал подобное чувство. Он был уверен в своей любви. Но как насчёт Василисы?

... - Где ты была? Я же волновался. Как ты могла уйти, не предупредив? — встречающий меня в коридоре общежития Генка не давал и слова вымолвить.

— Всё нормально. Я прогуливалась.

— Прогуливалась? Да я, как дурак, бегал, искал тебя по всему парку! — он размахивал руками. — Что с тобой? Ты плачешь? Что случилось?

Я вытерла рукавом слёзы:

— Ничего не случилось. Просто немного грустно. Отдохну, и всё пройдёт, — я держалась, чтобы не разреветься. — Девчонки уже вернулись?

— Нет, я их не видел.

Вот и отлично, — думала я, — хотя бы перед ними не придётся оправдываться.

Ольга и Света пришли после того, как я немного успокоилась. Так что они даже и не подозревали о том, что сегодня мне пришлось пережить ...

Два следующих дня я готовилась к экзаменам, стараясь не думать о Тане. Даже из дома ни разу не выходила. В среду был первый зачёт по праву.

— Так волнуюсь! — сказала Света по дороге в университет.

— Тебе ли волноваться? — успокаивала я подругу. — Ты, наверное, весь учебник знаешь наизусть.

— А я знаю с первого по пятнадцатый билет, — вздохнул Генка. — Последние — плохо.

— Думаю, тебе достанется один из них, — с завистью в голосе ответила Света. — Ты —

везунчик, на экзаменах тебе всегда везёт.

За разговором мы не заметили, как пришли. Возле аудитории, где и проходил зачёт, собрались почти все наши.

Стрельцов, окружённый Ежовым, Бочкиным и другими ребятами, что-то эмоционально рассказывал, кривляясь и жестикулируя. Не знаю, что они так бурно обсуждали, но, явно, не предстоящий зачёт. Ребята, как всегда, слушали его, раскрыв рот, и синхронно поддакивали.

У окна стояла вторая компания во главе главной Малефисенты. В её руках был какой-то журнал, перелистывая страницу за страницей которого она очень эмоционально комментировала, то и дело прикладывая журнал к себе. Под её чарами были почти все наши девчонки.

У соседнего окна обособленно держался Макаровский со своей новой пассией, пришедшей, видимо, поддержать возлюбленного. Брэд Питт иногда поглядывал на Дубровину, которая нарочно, ему на зло, заливалась громким неестественным смехом, привлекая к себе не только внимание своего бывшего, но и студентов, проходивших мимо.

Мы втроем встали поодаль ото всех.

Только бы Дубровина меня не заметила, — молила я про себя. Ан, нет! Уже через минуту она своей дурацкой походкой, вытянув шею, как гадюка перед прыжком, направлялась в мою сторону.

— Привет! — улыбка у неё была на весь рот.

Меня аж передёрнуло.

— Привет! — скупо ответила я, надеясь, что она всё-таки отвяжется.

— Давно не виделись! — продолжала она глупо улыбаться.

— Это точно! — я старалась не смотреть на неё, уставившись в книгу, делая вид, что не до неё.

— Слышала новость? — при этих словах она закрыла мне книгу.

— Какую? — посмотрела я ей в глаза.

— Я выхожу замуж, — Дубровина сделала паузу, — за Истомина, — она повертела у меня перед носом тем самым журналом. — Вот, платье свадебное выбираю.

— Поздравляю! — еле выдавила я, пока ещё не осознавая смысла её слов.

— Да, летом свадьба! — не унималась Анджелина Джоли.

— Рада за тебя! — я вновь открыла книгу.

— Так что извини! — писклявым голосом продолжала та.

— За что? — я оторвала своё взгляд от книги.

— Ну, я же у тебя увела парня!

Уже всё внимание близстоящих было приковано к нам. Стрельцов даже бросил свой увлекательный рассказ и занял место в первых рядах.

— Не переживай! — я решила пойти ва-банк. — Это я его бросила.

— Как, ты?

— Он мне надоел! — я уже не могла остановиться. — Да, знаешь, скучно стало.

— Но как же... — Дубровина, видимо, не ожидала такого ответа.

— А вот так! Он мне больше не нужен, преспокойненько можешь забирать его себе.

Дубровина покраснела, было видно, что от злости она с ума сходила.

— И вот ещё что! — решила я отыграться напоследок. — Передай ему, что, если даже на коленях приползёт прощение просить, не прощу его.

— Как Крылова поставила тебя на место! — не выдержав, вмешался Стрельцов.

— Ты вообще заткнись! — бросила Дубровина в сторону Стрельцова. — А ты что сказала? — обращалась она уже ко мне.

— Я сказала, что мне тебя жалко. Ведь любит Истомин только меня. А без любви какой брак будет счастливым?! — я глубоко вздохнула.

— Что? А ну, повтори!

— У тебя со слухом проблемы?

Дубровина позеленела от ярости.

— Да я тебя... — при этих словах она подошла ко мне вплотную и схватила за волосы.

Я почувствовала дикую боль.... Она таскала меня из стороны в сторону, мне же казалось, что она вырвет мне волосы прямо со скальпелем.... Я вцепилась ей в ответ.

— Ай, больно, пусти! — вопила Дубровина.

— Нет уж! Сначала ты!

Стрельцов и его приближённые были рады такому повороту событий.

— Давай! Давай! — подзадоривал всех Стрельцов. — Ребята, делаем ставки! Кто ставит на Дубровину, кто на Крылову? — он бегал вокруг нас и тех, кто наблюдал за этой «битвой».

Казалось, собрался весь университет.

— Я ставлю сто рублей на Дубровину! — Ежов махал сторублёвой купюрой, закатываясь от смеха.

— А я двести на Крылову! — поддержал его Грибанов, вытаскивая из кармана деньги.

Некоторые не растерялись, достав телефоны, снимали нас на камеру.

— Ну, кто ещё? — Стрельцов вжился в роль крупье. — Не стесняемся! Делаем ставки!

Мы же с Дубровиной даже и не думали сдаваться, вцепившись друг в друга ещё сильнее.

— Ну, ребята, — скакал Стрельцов, — не робейте!

Не знаю, чем бы закончилось это шоу, если бы на шум не вышел из аудитории Лев Модестович — наш преподаватель по праву.

— Дубровина, Крылова? Вы что делаете? — очки Модестовича съехали на нос. — Выговор захотели? А ну, сейчас же прекратите этот балаган!

Услышав голос учителя, мы повиновались, расцепив руки.

— Проходите в аудиторию! — Лев Модестович протёр лысину носовым платком, который достал из кармана. — Давайте поживее! И ещё Ершова, Никитина, Калинин и Грибанов.

Несмотря на устроенную нами драку в коридоре универа, Лев Модестович был в хорошем расположении духа, и вся группа получила «зачёт». Модестович, как все его называли, вообще считался самым добрым преподавателем в универе, несмотря на столь грозное имя. Он был похож на постаревшего Карлсона — маленький, пухленький, в клетчатом пиджаке и такого же цвета коротеньких штанишках. Ему только пропеллера не хватало. За доброту и понимание студенты его любили и уважали.

— Если бы не Модестович, я бы тебе все волосы выдернула! — сказала мне Дубровина на прощание при выходе из универа.

Мы же вечером в нашей комнате смотрели интересный фильм по ютубу «Драка в университете», разумеется, со мной в главной роли.

— Ох, эта Дубровина! — потирала кулаки Света. — Как она ещё своим собственным ядом не отравилась?!

Мне же было стыдно! Сколько раз сама осуждала таких девиц из роликов в интернете. И вот теперь моя звёздная роль!

Как же завтра покажусь на консультации по обществузнанию? Об этом я боялась даже думать. Затем мои мысли вновь занял он. Как бы ни хотела и противилась этому, образ Тана снова стоял перед глазами. «Мы не можем быть вместе!» — как страшный приговор звучали его слова. Слезы капали из глаз, оставляя мокрое пятно на подушке. Видимо, я сильно устала и переволновалась за сегодняшний день, так как, несмотря на грустные мысли, гулявшие в моей голове, как по парку, уснула крепким беспробудным сном.

Я и не догадывалась, что в эту самую минуту кто-то думает и обо мне. Причём кто-то не один!

...Истомин лежал в кровати поверх одеяла и смотрел в потолок. Но мысли его были далеко от этой комнаты. Он вспоминал всё пережитое за последнее время: лицо Василисы, перепачканное мороженым, её негодование, когда она всучила ему этот проклятый букет, их соревнование по стрельбе в тире и, наконец, поцелуй — вкус её губ он ощущал до сих пор. Затем он вспомнил взгляд Василисы в «Махаоне», когда она слышала про пари. На глазах выступили слёзы. Ему было жаль себя. И в то же время он был себе противен за то, что сдался, за то, что опустил руки. Нет, он не должен смиряться. Ведь он Истомин! Он должен идти до конца!

Зазвонил телефон, Влад протянул руку к журнальному столику возле кровати, взял сотовый — номер был незнакомый.

— Алло! Алло, я вас слушаю! — в ответ была тишина.

Так и не дождавшись ответа, Влад набрал заветный номер Василисы.

— Абонент не отвечает или временно недоступен, — слышалось на другом конце провода.

Отчаявшись, он позвонил по другому номеру:

— Мне нужно с тобой поговорить! — сказал он грубо. — Это важно! Завтра вечером в «Махаоне».

И, продолжая жалеть себя, он ещё долго не мог заснуть.

... В то же самое время ещё один человек думал о Василисе. Тан лежал в своей ванной, то и дело протягивая руку к бокалу красного вина, стоящего рядом на маленьком столике. Её образ появлялся сразу, как только он закрывал глаза. Тан помнил каждый миллиметр её лица, по очереди представляя то небесно-голубые глаза, то обворожительную улыбку, то её притягивающие губы, думая о которых он чувствовал, как вода в ванной становится ещё горячее, обжигая его обнажённое тело. Тан представлял, как Василиса, стоя перед ним, шепчет: «Я люблю тебя», а затем их губы сливаются в страстном поцелуе. От этих мыслей по его телу пробежала дрожь, заставляя сначала дрожать колени, а потом и всего его. Не в силах выдержать это, Тан ушёл с головой под воду, в надежде там оставить все мысли о ней, мысли, которые заставляли трепетать его сердце, мысли, которые выдавали его мужскую плоть...

Он вынырнул, взял со столика телефон и набрал номер Василисы, но и ему, понятное дело, не удалось с ней поговорить. Тан вновь протянул руку за бокалом, сделал глоток и продолжал себя мучать, думая о ней.

...О ней он продолжил думать и на следующий день, сидя в кресле директора в своём кабинете. У Тана болела голова: то ли от вчерашнего количества выпитого, то ли от мыслей,

которые просто не хотели покидать его. Он не видел ни бумаг, которые принесла ему на подпись секретарша, не замечал разрывающегося телефона.

— Господин Тан, — секретарша, не выдержав, постучала в дверь, — звонили итальянские партнёры, спрашивали, можно ли сегодня с вами встретиться по поводу сделки?

— Что, простите? — Тан вопросительно посмотрел на неё.

— Сможете ли вы сегодня встретиться с итальянцами? У вас после трёх часов ведь больше нет никаких встреч.

— Нет, сегодня я не смогу. И, знаете, Людмила, отмените все встречи на сегодня. Мне нужно уйти! — Тан встал из-за стола и, на ходу надевая пиджак, направился к выходу.

— Ну, как же так? — секретарша бежала за ним. — Как же немцы? Ведь вы договаривались о встрече за месяц!

— Людмила, — Тан обернулся и посмотрел на оторопевшую секретаршу, — вы меня слышали?

— Да, конечно, я вас слышала.

— Тогда ни к чему эти вопросы! — и, поправляя рукой чёлку, съехавшую на глаза, Тан продолжил движение.

— Что случилось? — подбежали тут же к растерянной секретарше другие сотрудницы компании.

— И о чём только думает? Уже несколько дней сам не свой, — жаловалась та на босса.

— Может, любофф? — предположила блондинка в непристойно короткой юбке.

— Повезло же кому-то, — сетовала брюнетка в платье в горошек. — Такой красавчик!

От одного только его взгляда — мурашки по коже!

— Распоясались! И о чём только думают! — произнёс вслух Тан, до которого эхом доносилось каждое слово, сказанное в его адрес.

Сотрудницы так и стояли посередине коридора, провожая взглядом своего босса.

Через час Тан, сидя за рулём своего припаркованного у ворот университета «Бентли», не сводил глаз с компании девушек, выходящих из дверей университета. Его интересовала только одна — та, что была сегодня в ярком зелёном платье солнце клёш, про которое одна её подруга сказала бы «прощай молодость», белых лодочках и крепко заплетённой русой косой до пояса. Она была похожа на главную героиню сказки и поэтому была достойна своего имени — Василиса.

Как же она отличается от других, — думал Тан, переведя взгляд от своей «царевны» на сопровождающих её подруг, которые будто соревновались в длине юбок и высоте каблучков. Подождав, пока Василиса совсем скроется из виду, Тан, пребывающий в эйфории от того, что удалось увидеть её, тронулся с места, улыбаясь самому себе. Завтра у неё опять консультация, а значит, и завтра сможет увидеть её. Хотя бы так — издалека.

В это же время от университета отъезжала и другая иномарка — чёрный тонированный пикап, водитель которого был не в меньшей эйфории и вот уже несколько дней разрабатывал свой коварный план.

Этим же днём в восемь часов вечера двое бывших друзей обсуждали важный вопрос в личном кабинете одного из них. В «Махаоне» как всегда был аншлаг, поэтому кабинет был единственным местом, где можно было поговорить спокойно. Хотя и до него то и дело доносились отзвуки громкой музыки, от которых стаканы на столе, заполненные виски,

начинали «танцевать».

— Что ты хотел сказать? — протягивая руку за стаканом, сидя на кожаном диване, осторожно начал Макарский.

— Я не знаю, с чего начать, — признался Истомин.

— Если ты насчёт Дубровиной, то мне всё равно! — Макарский положил ногу на ногу. — Я с ней расстался, и ты можешь делать с ней всё, что хочешь, даже жениться. Если тебе проблем в жизни не хватает.

— Не хочу я на ней жениться! — крикнул Влад. — Это всё отец. Ты же его знаешь!

— А вот она думает по-другому. Платье себе в универе по каталогу выбирает.

— О, нет! За что же мне всё это! — Истомин стукнул себя ладонью по лбу и присел рядом с Макарским. — А Василиса видела?

— Да говорю же тебе, весь универ в курсе!

— О, нет! — опять ударил себя Истомин. — Что же мне делать?

— Не знаю, друг, что тебе и посоветовать! — Макарский, кажется, говорил искренне. — Если Алина привязалась — это надолго.

— Да ещё отец! Он торопит со свадьбой! А я эту гадюку и видеть-то не могу. Нет, я обязан что-то придумать! Я должен расстроить эту свадьбу!

— Ну, расстроишь эту — будет другая. Я слышал, отец намерен женить тебя в любом случае!

— Ох, Сева, не сыпь соль на рану, — Истомин положил голову на локти. — Так я хотя бы время оттяну. А потом что-нибудь придумаю.

— Да, дружище, ты попал! Ничего не скажешь!

— Слушай! — Истомин подсел вплотную к своему собеседнику. — Помоги мне расстроить эту чёртову свадьбу.

— Но что я могу? — сделав очередной глоток, спросил Макарский.

— Я и позвал тебя, чтобы мы вместе что-нибудь придумали. Я уже всю голову сломал.

— Не знаю, друг, правда. Если бы нужен был мой совет, как девчонку закадрить, то — пожалуйста, но свадьба. Уволь!

— Ну, Сева, я-то думал, ты поможешь! Ладно, можешь хоть записку передать?

— Крыловой? — улыбнулся Макарский.

— Она после той сцены не хочет со мной разговаривать.

— А ты бы стал, на её месте?

— Да уж!

— Ты бы признался ей в своих чувствах и всё!

— Думаешь, я этого не сделал?

— Да иди ты! — Макарский наострил уши. — И чего она?

— Ничего!

— Ну, Крылова!

— Слушай, — Макарский поднялся с места, — а может тебе какой-нибудь хороший поступок совершить, девчонки это любят, особенно такие, как Крылова.

— В смысле? Какой поступок?

— Ну, там, бабушку через дорогу перевести.

Истомин поморщился.

— Да, согласен, это не серьёзно. А что, если тебе, — Макарский поднял вверх указательный палец, — спасти Василису от бандитов. Тогда она будет очень благодарна. И

поймёт, как тебе дорога.

— Каких бандитов?

— Ну, это я могу организовать! — загадочно улыбался Макаровский.

— А что, — Истомин задумался, — неплохая идея! Я такое в кино видел!

— Ну, да! Это классический приём завоевания сердца девушки! Только вот Крылова — она же шибко умная. Может догадаться.

— Но ты же всё сделаешь так, чтобы она не догадалась! — Истомин посмотрел прямо в глаза собеседнику.

— Надо постараться.

Влад почувствовал облегчение. Ему впервые за несколько дней захотелось улыбнуться. Он представил себе эту картину: тёмный переулок, трое хулиганов, испуганная беззащитная Василиса. И тут появляется он в костюме человека-паука, нет, лучше супермена, и одной правой раскидывает всех бандитов. «Ох, Влад, какой ты сильный! Ты спас мне жизнь!» — Василиса бросается ему в объятия, и их губы сливаются в страстном поцелуе.

— Эй, ты слышишь? Влад? — Макаровский нарушил все его мысли.

— Да. Что ещё?

— Так по рукам? — Макаровский протягивал ему стакан.

— По рукам, — стукнул о его стакан своим Истомин.

Вечером Влад лежал в кровати и не мог уснуть — он вновь думал о Василисе. Размышляя над словами Макаровского, он то улыбался, представляя себе эту картину, то вдруг резко морщился и тяжело вздыхал, думая, что это полный абсурд, и зря он на это «подписался». Его терзания нарушил телефонный звонок.

— Алло, — в ответ была тишина. — Алло, я вас слушаю, Василиса, это ты? — сам того не ожидая, вдруг спросил Влад, надеющийся на положительный ответ на другом конце провода.

Там же положили трубку.

Через минуту телефон зазвонил вновь.

— Алло, кто это? Вы будете говорить? Или я положу трубку.

— Влад! — Одно слово перевернуло мир Истомина с ног на голову. Трубка выпала из рук. Слёзы потекли из глаз.

Глава десятая «Долгожданная встреча»

— Василиса, стой! — услышала я знакомый баритон за спиной, поднимаясь вместе со Светой по лестнице на второй этаж универа.

Остановилась. Обернулась и не ошиблась — передо мной стоял Макаровский и улыбался своей обворожительной улыбкой, подчёркнутой ямочкой на подбородке.

— Мне нужно тебе кое-что передать, — не переставая улыбаться, он протягивал мне сложенную бумажку, видимо, записку.

— Это от Истомина? — я взяла записку двумя руками и хотела её порвать прямо на глазах «курьера»

— Стой! — Макаровский схватил меня за руку. — Зря ты так! Человек переживает. Ни спать, ни есть не может!

— Кто? Истомин-то? Ну-ну! То-то я и гляжу, Дубровина себе две недели уже платье выбирает. Это он из-за неё спать не может?

— Много ты понимаешь! — Макаровский изменился в лице, от его улыбки не осталось и

следа. — Хотя это твоё дело! — он, сунув руки в карман и насупившись, будто только что задела его честь, пошёл вверх по лестнице, оттолкнув плечом меня и Свету.

— Что это с ним? — спросила Света. — Ты что-нибудь понимаешь? У тебя опять от меня тайны?

— Понятия не имею! — я злилась, держа в руках записку от подлого предателя и обманщика.

— Открой! Что там написано? — любопытству Светы позавидовала бы сама Варвара.

— Не сейчас! Дома почитаю. Не хочется себе настроение портить перед экзаменом, — ответила я, убирая записку поглубже в карман.

... В это самое время тот «подлый предатель и обманщик» сидел в торговом центре «Мегаполис» за столиком небольшого кафе на третьем этаже и, нервно дёргая головой, время от времени поправлял солнцезащитные очки. Он вновь посмотрел на часы — прошла ещё одна минута, после того, как смотрел в последний раз.

— Официант! Эспрессо! — заказал Влад, не зная как успокоить себя.

Через минуту он уже делал глоток кофе, аромат которого распространился по всему залу, но и это не успокаивало его. Он давно так не волновался. Колени предательски тряслись. Вряд ли бы кто-нибудь сейчас узнал в нём того Истомина, каким он был три месяца назад, когда поклонницы выстраивались в очередь за автографом, а он же был непоколебим и самоуверен.

Сейчас же он чувствовал себя беззащитным, жалким и «простым смертным», нежели «небожителем».

— Влад! — женский голос позади его прозвучал как гром среди ясного неба.

Влад не оборачивался и еле сдерживал слёзы, которые так и хотели вырваться наружу. Он стиснул зубы, сжал кулаки и сидел, боясь пошевелиться.

— Спасибо, что пришёл, — тихим голосом произнесла гостья, обойдя вокруг столика и усаживаясь прямо напротив Влада.

Он всё ещё не смел поднять на неё глаза.

— А ты изменился, — продолжала незнакомка ласковым голосом.

— Что тебе нужно? Зачем ты здесь? — голосом обиженного ребёнка, спросил он.

— Ну, зачем ты так? — незнакомка положила руки на стол, они тряслись, так же как и у Влада.

Истомин, наконец, поднял глаза и посмотрел на свою собеседницу. Она ничуть не изменилась: тёмные каштановые волосы были аккуратно забраны в пучок, открывая её высокий лоб и немного выпуклые скулы. Губы её, мягкость которых Влад помнил до сих пор, расплывались в улыбке. Глаза, тёмно-зелёного цвета, казалось, улыбались. И от неё исходил всё тот же запах, от которого у Влада защемило сердце, такой родной и любимый запах крема для рук и малинового варенья.

— Я спрашиваю, зачем ты здесь? — Влад говорил, чуть не плача.

— Приехала за тобой! — ответила гостья.

— За мной? — голос Влада дрожал. — Спустя десять лет ты вдруг вспомнила обо мне?

— Но, Влад, ты ведь ничего не знаешь! Я хочу тебе обо всём рассказать!

— То есть ты вот так вот появилась, думаешь, обо всём мне расскажешь, я растаю и брошусь тебе на шею?! — Влад говорил на повышенных тонах.

— Тихо, успокойся!

— Ты просишь успокоиться! Ты, которая бросила меня десять лет назад! Да знаешь ли ты, как я жил без тебя эти десять лет? Знаешь ли ты, как я плакал по ночам и ждал, когда ты придёшь и заберёшь меня! — слёзы текли по щекам Влада.

Собеседница его тоже не могла сдержать слёз.

— Ты же прекрасно знаешь, почему так произошло! Это случилось не по моей воле!

— Согласен — виноват отец! Но ты могла хоть что-нибудь сделать! — Влад вскочил с места и говорил уже стоя, то и дело вытирая слёзы рукавом. — Мама, как ты могла вот так просто исчезнуть?!

— Сынок! Прости! — мать Влада бросилась ему на шею и принялась целовать его щёки, лоб, нос — всё то, что было таким родным, и по чему она так соскучилась.

Они стояли вот так, обнявшись и плача, посередине зала, редкие прохожие оглядывались на них, официанты тоже не сводили взгляда.

— Пойдём в машину, там поговорим. Так будет спокойнее, — сказала мама Владу, взяв его за руку.

Он же, только что собиравшийся уйти, подчинился ей.

... - Ну, что? Ты помотришь записку уже? — пристала Света, лишь мы переступили порог нашей комнаты.

— Света, хватит! Всю дорогу ноешь! — пыталась я уйти от разговора. — Иди лучше чайник поставь!

— Что за записка? — вмешалась в разговор Ольга, оторвавшись от учебников.

— Ещё одна! — вздохнула я.

— Истомин передал ей записку. А она сама не читает и другим не даёт! — сетовала Света.

— Истомин опять объявился? Это интересно!

— Вот и я говорю — интересно же. А эта злыдня записку зажала! — Света взяла меня за руки и начала трясти и прыгать, как ребёнок. — Ну, прочитай, прочитай!

— Даже если и прочитаю, почему ты думаешь, что вам расскажу? Может быть, это личное.

— У нас тут всё общественное, и записки тоже!

— Ладно, уговорили, — я достала из кармана записку и прочитала про себя. — «Знаю, мне нет прощения! Я поступил, как негодяй, как последний болван. Нет, ещё хуже! И заслуживаю твоей ненависти. Но, поверь, я не смогу жить, зная, что ты ненавидишь меня. И мне лучше умереть, чем жить без тебя! Я не предавал тебя! Мои чувства и слова всегда были искренне. И если бы ты могла мне дать ещё один шанс...»

Прочитав записку, я задумалась.

— Ну, что там? Эй, ты слышишь меня? — Света никак не унималась.

— Просит простить его, — еле слышно ответила я, думая о другом. Ну почему это был не Тан? Почему Истомин? Если бы Тан дал мне ещё один шанс... Слёзы покатались у меня по щекам.

— Ты плачешь? — Света выхватила записку, и они с Ольгой, вырывая бумажку друг у друга, читали наперегонки.

— Ой! Как мило! — Света заулыбалась. — Ты же дашь ему ещё один шанс? Правда? — она посмотрела на меня, хлопая глазами.

— Какой шанс? Зачем? — я не понимала её, пребывая в своих мыслях.

— Влад любит тебя — это же понятно! А с Дубровиной никакой свадьбы у них не будет. Это тоже понятно. Василиса, не упускай возможности! Тан исчез, понимаешь, канул в лету! Не известно, встретишь ты его ещё когда-нибудь или нет. Да и вообще, нужна ли ты ему? А с Истоминым всё ясно. Даже записку написал. Так романтично! — Света ещё сильнее захлопала глазами, прижав к себе записку.

— Да, Василиса, — поддерживала её Ольга, — Света права. Такие парни, как Истомин на дороге не валяются. Нужно брать!

Да они что, сговорились? «Нужно брать» — разве это вещь? Товар? Да что они знают о Тане? Меня задела слова Светы, но я и не думала ей верить! Я чувствовала, что не безразлична Тану. И пусть он тоже отрицает это! Сердце женщины не обманешь! А моё сердце стучит в одном ритме с его! Это я знала точно!

Истомин! Мне было жаль его! И я была ему благодарна за чувства, за его отношение ко мне. Но не могла ответить ему взаимностью!

... - Прошу тебя, Влад, не отвергай меня! Дай мне ещё один шанс! — сидя на заднем сидении белого лимузина и держа сына за руку, просила та, кого Истомин всегда вспоминал в минуты боли, разочарования, обиды.

И вот сейчас он испытывал те же чувства, сидя рядом с человеком, образ которого всегда помогал ему в такие тяжёлые для него минуты. Теперь он не знал, как поступить. Ведь сердце его разрывалось на части....

— Всю свою жизнь я ждала этой минуты, когда смогу, наконец, обнять тебя, — продолжала мать Влада. — Не было ни дня, чтобы не думала о тебе. Но я ничего не могла сделать! Я — простая смертная. Как могла что-то предпринять против Истомина? Я была рада, что он меня в живых оставил. И всегда жила надеждой увидеть тебя и попросить прощения.

Я уехала из страны — это было его условием. Десять лет прожила в Италии, начав с нуля свою жизнь. Но теперь достигла успеха и крепко стою на ногах. Поэтому уже не боюсь бросить ему вызов. Я приехала за тобой. Хочу увезти тебя в Италию. Хочу наверстать с тобой все упущенные годы. Ведь ты же поедешь со мной?

Влад посмотрел на мать. Лицо её было опухшим от слёз. Что он мог сказать ей? Он не был уверен в своём завтрашнем дне, не говоря уже о будущем.

— Мадам Моретти, — дверца в машину отворилась — это был охранник матери, — прошу прощения, но через полчаса вам необходимо быть на встрече. Нельзя опаздывать!

— Да, Давид, конечно, я понимаю, — отвлеклась она на охранника. — Влад, ты подумай над моим предложением. И завтра жду тебя в нашем загородном доме. Я пришлю водителя за тобой.

— Но отец...он...! — начал Влад.

— Об этом не беспокойся! Теперь он ничего не сможет мне сделать! — она обняла Влада и поцеловала в лоб, как всегда делала в детстве. — Поехали! — приказала она водителю, как только Влад покинул машину.

Истомин ещё долго провожал взглядом белый лимузин, уехавший в сопровождении эскорта из трёх машин с мигалками.

... - Ты уверен, что это она? — бросив газету на стол, спросил Истомин-старший у охранника, стоявшего как преданный пёс у ног хозяина.

— Точно, господин, это она. Посмотрите на фото в газете. Неужели не узнаете?

— Да как она посмела вернуться! Я же велел ей навсегда исчезнуть из этой жизни! —

Истомин с силой стукнул кулаком по столу, лицо его покраснело.

— В статье говорится, что её муж — Алессандро Моретти — известный итальянский бизнесмен и меценат. В Россию они приехали вместе с женой поддержать начинающего итальянского художника, устраивающего здесь свою выставку.

— Я знаю, кто такой Алессандро Моретти, этот человек известен и в криминальных кругах. И с ним лучше не связываться! Он нам не по зубам! — Истомин-старший ещё раз ударил по столу кулаком. — Ну, как она посмела! Эта стерва! Она обошла меня!

— Прошу прощения, — в дверь кабинета постучал другой охранник, — молодой господин вернулся. Вы же просили сразу доложить вам.

— Пусть зайдёт в мой кабинет! Немедленно!

— Понял, господин!

Через минуту Влад стоял напротив отца.

— Макс, оставь нас! — бросил Истомин-старший охраннику.

Тот быстро скрылся за дверью.

— Садись! — приказал отец Владу, показывая на стул напротив себя.

Влад подчинился.

— Ты видел её? — спросил отец, глядя прямо ему в глаза.

— Видел! — догадался, о ком речь, Влад.

— Что она тебе сказала? — подвинулся отец ближе к сыну.

— А что ты хочешь услышать?

— Ты знаешь, она бросила тебя десять лет назад! Чего же хочет теперь? Ты же не поверил ни одному её слову, так ведь, сынок?

— Сынок? Так ты меня назвал? Что-то на тебя не похоже! Больно ласково!

— Ты не ответил на мой вопрос! — говорил отец, уже повысив голос.

— А ты не ответил на мой! — решил поиграть с ним Влад.

— Ты же знаешь всю правду?

— Какую правду, отец? — ком стоял в горле Влада, ему было трудно говорить. — Правду о том, что ты никогда не любил ни меня, ни мою мать? От неё ты избавился, используя в качестве инкубатора. А меня готовил как своего приемника, боясь того, что некому будет оставить свой бизнес, — единственное, что тебя волнует в этой жизни! Ты хотел, чтобы я был таким же как и ты, — жестоким, равнодушным, бесчувственным! Ведь ты же этого хотел?! Чтобы я мог предать, подставить, убить без зазрения совести! Не так ли? Ты ведь не думал о том, что я чувствую, как я мучаюсь?! Ты же не думал о том, что я не хочу такой жизни?! — слёзы градом падали на щёки Влада, он говорил уже стоя, захлёбываясь этими слезами.

Отец встал с места, дал ему пощёчину.

— Ты это хотел услышать, отец? — продолжал Влад.

— Как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне! Я столько дал тебе в жизни! У тебя было всё — деньги, дорогие машины, личные охранники, власть над людьми. Ты никогда не работал. Ты жил и всем этим пользовался! А сейчас ты в чём-то обвиняешь меня! Разве ты не такой, как я?

— Нет, я не такой, как ты! Я не чудовище!

Отец дал Владу вторую пощёчину:

— Щенок! Нужно было утопить тебя ещё в детстве!

— Да, лучше бы ты это сделал! — Влад пятился к двери.

— Куда ты? Я тебя ещё не отпускал? — кричал отец, ещё больше краснея.

Влад повернулся к нему спиной и, не обращая на крики отца никакого внимания, направился к выходу.

— Остановить его? — спросил Макс, как только Влад хлопнул входной дверью.

— Не надо. Пусть катится ко всем чертям. Он уже отрезанный ломоть.

Через минуту «Ягуар» отъезжал от дома Истоминых. Влад был взволнован, слёзы не оставляли его. Он раздумывал над своей жизнью, над своей сломанной жизнью. И ему хотелось умереть в тот момент. Вот он разогнался и выехал на встречную полосу, несясь прямо на грузовик, ехавший на встречу.... Он был решительно настроен.... Несмотря на сигналы грузовика, Влад не сбавлял скорость, наоборот, нажимал на газ.... Ещё несколько метров и всё будет кончено.... Нет.... И здесь он струсил! В последнюю минуту вывернул руль вправо. Он остановился на обочине. Вышел из машины, сел возле неё на корточки и дал волю чувствам...

... - Вася, ну, пойдём погуляем, погода такая хорошая! — подружки наперебой пытались вытащить меня из дома.

— Девчонки, через три дня — последний экзамен. Я буду готовиться. Чего и вам советую! — я вновь уткнулась в книгу.

— Брось, можно подумать, ты ничего не знаешь. Тебе и готовиться не нужно — и так на «отлично» сдашь. Ну, пойдём в парк! — умоляли они.

Но я и не думала так просто сдаваться. Идти на улицу не было никакого желания — на меня опять напала невероятная скука! Я скучала по Тану, которого уже больше недели не видела. И, мало того, не чувствовала его присутствия рядом с собой...

— Вась, ну, пойдём!

— Нет! И это моё последнее слово!

Поняв, что им не удастся меня переубедить, мои верные подружки ушли, оставив меня одну.

Я смотрела в учебник по философии, но ничего не понимала, думая совершенно о другом.

В дверь постучали. Не успела и рот раскрыть, как дверь распахнулась, и на пороге я увидела странную картину. Облокотившись на открытую дверь, обнявшись и слегка покачиваясь, стояли Генка и Истомин.

— Что это значит? — я развела руками.

— Это Истомин! — ответил Генка.

— Вижу, что Истомин. Ему что? Плохо? — я подскочила к повисшему на Генке Истому со странным выражением лица.

— Думаю, ему очень хорошо, — улыбнулся Генка. — Он в стельку пьян!

— Кто? Истомин?

— Ну не я же!

Влад в этот момент выскользнул из рук Генки и развалился на полу возле двери.

— Боже мой, какой стыд! — я почувствовала, как покраснела. — А комендантша видела вас? Затаскивай его скорее в комнату! — суетилась я возле Генки.

— Нет, не видела. Она отошла на минутку. Я его и протащил.

— А зачем ты, вообще, притащил его сюда?

— А что я должен был делать? Он на лавочке лежал возле общаги и кричал твоё имя.

— Боже, какой стыд! — я чувствовала, что горю от стыда. — И что же теперь делать?

— Ничего! Что тут сделаешь! Пусть отоспится у вас, протрезвеет. А там видно будет!

— Он будет здесь до утра?

— А куда прикажешь его деть? Давай в коридоре его положим. Тогда, точно всем конец! Комендантша никогда к вам не заходит. Так что здесь он в полной безопасности.

— Но что я скажу девчонкам? И где он будет спать? А, если его ищут?

— Тебе не кажется, что у тебя слишком много вопросов? Ну, я пошёл.

— Подожди, помоги мне хотя бы на мою кровать его затащить. Не на полу же его оставлять.

Мы с Генкой взяли Истомина за руки-за ноги и положили на мою кровать. Генка ушёл, оставив меня наедине с тем, к которому я испытывала непонятные чувства. С одной стороны, я ненавидела его в свете последних событий, считая предателем и обманщиком. Но, с другой, мне он нравился, и я его искренне жалела из-за несчастной судьбы. Никогда не имевший любящего отца, в десять лет он лишился любви и матери. Что может быть хуже для человека! Я смотрела на спящего Истомина. Он улыбался, наверное, что-то снилось. Лицо его было добрым, наивным, как у ребёнка. Мне захотелось поцеловать его.... Я наклонилась ближе, дотронулась своими губами до его губ. В эту минуту он вдруг обнял меня обеими руками, так, что я, не ожидая этого, упала ему на грудь. Смутившись, поскорее попыталась выбраться из его объятий. Если бы девчонки вошли в ту минуту в комнату — разговору было бы на неделю.

К счастью, они вернулись ближе к вечеру.

— Что случилось?

— Кто это? Это Истомин? — удивлению их не было предела.

Света подошла к моей кровати ближе, наклонилась над спящим Истоминым:

— Он жив? — чуть слышно спросила подруга. — Что он делает в нашей комнате и в твоей кровати? — Света закрыла рот ладонями, представив, видимо, что-то неприличное.

— Он пьян. Генка нашёл его на улице возле общаги и притащил сюда. Что же касается моей кровати, то могу его на твою переложить, — я встала со стула и подошла к девчонкам.

— Нет, не стоит! — испугалась Света. — Но что теперь с ним делать?

— Ждать, когда проспится, — спокойно ответила я.

Зато у нас было весёлое занятие на вечер. Я пыталась всё-таки почитать философию. Девчонки же глаз не сводили с Истомина, который спал, как младенец, то и дело чмокая губами и бубня себе что-то под нос.

— Может, сфотографируем его, — предложила Света, — а то ведь никто не поверит.

Да, действительно, если бы кто-нибудь знал тогда, что в общаге в нашей комнате спит потерявший бдительность нетрезвый «принц», о котором мечтают все девчонки, наследник многомиллионного состояния, один из самых завидных женихов столицы, то, наверняка, многие бы не упустили своего шанса познакомиться с ним поближе.

Ночью я спала вместе со Светой. Если можно сказать про это мучение «спала». Кровать была слишком узкая, чтобы спать на ней вдвоём, да к тому же Света всю ночь толкалась так, что, удивляюсь, как вообще я не оказалась на полу. Только к утру задремала. Я чувствовала как яркий солнечный луч, нашедший небольшую щёлку в крепко задёрнутых шторах, светит мне прямо в глаза. И с каждой минутой свет этот становился всё ярче и ярче.

Не в силах больше выдерживать это, поднялась с места и пошла к окну. Проходя мимо кровати, где спал Истомин, задержалась около него. Он всё так же улыбался. Вдруг Влад зашевелился, потянулся. Я стояла возле кровати и не знала, что предпринять. В эту минуту он открыл глаза и увидел меня. Что было в его взгляде, описать словами сложно: удивление и дикий ужас.

— Василиса?! — каким-то писклявым голосом сказал Истомин, продолжая пялиться на мою пижаму с Микки Маусом.

Я же не могла и пошевелиться. Руками закрывала те места, которые обычно закрывают оказавшиеся в нелепой ситуации обнажённые девушки. Я совсем забыла, что была в пижаме.

— Но, почему я здесь? — Истомин ещё больше выпучил глаза. — Мы с тобой... — он показывал пальцем то на меня, то на себя, то на кровать, намекая на непристойности.

— Нет! — сказала я, вдруг опомнившись. — Ты в своём уме? Головой что ли ударился? Истомин потрогал голову:

— Не знаю. Я ничего не помню. Моя голова — она раскалывается.

— Надо думать — раскалывается! Ты вчера так напился, что на ногах стоять не мог!

— Кто? Я? Да я вообще не пью — как я мог напиться?

— Ну-ну. Вчера было заметно, как ты совсем не пьёшь!

— Но почему я здесь? В кровати с тобой?

— Ты дурак совсем? Ты не со мной! — я начинала выходить из себя. — Здесь куча народу, обернись!

От наших криков проснулись Света и Ольга, но продолжали сидеть на своих местах, не зная, как действовать дальше.

Истомин поднялся с кровати. Ну и видок был у него: брюки мятые, рубашка расстёгнута, на голове — «я у мамы вместо швабры», глаза опухшие. Вот бы сейчас его сфотографировать и на обложку в «Форбс» — подумала я, — тогда у многих бы девчонок исчез комплекс «недостойного вида по утрам».

— Здравьте! — поклонившись, выдал «принц».

— И тебе не хворать! — ответила Света. — Может, ты отвернёшься? Мы хотя бы оденемся!

— Да, да, конечно, извините! — «принц» был, однако, вежлив.

Девчонки быстро оделись.

— Вась, вы тут давайте решайте все свои проблемы, а мы с Ольгой пойдём на кухню чайник поставим, — Света взяла за руку оторопевшую подругу и утащила её за дверь.

— Какой красавчик! — повторяла та по дороге. Даже утром, даже непричёсанный, всё равно красавчик! А ты видела, какие у него кубики на животе? Надо было не теряться, хотя бы потрогать... — жалела об упущенной возможности Ольга. — Слушай, если кому сказать, что я спала в одной комнате с Истоминным, ведь не поверят же!

— Ты смотри, не ляпни кому! Знаешь, что с нами будет, если коменда узнает, что у нас ночевал парень. И не посмотрит, кто это был! Хоть принц Чарльз!

— Может, всё же объяснишь, как я здесь оказался? — Продолжал Истомин свой допрос, лишь только девчонки хлопнули дверью.

— Тебе лучше знать! — я смотрела прямо в его наглые глаза. — Что ты делал в нетрезвом виде возле нашей общаги?

Истомин сел на кровать, обхватив голову руками:

— Ничего не помню! Помню, как поссорился с отцом, ушёл из дома, сел в машину. Потом... дорога, грузовик, обочина... Потом ничего не помню! Постой, за мной должна же заехать мама! Мне нужно домой! — Истомин вскочил с места и бросился к двери.

— Стой! Ты не можешь так выйти! Тебя увидят.

— Что же делать?

— Нужно что-то придумать, — ответила я. — Но...твоя мама? Ты же сказал, она пропала десять лет назад.

— Я тоже так думал, — Влад улыбнулся. — Но она приехала за мной. И сейчас мне просто необходимо попасть домой.

У Истомина зазвонил телефон:

— Да, слушаю, — ответил он. — Кто? Понял. Зачем ты звонишь? — голос Влада стал вдруг грубым и резким, но глаза его выдавали. В них был тот блеск, который бывает, обычно, в минуты неподдельного счастья. — Я не дома в данный момент, в гостях. Давай встретимся в центре. Где? Там же, где вчера? Хорошо. Я понял. Буду там через час.

Истомин посмотрел на меня. Его глаза светились. Я даже не стала спрашивать, кто это звонил, и так всё было понятно.

Влад встал с кровати, быстрым шагом подошёл ко мне, обнял, чего я совсем не ожидала, поэтому на минуту потеряла дар речи.

— Спасибо за всё! — сказал Влад. — Спасибо, что простила меня! Сейчас мне нужно идти. Но мы обязательно с тобой ещё увидимся.

Потом мы со Светой, Ольгой и Генкой внедряли свой план «Вывод Истомина незамеченным из общаги». Генка выманил комендантшу в свою комнату, а мы быстро провели Влада к входной двери общежития.

Через несколько минут от подъезда отъезжал серебристый «Ягуар». Проходившие же мимо студентки, обращая внимание на шикарный автомобиль, даже не могли и подумать, что это «Ягуар» того самого Влада Истомина.

Вслед за «Ягуаром» отъехал от подъезда и чёрный тонированный пикап, хозяин которого провёл за рулём всю ночь, обдумывая свой план и ожидая появления хозяина машины.

Через пару часов Влад уже входил в тот заветный дом, переступив порог которого он чувствовал, что навсегда останется здесь.

— Сынок! — мама бежала ему навстречу. Она обняла его и со слезами на глазах принялась целовать, не в силах остановиться. — Проходи в дом, быстрее.

Влад вошёл внутрь. Дом был большим, как и у него, но здесь была совсем другая атмосфера — атмосфера уюта и покоя, семейного счастья и полной идиллии. Даже запах был каким-то родным, будто Влад бывал уже здесь раньше.

Мама подвела его большому круглому столу, накрытому как для встречи близкого гостя.

— Садись, будем завтракать. Я приготовила всё, что ты любишь. Точнее, — запнулась она, — все, что ты любил в детстве.

Влад посмотрел на стол. Там и правда, стояли все его любимые блюда. Горячие круассаны со сливочным кремом — вкуснее маминых круассанов он до сих пор нигде не встречал. Оладьи с малиновым вареньем, «весёлая глазунья», как он называл её в детстве, с глазками из желтков и выложенных улыбкой сосисок. Сколько ни пыталась после ухода матери готовить её домработница Алевтина, он никогда к ней больше не притронулся.

— Вот возьми! — протягивал мама ему стакан молока. — Кипячёное с пенкой, как ты любил, — она улыбнулась. — Или теперь ты пьёшь кофе? — на глазах её показались слёзы.

— Мамаааа!!! — Влад бросился к ней на шею и разрыдался.

Так они просидели несколько минут вдвоём. Мама гладила его по волосам и целовала как в детстве. Влад же почувствовал себя счастливым первый раз за десять лет.

— Госпожа Ольга! — идиллию нарушили слова горничной. — Господин звонил, сказал, что будет через пятнадцать минут, и ещё госпожа Стефания проснулась.

— Скажи ей, Мари, пусть спускается к столу.

— Хорошо, госпожа.

— Госпожа Стефания? — поднял на маму глаза Влад.

— Твоя сестра.

— У меня есть сестра?

— Не по крови. Это дочь моего мужа. Её мать погибла в аварии, когда ей было тринадцать, и я её воспитала, как родную. Тебе она понравится. Стефания очень добрая, и всего на два года младше тебя. Поэтому я настаиваю, чтобы вы с ней подружились, — Мама чмокнула Влада в щёчку и прошла на кухню.

Влад остался в гостинной. Он вздохнул полной грудью воздуха, который казался ему таким родным, таким близким и потому таким притягивающим.

— Привет. Ты кто? — услышал он женский голос, доносившийся откуда-то сверху.

Влад обернулся. По лестнице спускалась молоденькая девушка. Скорее, она была похожа на ребёнка. Белые кудряшки волос, заплетённые в два смешных хвостика, подпрыгивали при каждом её движении. Она была невысокого роста и очень худенькой — как Дюймовочка из сказки.

Дюймовочка подбежала к столу, села напротив Истомина, и больше ничего не сказав, взяла круассан, стакан молока, которое мама только что предлагала Владу и, не обращая никакого внимания на удивление последнего, принялась есть, закатывая свои голубые огромные глаза с длинными, будто накрашенными ресницами, от удовольствия.

— Всё-таки вкуснее маминых круассанов ничего нет. Согласен? — наконец, посмотрела она на своего собеседника. — Ты не пробовал ещё? Держи, угощайся, — протягивала она Владу круассан.

Влад не знал, что и сказать. Такую дерзость он встречал впервые.

— Ну, чего застыл? Бери, пока дают! — продолжала наглая девица. — Дай угадаю! Ты, наверное, Влад — мой старший братишка. Ха-ха-ха, именно таким я тебя и представляла — таким мачо с гелевыми волосами и большими амбициями.

Влад язык проглотил от такой наглости. В гостиную вошла мама.

— А, познакомились уже, — улыбнулась она. — Стефания, это Влад — мой сын, Влад, это Стефания — дочь моего мужа Алессандро. Надеюсь, вы подружитесь.

Влад смотрел на свою новоиспечённую сестру — только её ему ещё и не хватало!

В дверь позвонили. Зашёл седовласый высокий мужчина в строгом чёрном костюме. Влад сразу узнал его — много раз видел на фотографиях в бизнес-журналах. Ведь всякий уважающий себя бизнесмен должен знать «своего брата» в лицо.

— Добрый день, Влад! — подошёл мужчина к столу и протянул свою руку для пожатия. — Очень рад тебя видеть. Много слышал о тебе.

— Здравствуйте! — Влад встал с места и пожал руку. — И я много раз слышал о вас. Алессандро Моретти эталон для подражания для многих московских бизнесменов.

— Ну, ладно! Ты преувеличиваешь! — улыбнулся хозяин дома. — Я рад, что вся семья в сборе. Можно, наконец, позавтракать. Хотя время уже ближе к обеду, — ещё раз улыбнулся он.

Глава одиннадцатая «Свидание»

Вот и наступил долгожданный день — последний экзамен летней сессии.

Несмотря на предстоящее волнение и недовольное, как обычно, лицо Глафиры Аркадьевны — нашего преподавателя по философии, все присутствующие были в прекрасном настроении, даже в воздухе витало какое-то чувство удовлетворения, оставляя во рту сладковатый привкус, как от только что съеденной шоколадной конфеты.

Герман Петрович, как наш куратор, пришёл поддержать нас в нашем последнем «бою».

— Товарищи студенты, напоминаю вам, что в эту субботу состоится двухдневный поход с ночёвкой в связи с окончанием первого курса университета, — сказал он.

Герман Петрович был хоть и в возрасте, но отличался невероятной любовью ко всему, что касается здорового образа жизни: будь то катание на лыжах, сплавление по реке или простой поход, но обязательно с ночёвкой на свежем воздухе.

Вот и сейчас он вместе с нашим физруком Игорем Олеговичем задумал походом отметить окончание первого курса универа.

— Ура!!! — раздалось со всех сторон.

— Не забудьте взять с собой спальные мешки, — продолжал профессор, — тёплые носки и всё, о чём мы говорили. Ровно в 9:00 жду вас на Киевском вокзале. И не опаздывать! Поезд ждать не будет! Всем ни пуха, ни пера! Надеюсь, все пройдут последний бой. А я спешу откланяться, с вашего позволения.

Его проводили свистом и аплодисментами.

— Ты заметила, что Дубровина сегодня тихо себя ведёт? — шепнула мне Света. — Слышала, Истомин переехал жить к матери. И свадьбу, разумеется, отменили. Вот она и помалкивает.

Я посмотрела на Алину, стоящую рядом с подругами у окна, и мне стало жаль её. Она казалась такой несчастной в тот момент.

— И не думай даже жалеть её! — будто прочитала мои мысли Света. — Знаю тебя, мать Тереза, бросишься сейчас её успокаивать. А эта гадука стоит сейчас и думает, наверняка, на кого бы свой яд выплеснуть, посмотри на неё — так и пожирает Брэда Питта глазами.

— Зря ты так, Света, может, она, действительно, переживает.

— Кто? Дубровина? Я тебя умоляю!

На редкость спокойный сегодня был и Стрельцов. Они с Грибановым, Ежовым и ещё с несколькими ребятами стояли возле окна и читали философию, что на них было не похоже. Может, сегодня опять какие-нибудь магнитные бури, — подумала я.

Сева Макарский был опять со своей новой девушкой, чем, естественно, задевал свою бывшую, которая, казалось, свернёт шею от постоянного оглядывания назад.

В общем, были ли бури в тот день или их не было, не известно. Но экзамен сдали все, получив, разумеется, свои заслуженные оценки.

— Ура! — кричала Света, подпрыгивая подскоками и целуя зачётку, лишь только мы вышли на улицу.

— Вот и сессия кончилась, — как-то грустно произнёс Генка. — Сходим в поход, а

потом все разъедутся.

— Да, немного грустно, — поддержала я его, — но ведь это ненадолго, всего-то два месяца!

Я осмотрелась вокруг. Июнь подходил к концу. Зелень деревьев уже не радовала глаз так, как два месяца назад, став привычной картиной. Солнце, находившееся в зените, как всегда припекало. Несмотря на обыденность пейзажа, я почувствовала, как тепло обволакивает всё тело, заставляя ёжиться от удовольствия, которое я испытывала в ту самую минуту.

— Слышал, наши сегодня все идут в боулинг отмечать окончание сессии, — начал Генка.

Мы со Светой переглянулись.

— Нет, — спохватился тот, — я не предлагаю идти вместе с ними, но, может, тоже сходим куда-нибудь втроём: в кино или в кафе-мороженое? Как вы на это смотрите?

— Я смотрю на это отрицательно! — вдруг неожиданно сказала Света. — Думаю, Гена, мы уже сейчас с тобой пойдём в кафе-мороженое, но вдвоём...

Генка оторопел, да и я, честно говоря, не ожидала от Светы такой смелости. Посмотрела на подругу — она дёргала головой, явно, пытаясь мне что-то показать. Я повернула голову в ту сторону и не поверила своим глазам. Земля ушла из-под ног, сердце бешено забилось, голова закружилась — все эти заезженные выраженьица не могут объяснить того, что я, действительно, испытала в тот миг. В стороне, в нескольких шагах от нас стоял тот, от одного имени которого меня бросало в жар.... Тан...

Поняв, что я, наконец, увидела его, он улыбнулся и направился в нашу сторону.

— Гена! — тянула Света за рукав не менее оторопевшего Генку, который никак не хотел сходить с места. — Пойдём! А то мороженое всё без нас съедят.

— Что? Куда? — вдруг опомнился всё ещё сопротивляющийся Генка.

Но по сравнению со Светой силы у них были не равны, и очень скоро я осталась в одиночестве.

Я не могла оторвать глаз от Тана, направляющегося в мою сторону. Его движения были как на замедленной плёнке. За минуту успела разглядеть каждый миллиметр на его лице, каждую складочку на его чёрных блестящих брюках, каждую ниточку на его белоснежной рубашке. Мне казалось, прошла не минута, а целый час, пока он дошёл до меня.

— Привет! — я слышала, как дрожал его голос. — Тебя можно поздравить с успешным окончанием сессии! — он попытался улыбнуться. — Все пятёрки?

— Да... — единственное, что могла я ответить — язык-предатель так и застыл на месте.

— Хочу поговорить с тобой, — продолжал Тан.

— Да... — повторила я.

— Не здесь. Вечером, в восемь, буду ждать тебя около подъезда общежития.

— Террористы заложили бомбу или грядёт апокалипсис? — спросила я.

— Не совсем, — улыбнулся Тан, поняв мою шутку. — Узнаешь вечером, — он улыбнулся и ушёл.

А я так и осталась стоять посередине тротуара, не понимая: сон это или реальность.

Света, которая ещё не успела далеко уйти, подбежала ко мне.

— Света, это сон? Ущипни меня! — попросила я подругу.

— Если это и сон, тогда мы спим вместе, — ответила та и протянула ко мне свою руку.

— Ай! Больно же!

— Сама же просила ущипнуть.

— Ну не так же сильно!

— Что сказал Тан?

— Пригласил меня на свидание.

— Ура! Как я рада за тебя, подруга! — Света принялась прыгать вокруг меня. — А почему у тебя лицо такое, будто лимон съела?

— Боюсь, что не доживу до восьми вечера. Потрогай, как сердце бьётся! — я взяла Светину руку и приложила к своей груди.

— Да, сейчас точно выпрыгнет. Ладно, бежим скорее домой, нужно выбрать, в чём ты пойдёшь на свидание.

Мы были так заняты разговором, что не заметили подошедшего к нам Генку:

— А как же я? А как же мороженое?

— Гена! — сказали мы в один голос, строго посмотрев на него.

— Всё понял! Мне опять облом! И вот так всегда! — обидевшись, произнёс тот.

— Света! Я так счастлива! Сегодня самый счастливый день в моей жизни! — кричала я, подскоками прыгая по мостовой, не стесняясь прохожих, оборачивающихся мне в след. — Я и не думала, что человек может быть настолько счастлив! Ты знаешь, я, кажется, умру от счастья!

— Зачем же умирать? Будь счастлива!

— Но мне кажется, что так не бывает в жизни! У меня ощущение, будто всё происходит не со мной!

... - Ты уходишь? — вопрос застал врасплох Влада, наклонившегося зашнуровать ботинки.

Он поднял глаза. Это была она — его новоиспечённая сестрёнка.

— Да. Мне нужно выйти — есть важное дело! — грубо ответил Влад, которого его новая родственница, честно говоря, раздражала.

— Но мы же договорились, что ты покажешь мне сегодня город.

— Не сегодня. В следующий раз!

— Нет! Так нельзя! Ты обещал сегодня.

— Слушай, малявка, ещё одно слово и я... — Влад пригрозил пальцем.

— И что ты? Что ты мне сделаешь? И никакая я тебе не малявка. Мне восемнадцать скоро будет. Ясно?

— В чём проблема? Что случилось? — на шум в коридор вышла мама — госпожа Ольга.

— Мама! — подбежала к ней Стефания. — Влад обещал мне показать город, а сам куда-то собирается.

— Да, Влад, я тоже вчера слышала, что ты обещал Стефании показать Москву. Поэтому ты должен сдержать свое обещание. Все дела — потом!

— Боже! Вы сговорились что ли! — Влад схватился за голову.

Мама и Стефания стояли напротив него, сложив на груди руки, ожидая, когда он сдастся.

— Может быть, ты ей покажешь? — обратился Влад к маме.

— Вот у меня сейчас как раз очень важное дело, — ответила та. — Хочу навестить одного старого знакомого.

— Ладно, мелкая, пошли! — махнул он сестре рукой.

— Ура! — запрыгала Стефания и захлопала в ладоши, точь-в-точь как ребёнок, на что Влад усмехнулся.

— Но, сразу предупреждаю, — сказал он, лишь только входная дверь за ними закрылась, — будешь меня доставать — высажу. Усекла? — посмотрел он строго на сестру.

Та, открывая пассажирскую дверь «Ягуара», кивнула головой.

— Боже мой! И за что мне это наказание! — продолжал сетовать Влад, садясь за руль. — Куда поедем?

— Я хочу увидеть все достопримечательности. Может, начнём с Красной площади?

— Всё-то ты знаешь! — кривлялся Влад. — Вот, если бы ещё по-русски не говорила, было бы спокойнее. Кстати, откуда ты так хорошо знаешь русский?

— Моя мама была русская. Её родители эмигрировали в Италию, когда маме было десять.

— Ну, теперь всё понятно. Красная площадь — так Красная площадь. Пристегнись! И помни своё обещание! — Влад посмотрел на сестру.

Она же жестом застёгивающейся молнии на губах дала понять, что своё обещание сдержит.

Мама Влада отправилась вслед за ними, садясь в открытую водителем дверь своего лимузина.

Через час она уже стояла напротив человека, встречи с которым ждала все эти годы не меньше, чем встречи с сыном.

— Что тебе нужно? — сдвинув брови, спросил Истомин-старший.

— Хотела посмотреть на тебя! — усмехнулась она.

— Ну и как? Посмотрела?

— Посмотрела! — ответила Ольга. — Ты добился в жизни всего, чего хотел! На старости лет остался один: без родных, без семьи, без друзей. Твои шакалы загрызут тебя сразу, как только им предложит кто-нибудь больше. Сын тебя ненавидит. А я... — она запнулась. — Мне жаль тебя!

— Не нужно меня жалеть! — крикнул ей Истомин. — Раз это всё — убирайся! — он показал пальцем на дверь.

— С превеликим удовольствием! — улыбнулась та и направилась к выходу.

Ольга чувствовала облегчение. Сколько раз она представляла себе эту встречу. Как ненавидела этого человека. Но, увидев, поняла, что он достоин только жалости!

— Макс! — на Истомине не было лица. Он поднялся с места, одной рукой перевернул стол, с которого с грохотом полетело на пол всё его содержимое. Он понимал, что бывшая жена права. И от этого был в ярости.

... - Василиса, хватит уже мельтешить перед глазами! Ты раздражаешь! — Света сама нервничала.

— Не могу перестать. Меня всю трясёт! — продолжала я ходить из угла в угол.

— Ты подумай о чём-нибудь хорошем, — вмешалась в разговор Ольга, — тогда успокоишься.

— Да куда уже лучше! — ответила ей Света. — Самое её хорошее через пятнадцать минут будет стоять под нашими окнами. А она ещё не знает, в чём идти.

— Я предложила ей своё платье в красный горох, но она отказывается! — обиженным голосом продолжала Ольга.

— Василиса, да одень ты уже Ольгино платье и не думай.

Как же они не могли понять, что мне было всё равно, какое платье на мне будет: в красный горох или в жёлтый цветочек. Я думала совершенно о другом. Про себя ещё и ещё раз повторяла слова, которые, во что бы то ни стало, должна была сегодня сказать ему. Главное — не струсить и ничего не забыть.

Коленки мои предательски тряслись, сердце колотилось. Такое чувство я испытывала впервые. Даже перед экзаменами не было так страшно. Было ощущение, что сегодня решится вопрос жизни и смерти — не меньше.

— Василиса, время восемь! — как приговор зачитала Света.

— Да? Уже? Так быстро? — я всё ещё боялась поверить в это. — Ну, девочки, пошла.

— Куда? Прямо в джинсах и в этой старой футболке? Ты в своём уме? На свидание к парню, который тебе нравится? — Света вскочила с места и перегородила дорогу.

— Свет! — крикнула Ольга. — Оставь ты её! Она и так сама не своя!

— Нет, чтобы надеть красивое платье, подкраситься, сделать причёску! — негодовала Света, как только входная дверь за мной закрылась. — Ведь на свидание же идёт!

— Вот, может, это наш с тобой промах! — подошла к Свете Ольга и обняла её за плечи. — Может, так и нужно? Относится к этому проще! И ходить на свидание не как на праздник!

— Да где они — свидания-то? Хоть бы кто пригласил разок.

— А ты сама пригласи!

— Как сама? Разве это правильно? А, если откажется?

— А ты пригласи так, чтоб не отказался! — улыбалась Ольга.

— А знаешь, может, ты и права! Как там говорят: если гора не идёт к Магомеду...

— То Магомед идёт к горе, — продолжила Ольга.

— Надо хорошенько всё обдумать! — закончила Света. — Чья у нас сегодня очередь ставить чайник?

Не знаю, кто из нас с Таном был горой, а кто Магомедом.... Он уже ждал меня....

Трясущимися ногами я подошла к объекту моих желаний и мечтаний, боясь даже взглянуть на него, всё ещё не веря, что это не сон.

Не было никаких «Ты сегодня замечательно выглядишь...», «Какая прекрасная погода...», «Куда пойдём?..» — предложений, с которых обычно и начинаются все свидания. Тан просто взял меня за руку, от чего мои колени затряслись ещё сильнее, и усадил в машину. Я же даже не стала спрашивать: куда мы? Мне было всё равно. С ним я была согласна хоть на край света. И чем дальше, тем лучше. Не было ни беспокойства, ни страха. Было лишь желание. Одно огромное желание — остаться с ним наедине.

Всю дорогу мы ехали молча. Тан смотрел вперёд, ни разу не взглянув на меня. Я же посматривала на него тайком, не в силах удержаться. При этом я чувствовала.... Даже не могу объяснить, что я чувствовала.... Мне хотелось раствориться в нём в ту самую минуту, слиться с ним, став одним целым...

Я слышала, как сильно колотилось сердце Тана. Моё тоже билось в такт его.

Через какое-то время мы остановились. Место я узнала — это был его дом, я была здесь тогда, когда он обрабатывал мне царапины.

Тан открыл пассажирскую дверцу и протянул мне руку. Я подчинилась. И, если тогда у меня было беспокойство и колебание, то сейчас я приняла это абсолютно спокойно. Ни один мускул на лице не дрогнул. Выдавали меня только колени.

— Хочу показать тебе кое-что, — наконец, сказал он, улыбнувшись.

Улыбка его прибавила мне уверенности. Я взяла его за руку и вышла из машины. Мы направились к подъезду.

Швейцар уже ждал, приглашая нас войти в лифт.

— Не бойся, — уже в лифте как-то неловко сказал Тан, — я не сделаю тебе ничего такого, чего ты сама не хочешь.

Не знаю точно, что он имел в виду, но о том, чего хотела я, было стыдно даже подумать.

Тан нажал не тридцать четвёртый этаж, как в прошлый раз, а тридцать пятый.

— Куда мы? — не выдержала я.

— Сейчас увидишь.

Мы вышли на последнем этаже. Наверх вела ещё одна небольшая лестница.

— Не бойся. Доверься мне! — он протягивал мне руку.

Если бы он только знал, что я давно доверила ему и свою душу, и своё тело — всю себя без остатка.

По лестнице мы поднялись ещё на один этаж выше. Там была только одна дверь. Тан вынул ключ из кармана, отпер её и предложил войти. Я не сопротивлялась.

Войдя внутрь, сначала подумала, что оказалась в каком-то помещении с великолепными декорациями. Потом поняла, что это были вовсе не декорации — это была реальность. Но реальность сказочная! Мы оказались на крыше. На крыше тридцати пятиэтажного дома. Она была оборудована под летнюю веранду: везде были высокие бортики, навес, плитка на полу, где стояли живые цветы в огромных керамических горшках. И весь город был как на ладони.

— Какая красота! — я потеряла дар речи от увиденного.

— Прошу пожаловать на мой балкон, — сказал Тан, подойдя ко мне ближе. — Красота будет тогда, когда стемнеет. Я прихожу сюда всякий раз, когда мне грустно или, наоборот, радостно, и люблюсь красотой ночного города, которую, знаю точно, ты ещё не видела.

— А сейчас тебе грустно или радостно? — спросила я.

Тан сделал вид, что не слышал моего вопроса. Я заметила, это было у него в привычке.

— Ты голодна? — спросил он.

Только тут я обратила внимание на накрытый стол под небольшим навесом. Стол был явно на двоих. На столе стояли свечи, шампанское, два бокала на высоких ножках, фрукты, шоколад и ещё много всего.

— Прости, я не мастер в ухаживаниях за девушкой...

— Нет! — оборвала я его. — Всё прекрасно!

— Присядем? — предложил Тан, подойдя к столу и выдвигая стул.

Он сел напротив меня, открыл бутылку шампанского и разлил по бокалам.

— За встречу! — сказал Тан и протянул мне свой бокал.

— За встречу! — повторила я.

Лишь только отхлебнув, почувствовала, как тепло разливается по всему телу, немного закружилась голова. Шампанское, видимо, придало мне храбрости.

— Расскажи о себе! — неожиданно для самой себя попросила я Тана.

Он растерялся:

— Что ты хочешь знать?

— Всё! — ещё больше осмелела я. — Хочу знать о тебе всё!

Тан молчал.

— Судя по книге, тебе пятьсот лет, — продолжала я. — Но на вид тебе двадцать.... Как такое возможно?

Я посмотрела на Тана. Его волосы развевались на ветру, то открывая, то закрывая безупречные черты. Ему и правда, было не дать больше двадцати. Небольшая щетина, покрывавшая подбородок и щёки, не придавала возраста, как обычно бывает, а только мужества. В глазах его можно было утонуть. В них было столько чувств и эмоций, казалось, они жили своей жизнью. А губы были такими притягательными! Я смутилась.

Тан поднялся с места, подошёл к самому краю крыши и начал свой рассказ:

— Я очень устал. Уже пятьсот лет мне двадцать. Многие бы позавидовали моей судьбе: сколько всего в жизни можно перепробовать, сколько переделать. Я объездил все страны. Я выучил все языки. Я познал все науки. На моих глазах сменялись века. Я наблюдал за тем, как из ничего вдруг вырастали огромные мегаполисы. Я имею всё, о чём люди мечтают: молодость, богатство, бессмертие. Но не знаю самого главного, что такое счастье. Я плакал от боли, от обиды, от разочарования, но мне не удалось испытать счастливые слёзы. И я мечтаю только об одном: сидеть возле дома на берегу моря рядом с любимой и наблюдать, как мои дети, падая и вновь поднимаясь, делают свои первые шаги, и быть уверенным, что им не уготована такая же судьба, как их отцу.

Ты читала мою историю. Знаешь, что моя мать была сбежавшей от казни наложницей султана. Знаешь, где она встретила моего отца. Знаешь и как предала. Ты знаешь обо мне всё. Что ты хочешь знать ещё?

Я жил во дворце, потому что султан смиловался надо мной, считая себя виновным в смерти моей матери. Но я не был счастливым ребёнком, как любой в детстве. Я был одиноким, отчуждённым — я был изгоем. И не понимал, что со мной не так. Не понимал, почему я не такой, как все. В день моего двадцатилетия ко мне пришёл монах. Он сказал то, чему я долго не хотел верить. Он ответил на все вопросы, которые мучили меня. Самым страшным, как ни странно, были его слова о том, что теперь мне всегда будет двадцать, — Тан усмехнулся и повернулся в мою сторону. — Как видишь, он не ошибся.

— Я знаю, как умер твой отец... — я остановилась, — но в книге ничего не сказано о смерти мамы, — и увидела отблески слёз в глазах Тана.

— В тот день рядом с младенцем в ущелье лежала записка, где мать просила прощения за предательство. Она говорила, что, даже узнав о сущности моего отца, продолжала его любить. Поэтому не смогла убить и его дитя, которое наполовину было чудовищем. Она умоляла монаха об одном — сделать всё для того, чтобы её сын не был таким одиноким, как его отец.

Я увидела, как Тан вытер со щеки слезу. Слёзы наворачивались и у меня.

— Монах, — продолжал Тан, — нашёл мою мать под тем самым утёсом, где они впервые встретились с отцом...

Я была готова разрыдаться. Я чувствовала, с какой болью рассказывал Тан свою историю. В ту минуту еле сдержала себя, чтобы не броситься к нему на шею и успокоить в своих объятьях.

— И что ты сделал потом?

— Я не верил в своё бессмертие и предпринимал много попыток, чтобы доказать обратное. Но ничего не выходило: сук, на котором привязывал верёвку, ломался подо мной;

падая с обрыва, приземлялся, как птица; рана от удара прямо в сердце, затягивалась через минуту. Я испытывал только сильную боль.

— И что было дальше?

— Тот монах был другом моего отца. Он сказал, что отец был последним из бозкуртов, всех остальных уничтожили враги. Отец не делал никому зла, он никогда не вмешивался в судьбы людей, а просто охранял свой лес. До тех пор, пока не встретил мою мать.... Его мечта стать человеком...погубила его...

Тан остановился.

— Ты тоже... можешь стать человеком? — еле слышно спросила я.

Он промолчал. Я подумала, не стоит задавать этот вопрос ещё раз.

Встала с места и подошла к нему поближе. На улице уже смеркалось. И я увидела ту красоту, о которой говорил Тан. Но не она сейчас меня волновала.

— Когда твои глаза светятся? — я подошла почти вплотную к нему.

— Они светятся, когда превращаюсь, — он тоже не сводил с меня взгляд, — а моя сущность выходит тогда, когда я в гневе или дорогой мне человек в опасности.

— Если спрыгну с крыши, я увижу это?

— Ты же не собираешься этого делать?

— Но я хочу увидеть!

— Зачем?

— Этот янтарный свет — самое прекрасное, что я видела в жизни. И вообще, должна тебе сказать... — я замолчала.

Подошла ещё ближе к Тану — он стоял, не шелохнувшись. Я поднялась на носочки, и моё лицо оказалось так близко к его лицу, что почувствовала щекотание на щеках от его щетины. Я закрыла глаза, и мои губы сами потянулись к его губам. Остановить их было не в моих силах. Через секунду наши губы слились. То ли от выпитого шампанского, то ли от того дивного аромата леса, привкус которого я ощутила и во рту, моя голова закружилась. Я почувствовала, как та самая армия бабочек, которая появляется лишь стоит Тану ко мне приблизиться, всегда удерживаемая мной, вдруг вырвалась наружу. Я сама почувствовала себя бабочкой, будто оторвалась от земли и повисла в воздухе, стоило лишь Тану положить руки мне на талию. Наши тела соприкоснулись. Моя дрожь передалась и Тану. Эта дрожь была самым прекрасным чувством, которое я когда-либо испытывала. Я открыла глаза и увидела вокруг нас непонятные серые пятна, которые хаотично передвигались. От них на крыше стало темно. Это были мотыльки. И с каждой секундой их становилось всё больше и больше. Я подумала, это галлюцинации от счастья. Но Тан, наверное, тоже их увидел. Потому как в ту самую минуту он отскочил от меня и стал оглядываться по сторонам. Мотыльки начали исчезать.

— Что это? — спросила я, увидев его испуганное лицо.

— Тебе лучше уехать! — ответил Тан. — Я отвезу тебя.

— Но ведь ещё так рано!

— Для тебя может быть опасно оставаться здесь!

Он взял меня за руку и потащил к двери. Я не могла сопротивляться.

Через какое-то время мы были уже у подъезда общежития.

Я так хотела признаться Тану в своих чувствах, но опять не смогла это сделать — опять не хватило смелости. Как я ненавидела себя в ту минуту!

— Тебе пора! — сказал он, даже не посмотрев в мою сторону.

— Мы увидимся? — боясь услышать ответ, спросила я.

— Возможно.

Я не стала больше мучить ни себя, ни его — на сегодня впечатлений и так было достаточно. Открыв дверцу машины, вышла.

Тан же не стал долго ждать. Сорвавшись с места, чёрный «Бентли» слился с потоком машин.

В раздумьях я направилась к подъезду. И не сразу заметила того, кто перегородил мне дорогу.... Подняла глаза.... О нет! Только не это! Передо мной стоял Истомин.

— Так ты была с ним? Это он — та подружка, с которой ты вышла. Не так ли? Это был Тан Алтар? Это ведь его «Бентли»?

— Влад! Что ты здесь делаешь? — выяснять с ним отношения у меня не было никакого желания.

— Жду тебя. Девчонки сказали, ты вышла ненадолго с подружкой. Это долго длится уже три часа. Это ведь был Тан? Ответь мне. Что у тебя с ним? Вы были вместе? Ты с ним уже...? — он не договорил.

— Влад, я так устала! — пыталась я избавиться от Истомина. — Давай поговорим завтра!

— Если ты не хочешь со мной говорить, поговорю с ним! — Влад направился куда-то.

— Нет, Влад! Стой! Не надо, прошу. Давай поговорим! Я всё расскажу тебе. Влад! — зря я кричала — Истомин уже ничего не слышал, отъезжая от подъезда на своём «Ягуаре».

Тан зашёл в квартиру, потрепал за ухо встречающего его на пороге пса:

— Что, Каан, соскучился, брат?

И сел на диван. То, что творилось в его голове в этот миг, трудно описать словами. Перемешалось всё. Перед ним, то возникал образ монаха со словами: «Ты можешь стать человеком, только если встретишь настоящую любовь...», то монах вдруг исчезал, уступая место Василисе: «Я должна тебе кое-что сказать...» и тот поцелуй... Вкус её губ Тан ощущал до сих пор. Он пальцем дотронулся до своих, будто не верил, что это всё же произошло. Тан закрыл глаза, ещё и ещё раз вспоминая это мгновение.

Котёнок, которые уже немного подрос после той истории со спасением, нарушил его сладостные воспоминания. Тан погладил его:

— И ты здесь, дружище! Не знаю, что мне делать. Может, посоветуешь? Считаешь, она меня любит? Думаешь, можно полюбить такого, как я? Может, эти мотыльки и были тем предзнаменованием, о котором говорил монах.... Я уже видел их раньше, но это было так давно...

Котёнок, ничего не понимая, тёрся о ноги хозяина, благодарный за спасение, за кров, за компанию.

Вдруг раздался телефонный звонок. Тан подошёл к столику, где стоял телефон, снял трубку:

— Да! Я слушаю. Кто? Нет, не нужно вызывать охрану. Пустите его. Да. Не волнуйтесь. Всё в порядке.

Он положил на место трубку и пошёл открывать входную дверь.

Через минуту на пороге квартиры стоял его главный соперник, который ненавидел его с той самой первой встречи в «Махаоне». Истомин тяжело дышал — было видно, он торопился. Внешний вид его тоже желал быть лучшего: растрёпанные волосы, выехавшая из-

под брюк рубашка. Но взгляд его был уверенным, даже, можно сказать, слишком уверенным и непоколебимым.

— Что тебе нужно? — спокойным голосом спросил Тан.

— Нет. Это тебе что нужно? — в голосе Истомина были ноты сарказма.

— Это же ты пришёл ко мне. Поэтому мой вопрос куда уместнее! — спокойствию Тана можно было позавидовать.

— Я хочу, чтобы ты оставил Василису в покое! — выделяя ударением каждое слово, ответил Истомин.

— У тебя есть причины на подобное заявление?

— Василиса — моя девушка! — выпалил Влад на одном дыхании.

— Да? Она мне об этом не сказала.

— Она жалеет тебя, поэтому и промолчала.

— Жалеет? Я что — такой жалкий?

— А разве нет? Ты одинок! У тебя нет друзей! Нет родственников! Нет увлечений!

— Смотрю, ты меня хорошо знаешь! Всю информацию собрал обо мне?

— Василиса — очень добрая девушка и всегда готова прийти на помощь. Но ты ей не нужен! Она не будет с тобой счастлива! Поэтому, не держи её!

— А с тобой она будет счастлива? — голос Тана вдруг изменился.

— Да! Сделаю всё для этого! — обещающе ответил Истомин.

— Я не удерживаю её, ты ошибаешься, — Тан отошёл от двери, став спиной к Истомину.

Тот последовал за ним.

— Зачем же ты ищешь с ней встреч? Зачем беспокоишь её? Подумай, ведь она не нужна тебе!

— А если это не так? — Тан развернулся к Истомину и заглянул в его глаза.

Владу стало не по себе от этого взгляда.

— Хочешь сказать, ты любишь её? — еле слышно спросил Истомин.

— А если вдруг?

Влад растерялся:

— В таком случае, предупреждаю тебя, что не отдам её! И буду за неё бороться! Ты ещё не знаешь, на что я способен! — сказав это, Влад развернулся и вышел из квартиры.

Тан закрыл дверь. Глаза его светились. Он стукнул рукой об стену и зарычал так, что пёс и котёнок поспешили скрыться из виду от греха подальше.

Тан сел на диван, обхватил голову руками. Он всё ещё не мог успокоиться. Глаза его оставались ярко-зелёными, во рту бельмом мелькнули клыки. Вновь послышалось рычание. Тан рукой сбросил со столика всё его содержимое и стукнул по столу так, что тот раскололся на две части.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким несчастным. Ему хотелось разнести всю квартиру. Ему хотелось догнать своего обидчика и свернуть ему шею. Но он понимал, что должен успокоиться и взять себя в руки, иначе недалеко и до беды. Тан начал глубоко дышать, и постепенно глаза его потемнели, обретя свой прежний чёрный цвет. Потом ещё несколько минут он сидел неподвижно, опрокинувшись на спинку дивана.

Слёзы катились из его глаз. Он размышлял над словами Истомина. А что, если тот прав. Тан не может разрушить жизнь Василисы. Он не вправе подвергать её опасности. А что, если она и правда лишь жалеет его. Порой он и сам чувствует себя жалким и несчастным.

Нет, точно! Она не любит его! Это всего лишь жалость к полукровке, обречённому на такое мучительное существование.

Он должен прекратить всё это! Он должен исчезнуть навсегда!

... - Ты сегодня поздно. Что-то случилось? — присаживаясь рядом с Владом на диван в гостиной, спросила мама.

— Почему ты так решила? — Влад обернулся к ней.

— У тебя грустные глаза. Расскажи мне, может быть, смогу тебе помочь.

— Вряд ли тебе это удастся.

— Это девушка? Да?

— Как ты догадалась? — Влад удивился.

— Несмотря на то, что глаза грустные, они светятся. А светиться глаза могут только у влюблённого человека.

— Откуда ты всё это знаешь? — Влад улыбнулся первый раз за весь день. — Её зовут Василиса.

— Красивое имя. Ты её так сильно любишь? — продолжала мама.

— Эта девушка помогла мне в трудную минуту моей жизни. Она не позволила мне сломаться. За что я ей очень благодарен.

— Ты не ответил на мой вопрос: ты любишь её?

— Думаю, да.

— Значит, всё же не уверен, — покачала мама головой.

— Я люблю её! Поэтому не знаю, как поступить. Хочу поехать с тобой, но, в то же время, не могу её оставить. Ты же понимаешь меня? — Влад искал у матери поддержки.

— Конечно, понимаю, сынок. И ни к чему не принуждаю тебя. Ты сам должен сделать выбор. А любит ли она тебя, ты знаешь?

— Мне это не важно. Моей любви хватит на двоих. Думаю, со временем она меня полюбит. Я всё сделаю для этого! — Влад говорил, будто оправдываясь.

— Конечно, ты должен бороться за свои чувства. Ладно, оставлю тебя. Посмотрю, что у нас с ужином, — мама поднялась с места и скрылась за дверями кухни.

Влад остался наедине со своими мыслями.

— О чём думает наш Ромео? — услышал он знакомый голос.

Влад обернулся. Позади него стояла Стефания.

— Ты подслушивала?

— Вот ещё! Я просто спускалась вниз и случайно услышала ваш разговор.

— Тебе не говорили, малявка, что подслушивать не хорошо?

— Ещё раз меня так назовёшь — получишь, — сказала Стефания, присаживаясь на диван рядом с Владом.

— Я вообще-то не разрешал тебя сесть.

— А я должна в своём доме спрашивать у тебя разрешения. Да ты кто такой вообще — царь и бог?

— Что ты ко мне привязалась? — Влад начинал сердиться.

— Больно надо! — фыркнула сестра, — что уже с тобой рядом и сидеть нельзя? Кстати, что это за Василиса? Это её фотка стоит у тебя на заставке?

— Ты ещё лазаешь по моему телефону? — Влад покраснел от негодования.

— Тебе корона-то не мешает? Ещё чего выдумал — по телефону лазить. Просто

увидела, когда ты звонил.

— Смотри у меня, малявка! — Влад пригрозил пальцем.

— А она красивая! — мечтательно произнесла Стефания.

— Да, отстанешь ты от меня сегодня или нет? — Влад бросил в сестру подушку с дивана.

Та ответила ему тем же. Потом начался бой на подушках. Влад и Стефания смеялись, бегая друг за другом и кидаясь подушками. В арке кухонной двери стояла мама. Она улыбалась, наблюдая за этой картиной. Давно она не испытывала такого чувства спокойствия и умиротворённости.

Глава двенадцатая «Хэппи энд»

Прошло уже три дня с тех пор, как я в последний раз видела Тана. Три долгих мучительных дня. Всё это время я просидела у раскрытого окна в надежде увидеть знакомый силуэт, вздрагивая при каждом звонке телефона. Света и Ольга беспокоились за меня. Мне же было всё равно. Я не ощущала усталости, у меня не было чувства голода. Единственным моим чувством была любовь. Она, как огонь, пылала внутри, до боли обжигая сердце. Я чувствовала, что горю, лишь только представляла его черты, вспоминала его сладкие губы, его притягивающий запах, который, казалось, и эти ранним утром стоял в комнате. Я понимала, что без него нет смысла в моём существовании. Он был уже для меня всем.

— Василиса, так нельзя! — вновь пыталась поставить меня на путь истинный Света. — Ты уже три дня ничего не ешь! Так и заболеть недолго.

Я не слышала подругу. На сердце моём было не спокойно — будто знала, что должно произойти что-то ужасное. И это чувство пугало меня.

— Может, ты передумаешь и всё же поедешь? — упрашивала меня подруга.

— Нет, не хочу! Не хочу ни в какой поход!

— Хватит так убиваться! Ну, подумаешь, парень не позвонил. Может быть, у него дела. Позвонит ещё. А, если и нет, тогда ну его! Нового найдём!

Если бы всё было так просто! Если бы Света знала, что тот, кому я отдала свое сердце, не просто парень. Я люблю полукровка: наполовину человека, наполовину бозкурта! И с этой правдой никогда не смогу спокойно жить, зная, что он всегда рядом, всегда наблюдает. Да я и не хочу жить без него!

— Ну, пожалуйста, поедем! — умоляла Света. — На природе развеешься. Здорово же будет! Погода классная, будем купаться, петь песни вечером у костра. Романтика же!

— Вот сама и езжай! Я хочу остаться дома!

— Думаешь, вдруг он позвонит, а тебя нет? Да все знают, что мы сегодня едем в поход — весь универ на ушах стоял, все просились с нами. Кстати, Семён Логинов тоже едет, помнишь, вместе с Таном ходили с нами на экскурсию?

Я обернулась к Свете:

— Откуда ты знаешь?

— Вика Ершова сказала, он же ей нравится. Слушай, — Света подумала о том же, о чём и я, — а вдруг и Тан будет в походе. Он же любимый ученик Германа Петровича.

У меня появилась надежда. Я вскочила с места, подбежала к Свете.

— Я успею собраться? — схватила я подругу за руки.

— Вполне, — улыбнулась та.

Через час мы были уже на Киевском.

На перроне мы сразу отыскивали наших — эта компания была самая шумная.

— Василиса, Светлана, Геннадий, — Герман Петрович обнял нас по очереди.

С трудом в нём можно было узнать профессора истории. Непривычно было видеть его без идеально отглаженного костюма и любимой чёрной бабочки. Сейчас в этом салатовом спортивном костюме аля 80-хх он был похож на посетителя дискотеки «Кому за семьдесят».

— Итак, ребята, посмотрите, все ли на месте? Кого мы ещё ждём? — крикнул прямо мне на ухо профессор.

Я тоже смотрела по сторонам. Но мне не было дела ни до кого. Глаза мои искали только одного человека.

— Его здесь нет, — заметив моё беспокойство, сказала Света, — я уже посмотрела. Но ты не переживай раньше времени — Логинов тоже опаздывает. Ещё пятнадцать минут до отправления поезда.

Я всё равно переживала.

— Кстати, Макаровский опять со своей, — Света кивнула в сторону лавочки, где сидел Сева со своей девушкой. — Видать, у них всё серьёзно, раз везде её с собой таскает. А ты видела, во что Дубровина вырядилась? — продолжала Света. — У меня нижнее бельё длиннее, чем её шорты. Да ещё и на каблуках. Она что-то попутала.

— О, привет, девчонки! — подбежал к нам Стрельцов в «Адидасе», явно, в прекрасном настроении. — Оторвёмся сегодня? — обнял он меня и Свету.

— Стрельцов, ты напился что ли уже с утра пораньше? — убрала Света его руку со своего плеча.

— Ну, зачем ты так, Чебурашка? Я же к вам со всей душой!

— Знаешь чего, иди-ка ты со своей душой...вон Смирнову обнимай! Она обрадуется такому счастью.

— Злые вы! — сказал Миха, показав язык перед уходом.

И, видимо, решил последовать Светиному совету, потому как через минуту уже стоял в обнимку с явно довольной Смирновой.

— Вот, опоздавшие подходят, — встречал Герман Петрович вновь прибывших студентов. Но Тана среди них не было.

Надежда моя таяла на глазах.

— Товарищи студенты, проходим в вагон. Наш вагон номер тринадцать, — скомандовал профессор Левин.

— Счастлиное число, Герман Петрович! — сразу зацепился за его слова Грибанов. — Специально выбирали?

— Ни за что бы не подумал, Грибанов, что вы — суеверный человек, — усмехнулся профессор, поднимаясь в вагон.

— Очень суеверный, Герман Петрович! — паясничал Грибанов. — Поэтому отказываюсь ехать в вагоне номер тринадцать.

— А ты попроси проводницу, — сказал Стрельцов, подойдя к молоденькой проводнице и прочитав её имя на бэйджике, — Елену, может, она тебя приютит.

Проводница смутилась.

— Не обращайтесь на них внимания! — проходя мимо неё, сказала Света. — У них все шутки ниже пояса.

В это время к двери вагона подошли одновременно Дубровина и Макаровский со своей новой пассией.

— Ой, прости! Не больно? — своим писклявым голоском спросила Алина у Севы, при этом наступив ему нарочно на ногу.

— Переживу! — достойно ответил ей бывший.

— А вы будете в одной палатке спать? — продолжала ехидничать Анджелина Джоли. — Твоя девушка знает, что ты храпишь как сапожник? — посмотрела она на новую подружку Брэда Питта, явно пытаясь побольнее её задеть.

— Мы уже спали вместе, не волнуйся за неё, — Макарский старался сохранять спокойствие. — А мою девушку зовут Вероника, — улыбнулся он.

— Хм! — усмехнулась Дубровина и зашла в вагон.

До отправления поезда оставалось не больше пяти минут. По громкой связи машинист попросил провожающих покинуть вагоны. А Тана всё не было. Вот в окно я увидела Семёна Логинова, бежавшего по перрону с огромным рюкзаком на спине и гитарой. Он был один. Моя надежда рухнула...

Через пять минут мы уже отъезжали от вокзала, набирая скорость и оставляя позади перрон вместе с моей «рухнувшей надеждой». Моё место оказалось рядом со Светой, Севой Макарским и его девушкой Вероникой. Света тут же переметнулась в соседнее крыло, где было намного веселее, чем со мной, предложив и мне пойти вместе с ней, от чего я, конечно же, отказалась. Сева и Вероника раскладывали по полкам рюкзаки и сумки. Я же с грустью смотрела в окно, провожая взглядом суетливый, не смотря на раннее субботнее утро, город.

— Герман Петрович, — раздался чей-то громкий голос на весь вагон, — долго нам ехать?

— Не особо, — ответил профессор, — часа четыре — не больше. А, чтобы не скучать, попросим Семёна что-нибудь нам исполнить. А мы подпоём.

Раздались аплодисменты.

«Ничего на свете лучше неету,

Чем бродить друзьям по белу свету...» — понеслось по всему вагону.

Все радовались — улыбки не сходили с лиц. Настроение чувствовалось даже в воздухе. Но меня не радовало ничего. Мои мысли были далеко от этого поезда, от этого вагона. Так же далеко, как и мелькающие в окне, сменяющие друг друга, словно слайды, картинки: деревеньки со старыми покосившимися домами, дремучие леса, как в сказке про серого волка, стоявшие сплошной стеной, просторы полей и лугов, пестрящих всеми красками лета.

Неужели моя сказка закончилась, так и не начавшись? Я сидела, облокотившись лбом о холодное стекло, и думала о нём. Где он сейчас? В эту самую минуту? Думает ли он обо мне? Или уже забыл?

— Ты сегодня грустная. Что-то случилось? — услышала я знакомый голос.

Наконец-то отвлеклась от окна. На меня смотрел Макарский, одной рукой обнимающий свою девушку, другой протягивая мне огромное красное яблоко.

— Угощайся, — улыбнувшись, сказал он.

Его улыбка показалась мне искренней, в ответ тоже захотелось улыбнуться.

— Ну же! Бери! — настаивал он.

— Спасибо, — я взяла яблоко.

— Вероника, — протянула мне руку его спутница.

Я подняла на неё глаза. Она показалась мне простой, не было в ней того лоска, напыщенности, как у остальных обладательниц «золотой пробы».

— Можно с тобой подружиться? Не могу же я всё время с Севой ходить. А подруг у

меня здесь нет.

— Конечно, — всё ещё не понимая её выбора в мою пользу, ответила я.

— Вероника — очень скромная и простая девушка, — будто читая мои мысли, сказал Макарский. — Думаю, вы с ней чем-то похожи. Поэтому обязательно подружитесь.

Я заметила, что Макарский тоже изменился в последнее время. В лучшую сторону...

— Как у вас с Владом? — спросил вдруг он.

Я растерялась. Сердце моё ёкнуло при упоминании этого имени. Пусть я не испытывала к Истомину таких чувств, как к Тану, но он был мне не безразличен.

— Никак, — ответила я, опустив глаза.

— Но ты простила его?

— Я не держу на него зла, если ты это хотел узнать, — ответила я Макарскому.

— Я знаю Истомина давно. Честно говоря, не думал, что он может так измениться. Не благодаря тебе он из редкостной скотины превратился в человека. Я говорил с ним. Он, действительно, переживает. Он... — Макарский запнулся, — любит тебя.

Я чувствовала, что щёки мои покрылись румянцем.

Если бы я не встретила Тана, возможно, с Истоминим и вышло бы что-то. Но сердцу приказать не могла. Оно уже давно было отдано другому.

За разговором мы не заметили, как быстро пролетело время.

— Всё, ребята, приехали! — по голосу профессора Левина чувствовалось его прекрасное настроение. — Быстренько все на выход. Нам ещё пешком в гору подниматься.

— Вы не говорили, Герман Петрович, что альпинизмом ещё будем заниматься, — сетовал Стрельцов.

— Герман Петрович, вы что? Как же я на таких каблуках и в гору? — причитала, чуть не плача, Анджелина Джоли.

— А я предупреждал, Дубровина, что одеваемся в лес, а не на дискотеку, — развернулся к ней профессор. — А вы куда вырядились?

— Женщина должна быть везде красивой — и в лесу тоже, — доказывала Дубровина.

— Женщина может быть красивой и в спортивном костюме и в кедах, — спорил с ней профессор. — А вам придётся либо идти босиком, либо искать себе рыцаря, который согласится нести вас на руках, — улыбался Левин.

— Да уж! Конечно! — не растерялся Стрельцов. — Какой дурак согласится.

— В рыцарстве нет ничего постыдного, — продолжал Герман Петрович. — Вот, если бы в наше время произошла такая ситуация, то каждый бы из ребят предложил свою помощь. А ваше поколение, к сожалению, уже не знает, что такое рыцарство. А дуэли, наоборот, устраивают представительницы прекрасного пола, — профессор Левин вздохнул.

Через несколько минут мы были в нужном месте. Какая же красота была вокруг! Было чувство, будто бы я находилась долгое время в заточении, а потом вырвалась на свободу! Лес притягивал своей манящей, будоражащей душу таинственностью, своей первозданной красотой. Увидев такой дивной красоты лес, воображение начинает рисовать картины из знакомых сказок. Сразу представляешь русалку на ветвях, избушку на курьих ножках, ступу с бабой Ягой.

— Интересно, — прервал мои мысли голос Грибанова, — а здесь волки есть?

Услышав про волка, я опять взгрустнула, вспомнив про Тана.

— Итак, располагаемся, товарищи студенты, располагаемся, — командовал

профессор. — Игорь Олегович, поможете нам палатки поставить? Это ведь в вашей компетенции.

— Без проблем! — ответил наш физрук, по размеру сам напоминающий палатку.

В прошлом боксёр, он отличался довольно крупной фигурой, чем снискал себе уважение со стороны студентов, старающихся никогда не пропускать уроки физвоспитания, от греха подольше. Потому что Игорь Олегович в гневе был страшен. Ну, а на самом деле он был очень даже мягким человеком, несмотря на свой грозный вид. И с чувством юмора он был на «ты», за что его тоже уважал наш брат.

— Слушай мою команду! — как на уроке сказал Игорь Олегович.

Все отвлеклись от своих дел, вытянувшись по стойке «смирно».

— Стрельцов, Макаровский, Ежов, Калинин, Дмитриченко, Логинов помогают мне ставить палатки. Грибанов, Бочкин, Баранов, Головки идут искать дрова.

— Какие дрова в лесу, Игорь Олегович? — начал Грибанов.

— Хворост, Грибанов, хворост. Знаешь, как выглядит? Или показать? Шагоооом марш! — продолжал физрук. — Девушки раскладывают вещи и создают домашний уют, — подытожил Игорь Олегович.

Через час всё было готово к обеду. Палатки стояли друг за другом, образуя настоящий палаточный лагерь, который до этого я видела только в кино. По центру догорал костёр, над которым висел котелок с готовящейся ухой из щуки, пойманной Игорем Олеговичем. Все сидели вокруг костра наготове, держа в руках походные железные миски в предвкушении вкусного обеда.

— Игорь Олегович, — кокетничала с физруком Дубровина, — научите меня рыбу ловить?

— А чему там учить, Дубровина? — ответил тот. — Бросаешь удочку и ловишь, — физрук усмехнулся.

— Ну, тогда покажите, как надо бросать, — не отставала та.

— Я тебе покажу, Дубровина, — встрял в разговор Стрельцов. — У меня талант по забрасыванию удочки, — он засмеялся, все наши мальчики его поддержали.

— После обеда предлагаю общий заплыв, — раздался голос Германа Петровича. — Надеюсь, купальники не забыли?

— Ура! — раздалось вокруг.

— А зачем купальники? Может, устроим нудистский заплыв, — под восторженные аплодисменты ребят спросил Грибанов.

— Если, Грибанов, вам так хочется, мы не будем возражать, — продолжал Герман Петрович, — можете воссоединиться с природой. Мы же предпочитаем другой вариант.

Девчонки засмеялись.

— Предлагаю разбиться на команды и устроить соревнование по пляжному волейболу, — предложил Игорь Олегович.

— И проигравшие готовят ужин! Как вам? — наконец-то проронил слово Макаровский. А то я даже начала скучать по его шуточкам.

— Ну, тогда, Сева, придётся тебе ловить рыбу, — поднялся с места, расправив плечи Стрельцов. — Я — король пляжного волейбола. Ты не разве не знал?

Смех эхом раскатился по лесу.

Я сидела рядом с близкими друзьями, как обычно, смотрела на Свету — она смеялась, как ребёнок, закатываясь всё громче. Генка тоже казался счастливым. Наверное, только я

выделялась из этой довольной компании. Как бы хотела, чтобы рядом сидел тот, о ком были мои мысли. Как бы хотела чувствовать на себе его тёплое дыхание, держать за руку, умирая при этом от смущения. Это было всё, о чём я мечтала в данную минуту.

— Ну как? — развернулась ко мне Света. — Говорила же, будет весело. А ты, дурочка, ехать не хотела.

— Да, ты оказалась права, — выдавливая улыбку на лице, поддержала я подругу.

Несмотря на тёплую дружескую, как ни странно, атмосферу, на шутки и предстоящие развлечения, мне было грустно.

Наступил вечер. Время, честно говоря, пролетело незаметно. Мы поужинали, и каждый занялся своим делом. Света, Вероника и ещё некоторые девочки мыли посуду. Лена Смирнова и Полина Ничипоренко играли в бадминтон, судьёй их был Генка. Игорь Олегович продолжал ловить рыбу. Герман Петрович его поддерживал разговором. Ребята под предводительством Макарского и Стрельцова что-то бурно обсуждали. Семён Логинов играл на гитаре в окружении восхищённых его талантом девчонок.

Только я не могла найти себе места.

Уже смеркалось. Солнце опускалось всё ниже, заревом обнимая небо. Я, очарованная закатом, направилась вглубь леса. Ноги сами несли меня в неизведанную манящую пучину переплетающихся своими ветками столетних сосен и елей, хранящих тайны девственного леса. Старожилы эти ничуть не пугали меня, наоборот, завораживали, рисуя в моём воображении те картины, которыми я любовалась в детстве, открыв книгу со сказками.

— Василиса! — голос, который я никак не ожидала услышать сегодня, словно сковав меня цепями, заставил остановиться.

Я оказалась посередине лесной тропинки, окружённой, будто забором, высокими деревьями, которые, качаясь из стороны в сторону, немного смущали своим скрипом.

Он был похож на принца, оставившего коня неподалёку. Было непривычно видеть его не в модном дорогом костюме, а в голубых рваных джинсах и белом, похожем на плюшевого медвежонка, свитере. Его длинная цвета тёмного шоколада чёлка закрывала половину лица, но я увидела его улыбку. Улыбку, которая свела с ума многих девчонок, колдовским чарам которой была неподвластна только я.

— Влад! — только и сказала я.

Истомин бросился в мою сторону и заключил меня в объятия, из которых было трудно выбраться.

— Я так скучал! — сказал он мне на ухо.

Я чувствовала его запах — запах мужского тела вперемежку с манящим ароматом «bleu de CHANEL».

Понимала, что должна была вырваться от него, уйти. Но не могла. Какая-то неведомая сила держала меня в его объятиях. Я и не подозревала, насколько небезразличен мне Истомин! Меня тянуло к этому красавцу, который не хотел меня отпускать. Неужели он всё-таки мне нравился? А как же Тан? Разве я не люблю его? Тогда как такое возможно? В голове роем кружились мысли. Они исчезли в ту же секунду, когда я почувствовала, как пухлые мягкие губы Влада дотронулись до моих. Я снова летела в бездну.

— Так-так! Вот и попались голубки! — раздался за кустами мужской голос.

Опомнившись, я оттолкнула Истомина.

— Что? Что не так? — не хотел он выпустить меня из объятий.

— Всё не так! — пятилась я от него.

— Я тебе противен? — вдруг спросил Влад.

— Нет. Дело не в этом.

— Тогда в чём же дело? — Влад следовал за мной.

— Так нельзя.

— Как нельзя? Не понимаю тебя. Я узнал, где вы находитесь, проделал такой путь! А ты меня отвергаешь?! — разочарованным голосом продолжал он.

— Зачем ты здесь? Я не просила тебя приезжать!

— Мне нужно поговорить тобой!

— Прямо сейчас?

— Это вопрос жизни и смерти!

Я вопросительно посмотрела на Влада. Меня уже пугало то, что он скажет. Как я хотела в ту минуту исчезнуть, только бы не слушать его!

— Завтра я должен уехать... — он запнулся, — навсегда...

Моё сердце заколотилось сильнее.

— Одно твоё слово — и я останусь! — еле слышно сказал он.

Я посмотрела в его глаза. В них была надежда. Я колебалась.

— Что ты хочешь услышать от меня?

— То, что ты чувствуешь.

— Я не знаю... — опустив глаза, ответила я.

— Значит, у меня есть надежда? — глаза Влада засверкали.

Я должна была оттолкнуть его, прогнать, заставить уехать. Но не могла этого сделать, боясь потерять навсегда...

Вдруг я вспомнила Тана.

— Уезжай... — я остановилась, — навсегда!

Слёзы появились у меня на глазах. Моё сердце разрывалось.

Влад подбежал ко мне, вновь обняв.

— Нет. Ты же пошутила, правда? — слеза катилась по его щеке. — Я люблю тебя! Слышишь? Люблю! — я чувствовала, как колотилось его сердце. — Мне никто не нужен, кроме тебя! — он говорил взахлёб. — Ты будешь со мной счастлива!

— Нет, — я вырвалась из его объятий, — я не буду счастлива с тобой, потому что люблю другого!

— Как трогательно! — в эту самую минуту из своего укрытия вышел тот, кто давно следил за нами.

Я узнала его сразу. Это был Григорян. Тот сумасшедший учёный, который мечтал завладеть силой Тана. Он был страшен. Весь в чёрном, сливаясь с темнотой леса, он напоминал демона, а не человека. Глаза его были тоже чёрными. Взъерошенные волосы торчали в разные стороны. От его пронзительного взгляда мурашки бегали по телу.

— Как трогательно! — повторил он. — Голубки поссорились?

Медленным шагом он направлялся к нам. Мы пятились назад.

— Кто вы? Что вам нужно? — Влад загородил меня собой.

— Ты не знаешь, кто я? Ха-ха-ха! — смех Григоряна казался таким ужасным, как и он сам.

Я тоже не понимала, что нужно было этому маньяку, зачем он преследовал меня и

Истомина.

— Как долго я ждал нашей встречи! — продолжал Григорян. — Семьдесят долгих лет. Семьдесят лет мы не виделись. Ты не узнал меня?

Влад был ошарашен.

— Простите, вам нужна помощь? Я не понимаю, о чём вы говорите! Вы, возможно, с кем-то меня спутали!

Зато я всё поняла. Я поняла, с кем этот ненормальный спутал Истомина.

— Вы ошиблись! — я встала впереди Влада. — Это не он!

— Не он? Ха-ха-ха! — вновь рассмеялся Григорян, блестя своими золотыми зубами — Думаешь, я не узнал его? То же лицо, та же причёска, тот же голос, — вы хотите одурачить меня?!

— Чёрт возьми, Василиса! — не выдержал Истомин. — Да о чём он говорит?! Ты знаешь этого ненормального?! Что ему нужно?!

— Мне нужен ты! Только ты! — ответил на его слова Григорян. — Девчонка может уйти, она мне не нужна.

— Василиса! — крикнул Истомин. — Слышала? Уходи отсюда!

— Ни за что! Я не брошу тебя!

Вдруг из-за пазухи Григорян вынул знакомый мне заостренный клинок.

— Что вы задумали? Что вы делаете? — голос Влада дрожал.

Меня всю трясло. Было так страшно!

В эту минуту Григорян с ножом бросился к Владу. Тот увернулся от его удара. Григорян воткнул нож ему в грудь где-то совсем близко с сердцем. Влад упал на колени. Из раны тонкой струйкой сочилась кровь, расплываясь красным пятном на земле.... Влад зажал рану.... Я закричала от ужаса.... Бросилась на Григоряна.... Он воткнул нож мне в плечо.... Я почувствовала, как рука немеет, а тепло разливается по всей руке.... Голова моя закружилась....

— Нееет! — страшным звонким эхом разнеслось по всему лесу.

Я обернулась на знакомый голос.

Это был Тан. Правда, его с трудом можно было узнать. Глаза его светились янтарным блеском. В сумерках, которые уже окутали лес, этот блеск казался ещё ярче. В полуоткрытом рту виднелись белые звериные клыки. Он тяжело дышал, то и дело издавая рычание. Чёрные прежде волосы стали голубого оттенка, напоминая седину. Тан стоял, не шелохнувшись, но голова его неестественными движениями поворачивалась то в одну, то в другую сторону, так, что можно было ещё отчётливее увидеть его острые зубы.

— Чёрт побери! Что происходит? — в голосе теряющего силы Истомина слышался неподдельный ужас.

Григорян застыл на месте как статуя.

Я же не сводила глаз с превращающего в того, кем он был наполовину, моего возлюбленного. Через секунду обе его ладони начали увеличиваться в размере, покрываясь голубой шерстью. Вместо ногтей появились длинные звериные когти. Лицо же его осталось неизменным — таким же красивым и родным как всегда. Тан поднял голову кверху, зарычал так, что поднялся ветер, от которого его голубые волосы, отливая серебром, разлетелись в разные стороны.

Истомин то ли от потери крови, то ли от пережитого потерял сознание. Моё же сознание давно было потеряно, в тот день, когда я узнала о Тане правду.

Тан, точнее тот, кем он стал, перешагнул через лежащего Истомина и направился к Григоряну, который всё это время на коленях пытался уползти подальше. Не обращая никакого внимания на меня, он, рыча и сверкая глазами, всё ближе и ближе подходил к своей жертве.

— Пощади! — умолял его Григорян. Но Тан его не слышал. Вот он нагнал его, схватил за шею и поднял над собой. Григорян ухватился обеими руками за руку Тана и, болтая в воздухе ногами, издавал предсмертные звуки.

— Нет! Тан! Не делай этого! — я вскочила с земли, подбежала к Тану сзади и попыталась обнять его.

В этот миг он зарычал ещё громче, замахнулся на меня второй рукой так, что поцарапал когтями мою шею. Увидев это, Тан бросил ещё живого Григоряна, который тут же, пользуясь моментом, попытался вновь уползти.

— Нееет! — Тан подхватил меня на лету. Из моей раны брызгала кровь.

— Нееет! — кричал Тан страшным звериным голосом. По его щекам текли слёзы. Он сел на колени, прижал меня к груди и зарыдал, качаясь из стороны в сторону. Я, пытаюсь улыбаться, смотрела в его зелёные глаза, от яркого блеска которых слипались мои собственные. Я чувствовала, как силы покидали меня. Тан зажимал мне рану руками и продолжал рыдать. Я с любовью смотрела на него — на его неземную красоту, которая так притягивала меня!

— Я люблю тебя! — еле слышно, собрав последние силы, сказала я то, что давно хотела сказать.

И силы оставили меня....

Эпилог.

— Влад, сынок, ты, правда, хорошо себя чувствуешь? — наклонилась мама ко лбу Влада, оставив на нём след от губной помады.

Затем она нежно стёрла этот след рукой, продолжая улыбаться той улыбкой, от которой у Влада душа разрывалась от счастья, и хотелось петь вместе с этой душой.

— Ну, тогда в путь? — подмигнула она сыну, взяла за ручки инвалидную коляску и повезла его по длинному коридору аэропорта, где их уже ждал личный самолёт, готовый к отправке.

— Врач сказал, что после этой операции ты обязательно встанешь на ноги, — потрепал Влада за волосы подошедший к ним Алессандро Моретти. Он взял из рук жены коляску и сам продолжил её везти.

— Как я рада, что мы едем все вместе! — прыгала, как обычно, вокруг них неугомонная Стефания.

— Малявка! Ты уже успокоишься, наконец? — улыбнулся ей Влад.

— Ты перестанешь меня так называть? Как ты можешь оскорблять свою будущую жену? — собрала та губки бантиком.

— Жену? Ну, я, по-моему, ещё не делал тебе предложения? — удивился Влад.

— Конечно, — продолжала Стефания, — дождёшься от тебя!

— А что, если я не встану на ноги? — лицо Влада вдруг стало серьёзным.

— Мне всё равно! — улыбнулась ему в ответ Стефания той улыбкой, на которую Влад готов был смотреть каждую минуту. — Я всё равно буду любить тебя!

— Что за мысли, сынок? — обратилась к Владу мама. — Всё будет в порядке. Скоро ты

будешь танцевать вальс на вашей свадьбе.

И они, взявшись за руки, продолжили свой путь.

— Даже не верится, что, наконец-то, закончился этот судебный процесс, который казался вечным, — вздохнула мама, но, взглянув на сына, по выражению лица которого было понятно, что он не желает говорить о больном, замолчала.

Они остановились около огромного окна.

— Пойду возьму кофе, — поставив на тормоз коляску Влада, сказал Алессандро Моретти.

— Я с тобой, — взяла его под руку мама.

— А я хочу пирожное, — подскочила к ним Стефания. — Влад, тебе взять кофе?

— Нет. Никогда не любил кофе.

Они ушли, оставив Влада наедине со своими мыслями. Он смотрел в окно, по стеклу которого стучал дождь, оставляющий размытые пятна. Казалось, совсем недавно в «Махаоне» он плакал, увидев эту картину, вспоминая маму. Сейчас же она была с ним рядом. Казалось, дождь больше никогда не выдавит из него и слезинки. Но слёзы потекли из его глаз, стоило лишь только услышать этот знакомый звук.

Оплакивал Влад ту, которая изменила его жизнь, ту, которая научила его самому главному — любви. Оплакивал Влад ту, которая заставила его сердце вновь биться, но которую он больше никогда не увидит в этой жизни. Потому что в этой жизни её больше не было...

Он услышал голоса подходивших к нему близких, вытер руками слёзы и простился с ней навсегда, отпустив, наконец, из своего сердца.

... - Свет, ну ты скоро? — открылась дверь знакомой комнаты и показалась не менее знакомая шевелюра. — Я уже час, наверное, жду. Сеанс уже скоро кончится, а мы ещё из дома не вышли...

Света подлетела к ворчащему Генке и поцеловала его.

— Ладно, — улыбнулся тот, — жду ещё пять минут, не больше! — и вновь скрылся за дверью.

— Как он тебя столько времени терпит? — вздохнула Ольга.

— Скоро год, как мы встречаемся, — довольным голосом продолжала Света, — если бы только Василиса узнала об этом, она бы обрадовалась. Она всегда хотела видеть нас вместе, — вздохнула она.

— Я думаю, она знает, — подмигнула ей подруга.

— Уже год, как они с Таном пропали. Думаешь, они вместе? — вопросительно взглянула Света на улыбающуюся Ольгу.

— Я в этом уверена. Так же, как и в том, что где бы они с Таном не были, им хорошо вдвоём и никто им больше не нужен.

— Ну, ладно, я побежала. А то Генка заждался.

... Солнце всё ниже и ниже садилось на землю, уступая место луне, которая белой прозрачной дымкой уже висела на небе. Сегодня был первый день полнолуния, от этого луна была похожа на огромный баскетбольный мяч-альбинос.

Лес, манивший своей таинственной и загадочной историей, свидетелями которой были лишь столетние ели и сосны, готовился ко сну, окутанный словно покрывалом, сумерками,

спустившимися на землю. Деревья, подчинившись им, опустили свои кроны, успокоившись и постепенно забывая дневную суету.

Стояла тишина, изредка которую нарушало гукание совы, недавно проснувшейся и готовящейся к своей ночной жизни. То и дело эхом раздавалось громкое «ку-ку», заставляя всякий раз вздрагивать. Это была настоящая красота девственного леса, манившая меня всегда в свои объятия! Леса, куда не ступала нога человека! Леса, который успокаивал и убаюкивал.

Два русых зайца, чувствуя опасность, выскочили из кустов и пустились наутёк. Интуиция их не подвела. Вслед за ними на поляне, даже в полутьме пестрящей всеми красками леса, показались два волка. Один из них был высокий, крепкий, с отдававшей в голубизну гладкой шерстью. Другой — чуть пониже, более хрупкий, чисто белого цвета без единого пятнышка. Шерсть его тоже переливалась в последних лучах солнца, которое через минуту совсем скрылось из виду, оставив луну полноправной хозяйкой ночи.

Эти двое были счастливы! Такому нечеловеческому счастью позавидовал бы любой человек!

Больше книг на сайте — Knigolub.net